

**Министерство образования и науки Кыргызской
Республики
Жалал-Абадский государственный
университет
Кафедра русской филологии**

Калмурзаева Айчурок Абдирашидовна

**Теологические концепты в
провербиально-
языковой картине мира**

Монография

Жалал-Абад -2015

УДК 81-114.2
ББК 81.1
К 17

Рекомендовано к рассмотрению НТС
Жалал-Абадского государственного университета

Рецензенты: Зулпукаров К.З. – доктор филологических наук, профессор
Мирзахидова М.И. - доктор филологических наук
Дарбанов Б.Е. - доктор филологических наук

Калмурзаева, Айчурок Абдирашидовна

К 17 Теологические концепты в провербиально-языковой картине
мира: - Жалал-Абад, 2015. -114 с.

В монографии рассматриваются две новые отрасли языкознания, которые появились на стыке последних двух столетий - когнитивная лингвистика и лингвопаремиология. Изучены теологические концепты и когнитемы в паремийных изречениях с точки зрения принципов когнитивной лингвистики. Проанализированы концепты – константы «Кудай» и «Бог» как этноментальные образования с глубинным когнитивным и этнокультурным содержанием в кыргызско-русском провербиальном пространстве.

Предназначена широкому кругу читателей, интересующихся лингвокультурологией, лингвопаремиологией и когнитивной лингвистикой.

УДК 81-114.2
ББК 81.1
Калмурзаева А.А., 2015

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивная лингвистика представляет собой учение о ментальных процессах, происходящих при восприятии, осмыслении и познании действительности сознанием, а также о видах, типах и формах их ментально-языковых репрезентаций. Основными единицами когнитивного языкознания являются концепт, концептосфера, когнитема, менталитет и когнитивно-языковая картина мира.

Лингвопаремиология исследует провербиальные единицы языка – поговорки, пословицы, приметы, проклятия, пожелания и другие малые жанры фольклора, называемые паремиями, с помощью приемов и методов лингвистики. В паремиях теологические концепты представлены широко и многообразно и нуждаются в специальном научном освещении.

Тема связана с проектом «Лингвоэтнокультурные объекты Кыргызстана в контексте современных парадигм науки», который финансировался Управлением науки и научно-технической информации Министерства образования и науки Кыргызской Республики (2009-2011 гг.).

Изучены когнитивно-лингвистические содержания теологических концептов в провербиальном пространстве кыргызской и русской языковых картин мира. Проанализировано современное состояние когнитивной лингвистики, в частности, различные подходы к определению картины мира и ее разновидностей, различные взгляды на широко используемые в современной науке понятия концепта, менталитета и ментальности, изучены теоретические основы современных научных подходов к проблемам концептологии и методики когнитивного и концептуального анализа.

Описана трансформация концептуального содержания конфессиональной лексики в экстралингвистическом аспекте, исследованы и описаны средства вербализации концепта *Бог – Кудай*. Выявлены особенности вербального выражения концепта на основе применения современной методики когнитивного анализа, определены границы, объемы, структуры "провербиального пространства", описан корпус провербиальных единиц. Установлены на основе концептуального анализа совокупность дифференциальных и классификационных признаков концепта *Бог - Кудай*, выявлены среди них наиболее значимые, выявлены особенности отражения теологических концептов в сознании носителей языка по результатам ассоциативного эксперимента;

Концепт *Бог - Кудай* анализируется одновременно с позиций когнитивного и концептуального анализов. Когнитивная структура, реконструируемая на основе анализа провербиальных единиц как «хранилищ» знания о мире, в нашей работе является целью и средством когнитивного анализа. Концептуальный анализ позволил описать структуру концепта, его лингвоэтнокультурную специфику и сделать выводы относительно его значимости для языковой картины мира конкретной этнокультуры.

Подход к анализу концептуализации действительности в культурных концептах, осуществленный в данной работе, может быть учтен в лексикографической практике исследуемых языков.

В работе структурирована провербиальная концептосфера, углублена разработка вопросов отражения в языке национальной идентичности, закрепления в этноязыковой картине мира основ мировоззрения, мусульманских, домусульманских и православных морально-нравственных и эстетических ценностей. Исследование также способствует более глубокому изучению понятий концепта и его структуры, менталитета и ментальности, когнитивного и концептуального анализа.

Концепт «*Бог - Кудай*» является одним из ключевых в русском и кыргызском языковом сознании, и его формирование определяется общечеловеческим культурным фоном, национальной спецификой. Данный концепт относится к константам национальной культуры, так как относится к «постоянным принципам культуры» [151, С. 44]; неизменность его содержания закреплена многовековым народным опытом. Содержание концепта-константы *Бог - Кудай* отражает мировоззрение, социо- и этнокультурные традиции носителей русского и кыргызского языков, а значит и с наибольшей полнотой позволяет выявить отразившиеся в них черты ментальности соответствующих этносов.

Основными факторами, способствующими формированию концепта *Бог - Кудай*, являются этнокультурный менталитет, исламское и христианское сознание, исторические преобразования. Этнокультурный менталитет оказывает влияние на формирование национальной концептосферы национальной культуры. В рамках исламского и христианского мировосприятия формируются представления о *Боге - Куде*, сформированные истинами в священных писаниях. Исторические преобразования обуславливают трансформацию традиционных представлений о *Боге - Куде*. Все вышеперечисленные факторы на протяжении развития этносов оказывали влияние на формирование концепта *Бог - Кудай*.

Социально-исторические, политические модернизации в России и Кыргызстане в XIX-XX столетиях сопровождались трансформациями в сфере мировоззрения. Это отразилось и в исторической перспективе лексикографирования лексемы *Бог - Кудай* [50, С. 38, 90-91; 187, С. 234, 436-437; 71, С.500].

Концепт *Бог - Кудай* является сложным лингвоментальным образованием, состоит из понятийного, образного, аксиологического компонентов и репрезентируется в провербиальном пространстве в виде системы пословиц, поговорок, пословично-поговорочных изречений, афоризмов, идиом - речевых формул. Многообразие лексических и провербиальных средств, используемых для вербализации концепта *Бог - Кудай*, указывает на ценностную значимость концепта для русской и кыргызской лингвокультуры.

Репрезентация концепта *Бог - Куда́й* в провербиальном пространстве русского и кыргызского языков и результаты ассоциативных экспериментов расширяют и изменяют ядерные и периферийные зоны концепта. В процессе своего функционирования концепт подвергается видоизменениям в оценочной и образной составляющих. Это связано с экстралингвистическими факторами (смена общественного строя, мировоззрение, идеология). При этом объем понятийного компонента остается неизменным.

Провербиальные единицы языка, выступающие средством вербализации концепта *Бог - Куда́й*, представляют богатый материал в отношении исследования языковой картины мира. Когнитивный подход к провербиальной единице означает, что вся ее семантика рассматривается как отражение закрепленного в языке знания. При реконструкции провербиальной картины мира методом когнитивного анализа исследуются не только значение, но и внутренняя форма провербиальной единицы, выявляемая при ее буквальном прочтении, и лексический состав, а также коннотации и ассоциативный комплекс, так как только в совокупном их анализе можно описать провербиальное видение мира.

В провербиальной картине мира обобщенный теологический концепт представляется в виде когнитива.

Автор благодарен за замечания и предложения.

Глава I

Общая характеристика состояния и принципов концептуальных исследований

1.1. Об основной тенденции в современном языкознании

В начале XXI века растет всеобщий интерес к проблемам культурного бытия, к сферам духовной жизни человека и этноса. Историческое и духовное развитие общества сегодня характеризуется стремительным ростом самосознания, чувством национальной гордости за свою историю, культуру, язык, традиции, обычаи, горячим стремлением не только сохранить, но и приумножить национальные ценности, идущие из глубины веков.

Возросшее этническое самосознание стимулировало обращение к исторической и культурной памяти людей, выразившееся в стремлении к сохранению неповторимой этнокультуры, этноценностей, этноистории и этноязыка. Наблюдаемый в настоящее время процесс появления новых государств, обострение межэтнических отношений в мире, а также неутрачиваемые противостояния на религиозной почве связаны, во многом, с этническим и религиозным возрождением. Это обуславливает растущий интерес к существованию феноменов этничности и религии.

Как и в предыдущие эпохи, религия продолжает играть важную и неоднозначную роль в этнической дифференциации, поскольку она охватывает своим влиянием не только духовное бытие той или иной общности (обычаи, ценности), но и обеспечивает ощущение взаимной комплиментарности, т.е. идентичности, отличие от других общностей.

Герменевтическая экспликация языка позволяет выявить общее и особенное в этнической ментальности. Внимательное отношение к слову дает нам возможность постичь ментальные особенности друг друга в своем общечеловеческом единстве и частном проявлении. В. А. Маслова отмечает, что тайна языка - главнейшая из тайн человечества: если ее раскрыть, то раскроются многие сокрытые в веках или утраченные знания [111, С. 23].

Проблема вербиализации и определения структуры и содержания религиозных понятий издавна интересовала теологов, философов, психологов. Во второй половине XX и начале XXI в., когда центральным объектом исследований теоретиков языка становится живой язык, функционирующий в речевом общении, когда развитие получает положение, впервые высказанное В. Гумбольдтом, о том, что в основе всех лингвистических исследований должен быть человек, но не просто как личность, а как языковая личность, статус важнейших объектов изучения теории языка и лингвокультурологии приобретают религиозные концепты. Эти концепты отражают сложную систему духовно-нравственного и морально-этического измерений языковой картины мира и внутренней, духовной жизни личности.

Интерес к религиозному дискурсу в конце XX - начале XXI века определяется прежде всего ролью религии в жизни человека и человечества, потому что именно религия связывает Бога и человека, гармонизирует мир и воплощает истину.

В иерархии религиозных, философских, этических и психологических концептов первое место принадлежит таким универсальным концептам, как *Бог-Кудай*, религия-дин, вера-ишеним, душа-рух, любовь-сый, урматтоо, истина-чындык и др. Это мировоззренческие понятия, которые «личностны и социальны, национально специфичны и общечеловечны» [8, С. 3–11], «являются «осью», вокруг которой в иерархической форме сконцентрированы узловые точки концептуальной картины мира» [137, С. 110].

Среди таких общечеловечных, личностных и социальных концептов наибольшей популярностью пользуется концепт *Бог-Кудай*. Рассмотрению этого концепта, в силу своей универсальности и «общечеловечности» получившего определения концепта-константы, макроконцепта, посвятили свои труды такие исследователи, как Г. Н. Скляревская, Е. В. Сергеева, Л. Г. Гынгазова, Н. О. Козина, Ю. Н. Михайлова, Е. Ю. Булыгина, Т. А. Трипольская, Ю. Т. Листрова-Правда, Н. В. Шведова, Р. А. Короленко, Е. А. Алексеева, Полина А. В., Елисеева О. В., Алещенко Е. И., А.Абдулатов, М. Малабаев, Б. Исаков, К.Зулпукаров, С.Сейитбекова и др.

Заслуга Г. Н. Скляревской - в появлении одного из первых лексикографических опытов — «Словаря православной церковной культуры» [146, С. 6]. Ю. Н. Михайлова, Е. Ю. Булыгина, Г. А. Трипольская исследуют лексикографическое представление религиозной лексики [113, С. 181-191; 25, С. 122-134], Е. В. Сергеева исследует семантическое наполнение концепта в религиозно-философских текстах, моделирует концепт Бог в религиозно-философском дискурсе школы всеединства, сравнивая его с ортодоксальным, богословским [145, С. 170], Л. Г. Гынгазова исследует концепт в дискурсе диалектоносителя [45, С. 158-165], Н. В. Шведова рассматривает данный концепт в качестве компонента «семантически недостаточных фразеологизмов», Алещенко Е. И. исследует концепт Бог на материале народной сказки [11, С. 250]; Р.А. Короленко моделирует концепт Бог в современной англосаксонской культуре [85, С. 307-314], Полина А. В. моделирует концепт Бог в английском дискурсе XIV-XXвв. Изучается концепт Бог и в сравнительном аспекте [54, С. 101-105] - на материале русского и болгарского языков; [108, С. 93-102] - на материале русского и английского языков; [10, С. 41-42] - в русской и французской лингвокультурах; [60, С. 24] - на материале русского, французского и английского языков.

В тюркологии концепт Кудай/Алла/Аллах/Теңир был предметом изучения К.М. Мусаева, Р.А. Тадиновой, З.Н. Экба и др. [118, С.12-41; 154, С. 770]. А. Абдулатов, М. Малабаев, К. Зулпукаров, С. Сейитбекова и др. исследуют концепт Кудай на материале пословично-поговорочных изречений [2, С. 58-66; 1, С. 27-42].

Причины чрезмерного интереса именно к понятию Бог - Кудай объясняются, по нашему мнению, тем, что довольно большой промежуток времени (со времен Октябрьской революции) это понятие находилось под негласным запретом. В то же время, как показывают наши наблюдения, этот

феномен еще не получил достаточного освещения в рамках теории языка и лингвокультурологии и нуждается в дальнейшем многоаспектном изучении. Этим в значительной степени и определен выбор темы нашего исследования.

В основу данной работы кладутся идеи, категории и принципы когнитивного языкознания. Когнитивные исследования, как известно, направлены на познание универсального опыта, зафиксированного в культурной памяти народа, способствуют глубокому пониманию национального менталитета, его ценностей и приоритетов.

В данной главе описывается состояние когнитивной лингвистики в современной антропоцентрической парадигме языка, определяются основные термины, используемые в работе: картина мира, непосредственная картина мира, опосредованная картина мира, языковая картина мира, когнитивная структура, менталитет, ментальность. Рассматриваются также современное состояние исследования концепта в когнитивной лингвистике, понятие концептуального поля, различные подходы к методике концептуального анализа.

1. 2. Когнитивная лингвистика в системе антрополингвистики

На рубеже столетий (XX-XXI) **когнитивная лингвистика** стала одним из ведущих направлений в области исследований языка. Ее формирование связывают с именами американских лингвистов Джорджа Лакоффа, Рональда Лангакера и других, учение которых описано в работах Е.С. Кубряковой [94, С. 3-12]. Первопроходцами и основателями советско-российской когнитивной лингвистики, начиная со второй половины XX века, стали Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, В. В. Колесов, В. З. Демьянков, В. Н. Телия, И. А. Стернин, В. З. Попова, А. П. Бабушкин, Л. О. Чернейко, Болдырев Н. Н., В. В. Красных, Е. А. Селиванова, Л. Г. Лузина, Ю. К. Панкранц, З. А. Харитончик и другие. В Кыргызстане проблемами когнитивного языкознания занимаются такие ученые, как Тагаев М. Дж., Лазариди М.И., Зулпукаров К. З., Дербиева З. К., Борчиева Б. Т., Л.И. Дрофа, Ы.А. Темиркулова, С.Б. Эргешова, С.С. Сейитбекова, Г.Ш. Абдразакова и многие другие.

Наука **когнитология** практически оказалась в центре всех областей гуманитарного знания. «Когнитология, или когнитивная наука, занимается человеческим разумом и мышлением и теми ментальными (мыслительными, психическими) процессами и состояниями, которые с ним связаны» [Краткий словарь когнитивных терминов [95, С. 53, 90].

Когнитивная лингвистика представляет собой одно из направлений антрополингвистики. Термин «антрополингвистика» состоит из двух частей: anthropos(гр.) - человек и linguistique(фр.) < лат. Lingua - язык, т. е. языкознание.

Исторически термин «**антрополингвистика**» появился как эквивалент термину «этнолингвистика» в начале XX века, хотя «этнолингвистика» как наука сформировалась на рубеже XIX-XX веков. И если в процессе своего

становления и развития этнолингвистика рассматривалась как «направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре, взаимодействию языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка... как комплексная дисциплина, изучающая с помощью лингвистических методов «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии независимо от способов их формального представления (слово, предмет, обряд и т. п. [189, С. 597], то в 70-80-е годы XX века учёные пришли к выводу «что этнолингвистика (как и социоллингвистика) неотделима от собственно лингвистики, поскольку последняя исследует вопросы реального функционирования языка и его роль в жизни человека [189, С.598], т. е. «общечеловеческая» лингвистика, а в общепринятом термине «антропололингвистика». Этому в немалой степени способствовало и параллельное развитие с этнолингвистикой социологического направления в языкознании, «трактующее язык прежде всего как социальное явление, как средство общения людей, связанное с их общественным положением, сферой занятий, образованием и т. д.» [189, С. 482].

История развития науки о языке и человеческом обществе (социуме) показывает, что современная антропололингвистика - это целая система, включающая в себя все знания о языке, связанные с особенностями психологической природы человека, его познавательной, коммуникативной и деятельностно - созидательной способностью.

Изучение сознания и мышления человека - это область **КОГНИТИВНОЙ НАУКИ**, «занимающейся человеческим разумом и мышлением и теми ментальными (психическими, мыслительными) процессами и состояниями, которые с ним связаны; предметом которой является **КОГНИЦИЯ** - познание и связанные с ним структуры и процессы; исследование феномена знания во всех аспектах его получения, хранения, переработки и т.п., в связи с чем главными проблемами когнитивной науки считаются вопросы о том, какими типами знания и в какой форме обладает человек, как репрезентировано знание в его голове, каким образом приходит человек к знанию и как он его использует» [95, С. 58].

Целевая направленность когнитивной лингвистики - это получение знания о знании. Как пишет Е. С. Кубрякова, «в фокусе её внимания находятся многочисленные проблемы, связанные с получением, обработкой, хранением, извлечением знаний и оперированием знаниями, относящимися к их накоплению и систематизации, их росту, ко всем процедурам, характеризующим использование знания в поведении человека и, главное, в его мышлении в процессах коммуникации» [94, С. 3-12].

Следует отметить, что когнитивная психология и когнитивная лингвистика не просто сосуществуют рядом, они «оказываются взаимопроницаемыми дисциплинами», так как общими объектами исследования для них являются: мышление, сознание, язык, речь, их природа и функционирование. Подробно этот вопрос рассматривается А. П. Бабушкиным со ссылкой на зарубежных и отечественных учёных: Р. Дж.

Андерсона, У. Найерса, С. Петрова, И. М. Сеченова, Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова и других [16, С. 3-11].

На сегодняшний день когнитивная наука - это междисциплинарная наука, включающая психологию, лингвистику, философию, социологию, литературоведение, антропологию, культурологию, т. е. весь спектр гуманитарных наук.

1. 3. Типы картин мира

Проблемы, связанные с пониманием вопросов: «Что такое картина мира?»; «Что такое языковая картина мира?»; «Человек - объект или субъект познания?»; взаимоотношение языка и понимания обсуждаются философами, лингвистами, культурологами, психологами и т. д. уже не одно столетие. Актуальными они остаются и в наши дни, что находит отражение в работах таких выдающихся российских и зарубежных учёных, а также учёных Кыргызстана, как А. Брутян, Дж. Брунер, Б. Уорф, Ф. де Соссюр, Г. Гийом, В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Г. В. Колшанский, Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Б. А. Серебренников, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. Б. Касевич, Г. М. Васильева, Г. Д. Гачев, В. И. Постовалова, В. Н. Телия, И. А. Стернин, Р. М. Фрумкина, В. А. Маслова, Н. В. Уфимцева, Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв, Д. Н. Шмелёв, Е. С. Яковлева, К. З. Зулпукаров, М. Дж. Тагаев, М.И. Лазариди, З. К. Дербишева, С.С. Сейитбекова и многих других.

Определение термина «картина мира» пытались сформулировать многие философы, лингвисты, культурологи - отечественные и зарубежные учёные. Среди множества определений, пожалуй, нет двух одинаковых, но у всех есть нечто общее — это некое представление, знание, образ реальной действительности. Например, В. П. Руднев в «Энциклопедическом словаре культуры XX века» даёт следующее определение: «**Картина мира** – система интуитивных представлений о реальности. Картину мира можно выделить, описать или реконструировать у любой социопсихологической единицы - от нации или этноса до какой-либо социальной или профессиональной группы или отдельной личности. Каждому отрезку исторического времени соответствует своя картина мира» [143, С. 160]

Особенно актуальным термин-понятие «картина мира» становится в XX веке, он входит в обиход большого числа разных отраслей научных знаний. И, как отмечает О. А. Корнилов, прочно войдя в разряд рабочих понятий многих наук, данный термин по-прежнему остаётся метафорой, не всегда получает достаточно чёткое и однозначное толкование даже в среде специалистов одного профиля. [86, С. 3].

В настоящее время понятие «картина мира» - это устоявшийся термин, принятый в гуманитарных науках для обозначения сложившихся представлений, ощущений, знаний, понимания и восприятия человеком всего глобального мира, Вселенной, в которой он (человек) существует, мир (пространство, время), с которым он взаимодействует. Мир как реальная действительность и среда обитания *homo sapiens* многомерен, разнообразен,

бесконечен. Человечество, начиная с первобытных племён, познавая и осваивая этот мир, формировало для себя картину окружающего его мира, вырабатывало правила взаимодействия и существования в нём. Целостная же картина мира как глобальный образ мира является результатом всей духовной активности человека. [135, С. 32].

В процессе развития когнитивного направления в философии, культурологии, лингвистике и т. д. учёные отметили факт многообразия картин мира, напрямую зависящий от субъекта картины мира. «Субъектом картины мира, смотрящим на мир и изображающим своё видение, могут быть: 1) отдельный человек, 2) отдельная группа людей, 3) отдельный народ, 4) человечество в целом». [135, С.33].

Очевидно, можно говорить о наличии столько картин мира, сколько имеется «миров», наблюдаемых человеком. Современный человек, обладающий глубоким аналитическим и абстрактным мышлением, в своей когнитивной деятельности способен воспринимать не просто целостную глобальную картину мира, но и членить её на составляющие. Он видит, изучает и описывает в единицах языка картины мира по различным отраслям знаний: мифологическую, религиозную, художественную, научную, общественную (социально-экономическую, политическую), обыденную, национальную, философскую и т. д.

З. Д. Попова и И. А. Стернин в своей работе «Язык и национальная картина мира» к проблеме общего определения картины мира подходят с общенаучной, гносеологической точки зрения, что позволяет разграничить принципиально разные виды картины мира: непосредственную и опосредованную, что нам представляется правомерным. «Под картиной мира в самом общем виде предлагается понимать упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании.

Непосредственная картина мира - это картина, получаемая в результате прямого познания сознанием окружающей действительности. Она формируется на основе усвоения сложившихся в общности (социуме) ментальных стереотипов, этнокультурных традиций, вероисповедания, усвоения опыта предков и т. д., что помогает индивиду понимать и интерпретировать явления действительности, а значит, отражать их в сознании. **Опосредованная картина мира** - это результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную картину мира» [129, С. 4-5].

Познание мира осуществляется человеком в течение всей его практической жизнедеятельности, а средством познания мира, обеспечивающим проникновение человека в тайны его закономерностей, является мышление. Мышление, развившееся на высшем этапе биологической жизни, способно адекватно отражать эти закономерности мира и удерживать их в сознании в понятийной сфере. Познание мира осуществляется также благодаря активному участию всех органов чувств.

Мышление отражает окружающий человека мир непосредственно во всём многообразии различных свойств и связей. Мышление в отражении картины мира не имеет ограничений, не считая физических недостатков (зрение, слух).

Язык же в отличие от мышления имеет целый ряд ограничений. Так, арсенал средств, выражающих различные отношения между словами, во многих языках довольно ограничен, ограничен и набор звуковых комплексов. Всё заметнее становится тенденция к упрощению языка, стремление к языковой экономии. Это касается как лексики, так и грамматических форм.

И, тем не менее, роль языка в отражении картины мира, его образов, в формировании комплексного знания, в накоплении знаний и передачи их последующим поколениям невозможно полностью оценить.

Проблема изучения картины мира и особенно языковой картины мира для современной лингвистики очень важна. Особенно если наблюдать за языковыми изменениями интерпретации языковой картины мира с позиции современного общества, мыслящего, изучающего и анализирующего историческое прошлое, анализирующего и оценивающего процессы настоящего развития, отражающего и закрепляющего современные картины мира (глобальные, национальные и др.) в языке.

Языковая картина мира (образ мира) создаётся в результате когнитивной деятельности человека, проходя сложные психофизические и мыслительные процессы. Человек в своём сознании отражает объективную действительность (материальный мир), членит его, образуя как бы некие фрагменты (концепты - в принятой терминологии), формируя на первоначальном этапе когнитивную картину мира, которую далее путём сложных мыслительных операций переводит в концепт-картинки, затем номинирует их единицами языка в концептослове, получая, таким образом, уже оязыковлённую картину мира, т. е. языковую картину мира. В результате когнитивной деятельности человека выстраивается последовательность превращения картины мира в языковую: картина мира - когнитивная картина мира - языковая картина мира. В этой триаде картины мира не равны между собой. Глобальная картина мира, как и «обозримая» действительность (то, что способен охватить своим сознанием человек), многомернее и шире когнитивной картины мира, отражённой в сознании в процессе познавательной деятельности человека. В свою очередь, когнитивная картина мира объёмнее и шире языковой картины мира, поскольку языковые единицы не способны описать концепты и концептосферы когнитивно-коммуникативной деятельности человека [92, С. 7].

Картина мира является одним из фундаментальных понятий современной лингвистики. Она описывает реальность в понимании человека и позволяет действовать согласно правилам, которые в нее заложены. Человек воспринимает и осознает мир посредством органов чувств, пропустив представления через свое сознание, он передает их с помощью языка. В то же время картина мира - это концептуальная модель мира, основу которой образуют знания о мире. Используя термин «когнитивная

структура», который в самом общем плане можно понимать как схему репрезентации знания, заключаем, что картина мира - это когнитивная структура. Соответственно, **языковая картина мира** - это тоже когнитивная структура, но в ней находят отражение особенности культуры народа, знания социума о предметах объективной действительности, знания и представления народа о внешнем и внутреннем мире. Отражение в языковой картине мира когнитивных, культурных и социальных характеристик народа - носителя языка - определяется менталитетом народа.

1.4. Интерпретация понятий «менталитет» и «ментальность»

Менталитет. Появление термина «менталитет» связывают с именами Марка Блока и Люсьена Февра, основавших в 1929 году в Париже журнал "Анналы экономической и социальной истории". По мнению последователей данного направления, в человеческом сознании, в той или иной форме, находят свое преломление самые разные проявления бытия, закрепляясь в системе образов, представлений, символов. Именно поэтому изучение образа мыслей людей, способов и форм организации мышления, конкретных и образных картин мира, запечатленных в сознании, рассматривается как в целом, так и применительно к отдельным историческим феноменам. [140, С. 51-58].

В российскую (советскую) науку «менталитет» попадает благодаря работам А. Я. Гуревича, Ю. Н. Афанасьева и Ю. Л. Бессмертного. **Менталитет**, по мнению данных исследователей, представляет собой тот уровень общественного сознания, на котором мысль не отделена от эмоций, от ментальных привычек и приемов сознания, - люди ими пользуются, обычно сами того не замечая, т.е. бессознательно.

Проблемой менталитета и ментальности занимались также П. С. Гуревич, А. П. Огурцов, П. К. Дашковский, В. П. Макаренко, Рожанский М, И. К. Пантин, Г. Д. Грачев, В.А. Шкуратов, И.Г. Дубров, Кессиди Ф.Х., Р. А. Додонов и др.

Какое же содержание на сегодняшний день ученые вкладывают в понятие «менталитет»?

В толковых словарях современного русского языка слово «менталитет» определяется как «мировосприятие, умонастроение» [121, С. 350], «образ, способ мышления и мировосприятия личности или социальной группы» [90, С.112], «совокупность психических, интеллектуальных, идеологических, религиозных, эстетических и т. п. особенностей мышления народа, социальной группы или индивида, проявляющихся в культуре, языке, поведении» [99, С. 533]. Специалисты— психологи в области менталитета и ментальности подчеркивают: «отражая специфику психологической жизни людей, менталитет раскрывается через систему взглядов, оценок, нормы и умонастроений, основывающуюся на имеющихся в данном обществе знаниях и верованиях и задающую вместе с доминирующими потребностями и архетипами коллективного бессознательного иерархию ценностей, а значит, и характерные для представителей данной общности убеждения, идеалы,

склонности, интересы, социальные установки и т. п., отличающие указанную общность от других» [57, С. 20-29].

Существует узкое понимание менталитета как устойчивого склада ума [168, С.7,8,21], как понятия, очень близкого к немецкому Weltanschauung-«мировидение» [140, С. 51,58]. У каждого народа есть свой склад мышления, который и предопределяет картину мира [37, С. 21]. В узком смысле менталитет рассматривают также как совокупность мнений и представлений, свойственных той или иной группе [139, С. 8].

При широком понимании менталитет определяют как совокупность способов поведения и восприятия, как совокупность представлений, способов поведения и реакций [42, С. 58,64]. Таким образом, в содержание понятия «менталитет» вводятся наряду со складом ума, манерой видения мира, иными словами, наряду со способом постижения мира, и результаты этого постижения - образы и представления, т. е. содержательная, результативная сторона восприятия мира, а также охватывается и поведенческая сторона человеческой деятельности: помимо ментальных процессов и их содержания в понятие «менталитет» включаются поступки.

При анализе содержания всех толкований менталитета более обоснованным и логичным представляется рассмотрение менталитета в узком плане - как способа восприятия мира, мировидения, обусловленного психическими характеристиками нации и социально-историческими условиями ее существования. **Менталитет** - это характер народа, о котором писал Вильгельм фон Гумбольдт [46, С. 370], находящий отражение не только в языке, но и в литературе, религии, во всех проявлениях духовной жизни нации. Характер нации отражается на характере языка таким образом, с точки зрения В. фон Гумбольдта, что язык представляет собой «объединенную духовную энергию народа», воплощая в себе своеобразие целого народа, язык выражает определенное видение мира, а не просто отпечаток идей народа [46, С. 348-349].

Глобальный процесс, связанный с формированием и истолкованием картины мира, является мировидением [135, С. 20]. **Видение Мира** - это и есть менталитет, в образах и представлениях, т. е. в картине мира, а также в поступках людей, в различных сферах культуры менталитет проявляется, о нем можно судить на основе их анализа, хотя, безусловно, разграничение менталитета и картины мира в ряде случаев носит механистический характер. Эти два явления взаимообусловлены и взаимозависимы, менталитет можно исследовать на основе характеристик картины мира, прежде всего по той ее части, которая имеет материальное воплощение.

Подводя некий итог различным взглядам на понятие менталитета, И. Т. Дубов выводит обобщенное определение, согласно которому менталитет - это «интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него» [58, С. 20-29].

Анализ литературы по проблемам менталитета убеждает, что в определении и изучении менталитета не существует устоявшейся

методологии. Многочисленные попытки ввести понятие "менталитет" в какие-то более или менее жесткие рамки так и не увенчались успехом: в одних случаях оно смыкается с распространенным, но роль же нечетким понятием "общественное сознание", а в других сводится к описанию простейших психических реакций. Некоторые исследователи усматривают в этой размытости не только уязвимость, но и определенное преимущество - методологическую пластичность, которая открывает перед исследователем новые возможности. [39, С.25-53]; [138, С.158-166]; [165, С.153-160].

Ментальность. В традиционном значении «ментальность» синонимична «менталитету» (нем. *mentalitat*) и подразумевает (как правило, в социологических контекстах) тот или иной «склад ума», то есть устойчивые духовные ценности, глубинные аксиологические установки, навыки, автоматизмы, латентные привычки, долговременные стереотипы, рассматриваемые в определенных пространственно-временных границах, являющиеся основой поведения, образа жизни и осознанного восприятия тех или иных явлений действительности. Это особая "психологическая оснастка" (М. Блок), "символические парадигмы" (М. Элиаде), "господствующие метафоры" (П. Рикер), наконец, "архаические остатки" (З. Фрейд) или "архетипы" (К. Юнг). В своей сущности ментальность представляет собой исторически переработанные архетипические представления, через призму которых происходит восприятие основных аспектов реальности: пространства, времени, искусства, политики, экономики, культуры, цивилизации, религии. Рассмотрение ментальных особенностей сознания той или иной социальной группы позволяет проникнуть в "скрытый" слой общественного сознания, более объективно и глубоко передающий и воспроизводящий умонастроения эпохи, вскрыть глубоко укоренившийся и скрытый за идеологией срез реальности - образов, представлений, восприятий, который в большинстве случаев остается неизменным даже при смене одной идеологии другой. Это объясняется большей, по сравнению с идеологией, устойчивостью ментальных структур [168, С. 3].

Данное понимание проблемы близко классическим взглядам, выраженным А. Я. Гуревичем, который определял "ментальность" как "психический инструментарий", "духовную оснастку", "специфическую структуру сознания", "осознание людьми самих себя, природного и социального окружения"; как не сформированные явно, не высказанные эксплицитно, не вполне осознанные в культуре умственные установки, общие ориентации и привычки сознания; как расхожую психологию и миропонимание, способ мировосприятия. По мнению А. Я. Гуревича, одной из характеристик ментальности является ее неосознанность или неполная осознанность, скрытый, невыговоренный пласт сознания [47, С. 195].

Наряду с такими названными основами ментальности, как традиции, культурные и социальные структуры, исследователи дополняют ее средой обитания человека и этноса. Как говорит И. К. Пантин, ментальность - это своеобразная память народа о прошлом, психическая детерминация поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся

"коду" в любых обстоятельствах, не исключая катастрофических" [125, С. 29-33]. У Г. Д. Гачева термин "ментальность" заменен на "Космо-Психо-Логос", имея ввиду структуру национального целого, которое состоит из единства национальной природы, национального характера и склада мышления [39, С. 25-28].

Таким образом, **ментальность** - это некое свойство традиционного этнического сознания особым образом отражать (и выражать своим поведением) определенную этническую картину мира. Этническая картина мира, в свою очередь, - это представления человека о мире, сформировавшиеся на основании определенных культурно-ценностных доминант. Ментальность, таким образом, при всей социогенности ее происхождения, тесно связана с категорией этничности и является важнейшим компонентом этнического сознания.

Следует отметить, что в русских исследованиях в силу словообразовательных возможностей русского языка оказались представленными два терминологических наименования понятия - «менталитет» и «ментальность». В некоторых работах они используются недифференцированно, как абсолютные синонимы, взаимозаменяемые даже в рамках одной статьи или книги [49, С. 21-26]; [158, С. 216-218]; [47, С. 194-197]. Такой подход мы встречаем в материалах круглого стола, проведенного журналом «Вопросы философии» в 1993 году. [39, С. 25-53]. В других работах отдается предпочтение тому или другому. Иногда отмечается, что нецелесообразно содержательно противопоставлять слова «менталитет» и «ментальность» [58, С. 20], иногда предпринимаются попытки их разграничить, закрепив, например, за ментальностью значение «языковой менталитет» [128, С. 5-28], но такой подход не является общепринятым и не отличается последовательностью. Таким образом, выбор термина «менталитет» или «ментальность» целиком определяется вкусами исследователя.

В нашей работе мы отдаем предпочтение термину «**ментальность**», взяв за основу определение В.В. Колесова, согласно которому ментальность «есть мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [83, С.11]. По мнению этого исследователя, языковая модель ментальности отражает основную установку философии, интуитивно осознавшей «словесное достоинство» в ментальности, основанной на логическом развертывании основных концептов народной культуры, которые заложены в генотипе и существуют на уровне подсознания [83, С.13-14]. Согласимся с мнением В. В. Колесова, что важны все подходы к изучению ментальности, но с выделением только языка как основного и главного элемента, способного выразить особенности народной ментальности.

1.5. Современное состояние исследования концепта в когнитивной лингвистике

Термин "**концепт**" уже достаточно длительное время используется учеными, работающими в русле когнитивной лингвистики (А. Вежбицкая, Р.

Лангакер, Ю. С. Степанов, Р. М. Фрумкина, Попова З.Д, Стернин И.А., В.А. Маслова и др.). Полноправным термином концепт становится в 80-х.годах, что обусловлено "расширением предметной области лингвистики" [170, С. 3].

Актуальность использования термина «концепт» связана с развитием когнитивного направления в психологии, в языкознании и появлением специальных дисциплин: когнитивной психологии, психолингвистики и когнитивной лингвистики. Толчком к активизации когнитивистики послужили исследования зарубежных учёных: Ж. Р. Андерсона, Т. Р. Андерсона, Л. В. Барсалоу, Б. Шварца, С. Шифера, С. Сшила, Р. Джекендорфа, Дж. Лакоффа и др.

Понятие «концепт» используется и в других науках, например в философии. В «Новейшем философском словаре» концепт определяется как содержание понятия в отвлечении от языковой формы его выражения, в «Философском энциклопедическом словаре» - как содержание понятия, то же, что и значение. В 1960-1980-х гг. существовало направление авангарда в искусстве - концептуализм, синтезирующее эстетику, искусствознание, лингвистику, философию, математику, основанное на собственном понимании концепта.

В современной лингвистике **концепт** до сих пор не получил однозначного определения. Пока нет единого, признанного и четкого определения, что есть концепт; в работах по концептологии каждый исследователь вынужден прежде своего исследования всегда указывать, что он понимает под концептом. В этом убеждают работы известных российских лингвистов: С. А. Аскольдова (Алексеева), Д. С. Лихачёва, Р.М. Фрумкиной, Ю. С. Степанова, Е. С. Кубряковой, Н. Н. Болдырева, В. Н. Телии, В. И. Карасика, В. В. Колесова, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, А.А. Бабушкина, Е.А. Селивановой, Г. Г. Слышкина, С. Г. Воркачева, Л. О. Чернейко и многих других.

В российской лингвистике, как отмечает Р. М. Фрумкина, термин "концепт" был заимствован из англоязычной литературы (середина 70-х гг.), когда встала проблема адекватного перевода этого термина в работах Шенка, Чейфа, Рассела, Карнапа, Патнема [170,С.3]. Тогда англ. Concept предлагалось переводить как "понятие".

Определение концепта в значении понятие представлено и в «Лингвистическом энциклопедическом словаре». **«Понятие (концепт)** - мысль, отражающая в обобщённой форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений; последние (свойства и отношения) выступают в понятии как общие и специфические признаки, соотнесённые с классом предметов и явлений. Понятие (концепт) - явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связей; значение - в системе языка, понятие - в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» [189, С. 384].

В настоящее время многие учёные дают свои определения терминам "концепт" и "понятие". Лихачев Д. С. отмечает, что концепт и понятие -

явления не «того же порядка, что и значение слова», концепт значительно шире значения слова [109, С.280-287].

«**Концепт**» и «**понятие**» не равны, что отмечает в своих работах В. Н. Телия. Она считает, что «смена термина «понятие» на термин «концепт» - не просто терминологическая замена: концепт - это всегда знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [158, С. 96].

В. В. Колесов, разводя термины, которые приводят к путанице в их употреблении, поясняет: «**Понятие** - калька с латинского *conceptus*, поэтому в отечественной философской традиции (по примеру западноевропейской) понятие иногда именуется концептом»; и *conceptum* - со значением «зародыш»; «зерно»... Учитывая принципиальное значение термина «концепт», не следует использовать его как синоним термину «понятие» [80, С. 50-51].

Своё объяснение терминам «концепт» и «понятие» дал и Ю. С. Степанов [151, С. 43]. Он считает, что концепт и понятие - термины разных наук; понятие употребляется главным образом в логике и философии, а термин концепт, являясь термином в математической логике, в последнее время закрепился ещё и в науке о культуре, в культурологии.

В «Кратком словаре когнитивных терминов» под редакцией Е. С. Кубряковой концепту посвящена объёмная словарная статья, опирающаяся в основном на исследования американских и западноевропейских учёных. «Концепт» в КСКТ представлен следующим образом: «**Концепт** - термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*linguamentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике. Понятие «концепт» отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания [95, С. 90].

В 1928 году С. А. Аскольдов в статье «Концепт и слово» попытался «подойти к уяснению природы концептов» и дал соответственно своё определение: «**Концепт** есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [14, С. 260].

Д. С. Лихачёв в статье «Концептосфера русского языка» развивает свою мысль. Он пишет: «Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека...» [14, С. 281].

Многие концепты, по мнению В. И. Карасика, имеют прямую языковую проекцию ("звезда"); иные же концепты, связанные с тактильными, вкусовыми и обонятельными ощущениями, не имеют прямой

языковой проекции и обозначаются сочетаниями слов ("запах свежесдобитого хлеба") [77, С. 154-171].

Каждый автор под словом «концепт» понимает нечто своё. Например, «концепт - это «единица мышления, обладающая отдельным целостным содержанием и реально не разлагающаяся на более мелкие мысли, т. е. элементарная сторона внутреннего слоя»; концепт - «это познавательная психологическая структура, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов»; концепты - это «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания» [179, С.80-95], [175, С.90-120], [124, С. 50-78]; концепт как «связующее звено между мышлением и языком; как единица сознания и отражающая человеческий опыт информационная структура» (Е. С. Кубрякова); как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека» [64, С. 5-18]; «комплексная мыслительная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя... свои разные признаки и слои» (И. А. Стернин); «единица языка мысли» [167, С. 46]; «любая дискретная единица коллективного сознания, которое отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти носителей языка в виде познанного вербально обозначенного субстрата» [16, С.104]; как «мыслительная единица человеческого сознания, которая может носить невербализованный и вербализованный характер» [88, С. 318]; концепт является объектом концептуального анализа, смысл которого - «проследить путь познания смысла концепта и записать результат в формализованном семантическом языке» [171, С.1,3,7].

В. В. Колесов рассматривает концепт как основную единицу ментальности, которая предстает в границах словесного знака и языка как образ, как понятие и как символ [82, С. 15, 24,26].

О концептах как бинарных ментальных структурах, являющихся оперативными единицами сознания в процессе усвоения и представления опыта, пишет А. В. Кравченко [87, С. 37,52].

Шаховский В. И., Панченко Н. Н. рассматривают концепт как структуру национального сознания, единую для всех представителей данного социума [181, С. 285]. В. В. Красных полагает, что концепт - это самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью (89, С. 196).

З. Д. Поповой и И. А. Стерниним концепт рассматривается как структура представления знаний. В своей работе «Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях» они представляют концепт как глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания. Концепты - это идеальные сущности, которые формируются в

сознании человека [131, С. 4]. Е. А. Селиванова в своей работе «Когнитивная ономазиология» даёт определение концепта, исходя из ментализма и психонетичности. «Для нас, - пишет она, - концепт есть не что иное, как ментально-психонетический процесс, представляющий собой единство знаний, чувствований, интуиции, трансценденции, проявлений архетипически-бессознательного, закреплённых за определённым знаком [144, С. 77].

С точки зрения лингвокультурного подхода концепт признается базовой единицей культуры, ее концентратом. В. Н. Телия отмечает, что «концепт должен получить культурно-национальную прописку» [158, С. 96]. Ю. С. Степанов пишет, что «в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры - исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки и т.д.», «концепт — это основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [151, С. 43]. Концепты образуют «своего рода культурный слой, посредничающий между человеком и миром» [9, С. 3]. Этот подход перекликается с этнографическим определением феномена культуры, сформулированным Э. Б. Тайлором: «культура ... слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества» [155, С. 18]. В рамках такого подхода акцент делается на контекстуальной связи формирующегося в сознании индивида или коллектива концепта с уже усвоенными всеобъемлющими общественными ценностями данного социума. Такие абстрактные понятия, как *Бог, вера, душа, совесть, добро, любовь* и т. д., появляются ключевыми концептами культуры, обусловленными ею базовыми единицами картины мира (В. А. Маслова, А. Вежбицкая).

В литературе существует также разделение концепта на концепт-минимум и концепт-максимум [173, С. 43]. Концепт-минимум включает минимальный набор признаков, необходимый для опознавания сущности и понимания значения слова, ее обозначающего. Концепт-максимум - это всё значение о сущности, доступное рядовому носителю языка, полное владение значением слова.

В какой-то мере подводя итог разнообразию толкования термина «концепт», С. Е. Никитина выделяет два основных подхода: 1) **концепт** - это смысл, находящийся в языке разные способы выражения; 2) **концепт** - это культурно нагруженное слово, это слово-концепт [120, С. 117-123].

В рамках настоящего исследования концепт как ключевое понятие когнитивной лингвистики рассматривается с лингвокогнитивной и лингвокультурологической точек зрения. В рамках лингвокогнитивного подхода (А. П. Бабушкин, Е. С. Кубрякова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.) концепт представляет собой ментальное образование, своеобразный фокус знаний о мире, когнитивную структуру, включающую разносубстратные единицы оперативного сознания.

С лингвокультурологической позиции (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова, Ю. С. Степанов и др.) **концепт** - коллективное содержательное ментальное образование, фиксирующее своеобразие культуры определенной эпохи и отличающееся от других ментальных образований наличием в своей структуре ценностного признания. Лингвокультурологический подход опирается на идею о кумулятивной (накопительной) функции языка, благодаря которой в нем отражается, хранится и передается опыт народа, его мировидение и мироощущение.

Наше понимание концепта объединяет в себе оба названных подхода. Под концептом мы понимаем ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной структурой, представляющее собой результат когнитивной деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и его отношении к данному предмету или явлению. Это — ментальная проекция элементов культуры, коллективное ментальное образование, фиксирующее своеобразие культуры) отмеченное (как сама культура) ценностной составляющей.

В когнитивной лингвистике концепт представляется как сложное образование, которое состоит из единиц меньшего объема.

Например, Н.Н. Болдырев внутри семантики термина «**концепт**» обнаруживает типы: образы, представления, схемы, понятия, прототипы, пропозиции, фреймы, сценарии или скрипты, гештальты [22, С. 36-38].

Л. И. Дрофа в книге «Ключевые понятия когнитивной лингвистики» [56, С. 34-55, 85-88] различает в пределах смыслового объема понятия «концепт» его разновидности: концепт-минимум, концепт-максимум, суперконцепт, образ понятия, фрейм, сценарий, гештальт и др.

В этом отношении показателен подход З.Д. Поповой и И.А. Стернина. Они тоже разграничивают целый ряд типов, разновидностей и репрезентаций понятия «концепт»: представление, схема, понятие, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт [130, С. 115 – 121].

Мы в данной работе, следуя В.В. Колесову, в основном ограничиваемся интерпретирующей возможностью только термина «концепт».

1.6. Концепт и концептуальное поле в теории полей

Проблемой поля на протяжении XX столетия занимались как зарубежные лингвисты - И. Л. Вайсгербер, Г. Ипсен, Й. Трир, В. Порциг, так и российские: Ю. Д. Апресян, А. В. Бондарко, Ю. С. Степанов, Л. А. Новиков, Г. С. Щур, Ю.Н. Караулов, Р. М. Гайсина, Л. М. Васильев, З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. А. Уфимцева и многие другие. Теория поля разрабатывалась и языковедами нашей республики: К. З. Зулпукаров, М.И.Лазариди, З.К. Дербишева, К.Т. Турдуев, Б. Т. Борчиева, З. Т. Бекмуратов и др.

Автором термина «*поле*» в лингвистике считается Й. Трир, который писал, что «в сознании человека при произнесении слов возникает

множество других слов, которые по смыслу соседствуют с произнесёнными: это его "понятийные родственники". Они образуют между собой и вместе с произнесённым словом расчленённое целое - совокупность, которую можно назвать словесным полем» [160, С.7], [3, С. 15].

«Основные понятия и функционирование поля, как парадигматического (в смысле Й. Трира), так и синтагматического (в понимании В. Порцига), - считает В. В. Воробьёв, - отражают динамическую структуру соответствующего фрагмента культуры, т. е. объективной внеязыковой реальности, которая тем самым должна с неизбежностью присутствовать в структуре поля, в его лингводидактической интерпретации» [35, С. 103].

Это означает, что в структуре поля, в формировании его семантического наполнения обязательно участвует внеязыковая реальность, т. е. культура в широком смысле слова: национальные традиции и обычаи, социальные отношения, общественно-политическая система, идеология, экономические условия, религиозные верования, морально-нравственные ценности, весь многовековой опыт и жизненный уклад народа.

Признаковые характеристики **языкового поля**, сформулированные современными лингвистами, насчитывают от пяти до десяти признаков. А. В. Бондарко сформулировал десять признаков языкового поля:

1. Поле представляет собой инвентарь элементов, связанных между собой структурными отношениями.
2. Элементы, образующие поле, имеют семантическую общность и выполняют в языке единую функцию.
3. Поле может объединить однородные и разнородные элементы.
4. В структуре поля выделяются микрополя.
5. В составе поля выделяются ядерные и периферийные конструируемые.

6. Ядерные конструируемые наиболее специализированы для выполнения функций поля, систематически используются, выполняют функцию поля наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению с другими конструируемыми и обязательны для поля.

7. Между ядром и периферией осуществляется распределение выполняемых полем функций; часть функций приходится на ядро, часть - на периферию.

8. Граница между ядром и периферией, а также отдельными зонами является нечёткой, размытой.

9. Конструируемые поля могут принадлежать к ядру одного поля и периферии - другого поля и наоборот.

10. Разные поля отчасти накладываются друг на друга, образуя зоны постепенных переходов [23, С.136].

А. В. Рудакова считает, что концепт **поля** имеет **многокомпонентную многослойную** структуру, которая может быть выявлена через анализ языковых средств её репрезентации. В работе «Когнитология и когнитивная лингвистика» она представляет полевою модель следующим образом:

1) ядро - прототипическая единица УПК (она может быть как общенародной, так и групповой и индивидуальной);

2) базовые слои, обволакивающие ядро, в последовательности от менее абстрактных к более абстрактным; общенародные признаки этих слоев лежат в основе взаимопонимания людей при обмене концептами; количество и содержание этих слоев в сознании разных людей различно;

3) интерпретационное поле концепта, содержащее оценки и трактовки содержания ядра концепта национальным, групповым и индивидуальным сознанием [142, С. 52], [134, С. 60-64].

Ю. С. Степанов также отмечает многослойность концепта, выделяя в нем три слоя: (1) основной, актуальный признак; (2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими»; (3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме [151, С. 44].

Полевая модель системы языка продолжает оставаться актуальным предметом исследования современных лингвистов. Уже описано множество разнообразных полей, внутри поля выделено ядро и периферия, сформулированы основные признаки языкового поля, т. е. основные теоретические постулаты исследования полевой системы языка на современном уровне практически сформированы и общеприняты. Об этом свидетельствуют серьёзные лингвистические исследования учёных: Г. С. Щура «Теория поля в лингвистике», Л. М. Васильева «Теория семантического поля на современном этапе развития семасиологии», З. Д. Поповой, И. А. Стернина «Лексическая система языка», коллективная монография воронежских ученых «Полевые структуры в системе языка», В. В. Воробьёва «К понятию поля в лингвокультурологии», В. Г. Гака «Этимолого-семантические поля в лексике», Э. В. Кузнецовой «Язык в свете системного подхода» и другие её работы, Ю. Н. Караулова «Общая и русская идеография», Ю. С. Степанова «В трёхмерном пространстве языка», А. А. Уфимцевой «Слово в лексико-семантической системе языка», В. П. Абрамова «Семантические поля русского языка», К. Т. Турдуева «Функционально-семантическое поле генетивности в русском и кыргызском языках» - и это только малая часть исследований, посвященных проблеме теории полей.

ВЫВОДЫ

1. На сегодняшний день **когнитивная наука**, занимающаяся человеческим разумом и мышлением, - это междисциплинарная наука, включающая психологию, лингвистику, философию, социологию, литературоведение, антропологию, культурологию, т. е. весь спектр гуманитарных наук.

Когнитивная лингвистика на рубеже столетий (XX-XXI) стала одним из ведущих направлений в области исследований языка. В центре внимания когнитивной лингвистики находится «язык как общий когнитивный

механизм, как когнитивный инструмент - система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании), в трансформировании информации» [95, С. 53]

2. В настоящее время понятие **картина мира** является одним из фундаментальных понятий современной лингвистики. Это устоявшийся термин, принятый в гуманитарных науках для обозначения сложившихся представлений, ощущений, знаний, понимания и восприятия человеком всего глобального мира, Вселенной, в которой человек существует, мир (пространство, время), с которым он взаимодействует.

3. **Языковая картина мира** (образ мира) создаётся в результате когнитивной деятельности человека, проходя сложные психофизические и мыслительные процессы. Человек в своём сознании отражает объективную действительность (материальный мир), членит его, образуя как бы некие фрагменты (концепты), формируя на первоначальном этапе когнитивную картину мира, которую далее путём сложных мыслительных операций переводит в концепт-картинки, затем номинирует их единицами языка в концептослове, получая, таким образом, уже оязыковлённую картину мира, т. е. языковую картину мира.

4. **Языковая картина мира** - это когнитивная структура в своей основе, но в ней находят отражение особенности культуры народа, знания социума о предметах объективной действительности, знания и представления народа о внешнем и внутреннем мире. Отражение в языковой картине мира когнитивных, культурных и социальных характеристик народа - носителя языка - определяется менталитетом народа.

5. Анализ литературы по проблемам **менталитета и ментальности**, убеждает, что в определении и изучении этих понятий не существует устоявшейся методологии. Школы историков, антропологов, философов, культурологов, психологов, лингвистов, занимающиеся теорией менталитета и ментальности, при определенной общности интересов ставят перед собой разные цели и, соответственно, дают разные толкования.

При анализе содержания всех рассмотренных толкований менталитета более обоснованным и логичным представляется рассмотрение менталитета как способа восприятия мира, мировидения, обусловленного психическими характеристиками нации и социально-историческими условиями ее существования.

Ментальность в традиционном значении синонимична «менталитету» и подразумевает трудноопределимый исток культурно-исторической динамики, в котором есть всё: знания об истории человечества, верованиях, представлениях, чувствах, поведении, жизненных ценностях.

Мы отдаем предпочтение термину «ментальность», взяв за основу определение Колесова В. В., согласно которому ментальность «есть мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [83, С.11].

6. В современной лингвистике термин **«концепт»** используется как обозначение одной из форм репрезентации знаний о мире с позиций

когнитивной семантики. Однако на сегодняшний день единая общая теория концепта лингвистами не разработана. В работах по концептологии каждый исследователь вынужден прежде своего исследования всегда указывать, что он понимает под концептом.

В нашей работе под **концептом** понимается ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной структурой, представляющее собой результат когнитивной деятельности личности и общества и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и его отношении к данному предмету или явлению.

7. В когнитивной лингвистике признается **структурная (полевая)** организация концепта. Ядро концепта определяется на основе изучения ключевого слова, именующего концепт в совокупности всех своих значений (этимологических и современных). Околоядерную зону образуют смыслы, представленные значениями синонимичных и аналогичных лексем. Периферия концепта изучается по его характеристикам, «рассыпанным» по разным текстовым источникам, а также представленным в ассоциативных экспериментах. Все они вместе взятые составляют интерпретационный слой концепта, изучение которого позволяет выявить «такие семантические признаки, которых может не быть в семантеме (полном наборе значений) ключевого слова, именующего концепт» [133, С.11-13].

8. Многокомпонентная и многослойная структура концепта может быть выявлена через анализ языковых средств ее репрезентации методами **концептуального анализа**. Основная цель такого анализа – описать структуру концепта, его лингвокультурную специфику и сделать выводы относительно его значимости для языковой картины мира конкретной этнокультуры.

Глава II

Взаимодействие языка и религии как объект лингвоэтнокультурного и когнитивно-лингвистического анализа

2.1. Материал и объект исследования

Язык и религия являются формами сознания. Они тесно связаны друг с другом.

Язык как средство общения выполняет важную функцию для приема и передачи религиозной информации. Именно в языковых знаках оформляются ключевые идеи, категории, императивы религии.

В языке отражаются мировоззрение, миропонимание людей, их представления о Боге, космосе, о происхождении мироздания, всего живого-неживого в мире. С помощью языка верующие получают знания о Вселенной и ее создателе. В единицах языка в виде гносеологических образов закрепляются клерикальные субъекты, доктрины и нормы, выделенные, отображенные и обработанные религиозным сознанием и осознанно принятые определенной частью общества.

В единицах языка и их содержании материализуются состояние и динамика веры, представления о Боге, пророках и других субъектах верования. При помощи языка формируется, развивается, накапливается и распространяется религиозная идеология как элемент этнокультуры. Именно в языковых формулах закрепляются морально-этические установки этноса и общества. Даже в таком элементарном запрете *Асманга түкүрбө* «Не плюнь в небо» содержится и простой гигиенический совет (чтобы плевок обратно не попал тебе на голову), и призыв к преклонению перед Богом, предостережение не вызвать его гнев.

В данном примере концепт «Бог» представлен неявно, скрыто. В его семантической сфере есть сема *Творец*. Такой же смысл имеет и слово *көк*. К.М. Мусаев пишет: о том, что слова обозначающие небо, также могут употребляться в значении «Бог», свидетельствует алтайское *көк*, имеющее наряду с первичным значением «небо» также значение «Бог» аналогично *теңир* [118, С. 12-41].

В этой и следующей главе в качестве материала и объекта исследования выделены:

- 1) взаимосвязь и взаимодействие языка и религии как форм общественного сознания;
- 2) состав профессиональной лексики, идиоматики и паремии;
- 3) статус и место провербиального пространства в языке;
- 4) особенности концептов *Кудай/Алла/Аллах/Эге/Ээ/Бог* в провербиальном пространстве языка.

2.2. Язык и религия как составные части этнической культуры

В истории духовной культуры человечества **язык и религия** занимают особое место. С точки зрения философии (точнее, онтологии, чей предмет составляют "наиболее общие сущности и категории сущего") язык и религия относятся к категориям духовной культуры человечества. Эти две формы

общественного сознания (наряду с обыденными массовым, сознанием, моралью и правом, искусством, наукой, философией, идеологией), т. е. два отображения мира в сознании человечества. Это древнейшие, исключительно важные и при этом глубоко различные формы общественного сознания

Любой язык является неотъемлемой частью социума на нём говорящего и не существует вне своего национального социума, то есть является значимой частью его культуры, обеспечивающей коммуникацию членов социума в его национально-культурном пространстве. Следовательно, языковое пространство есть не что иное, как часть национально-культурного пространства.

В языке отражается не только реальный мир, окружающий человека, не только реальные условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира.

3. К. Тарланов рассматривает язык в неотрывной связи с этносом: «**Язык** в этнических границах его носителей - это не только и не столько средство общения, сколько память и история народа, его культура и опыт познавательной деятельности, его мировоззрение и психология, закреплявшийся из поколения в поколение багаж знаний о природе и космосе, о болезнях и способах их лечения, о воспитании и подготовке к жизни новых поколений людей в интересах сохранения и умножения этноса и его самобытности. Тем самым язык представляет собой форму культуры, воплощающую в себе исторически складывавшийся национальный тип жизни во всем ее разнообразии и диалектической противоречивости» [156, С. 6].

Речь уже идет, таким образом, о необходимости более глубокого и тщательного изучения мира (не языка, а мира) носителей языка, их культуры в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, национального характера, менталитета и т. п., потому что реальное употребление слов в речи, реальное речевоспроизводство в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива. [160, С.29].

Язык, таким образом, воспринимается уже не просто как орудие коммуникации и познания, но и как феномен, представляющий ментально-культурный код нации, интерпретирующий окружающий мир, создающий особую реальность, в которой живет человек. Эта созданная языком реальность оказывает значительное влияние на то, каким образом человек воспринимает мир, окружающий его.

Если язык - это универсальная оболочка общественного сознания, то **религия**, точнее, мифолого-религиозное сознание человечества - это общий родник самых глубоких и жизненно важных смыслов общественного сознания. Из мифолого-религиозного сознания развилось все содержание человеческой культуры, постепенно приобретавшее семиотически различные формы общественного сознания (такие, как обыденное сознание, искусство, этика, право, философия, наука).

Традиционная религия выступает неотъемлемой составной частью этнической культуры. Как отмечает Иван Ильин, «...всякая народная культура есть *живое органическое единство*, коренящееся в *религии*. Почему? Потому что именно религия живет в неосознанных глубинах души, где *инстинкт* пробивается к своему духовному становлению и откуда творческий дух черпает свою жизненную силу» [73, С. 467]. Национальные (этнические) и религиозные чувства и представления, имея одних и тех же носителей, тесно связаны между собой.

Сегодня считается неоспоримым тот факт, что религия выступает величайшим явлением в истории человечества во всех ее формах и разновидностях. Она сопровождала человека на всех этапах его существования, начиная с тех пор, когда он мыслил себя в неразрывной связи с природой, и до нынешнего времени. Все религии возникли и были, по выражению П. А. Сорокина, прежде всего «моральными социальными движениями» [150, С. 234]. Иначе говоря, все мировые религии (христианство, ислам, буддизм) и все национальные религии (иудаизм, индуизм, даосизм, конфуцианство, синтоизм и др.) сильны своей духовностью, своим созидательным началом.

Неоспоримо и то, что многие знаменательные события Древнего мира, Средневековья и Нового времени невозможно представить без участия или влияния религии. Их назначение и роль были пронесены через тысячелетия, ибо по своей гуманистической составляющей они были нацелены на достижение гармонии во взаимоотношениях между людьми, между человеком и обществом при ее согласовании с некоторыми «высшими силами», которые, как бы ни назывались - Христос, Мухаммед, Будда, Моисей и пр., руководствовались одними и теми же принципами при организации жизни людей. К этой идее примыкают и ряд теологических концепций в христианстве, в исламе, в буддизме, которые считают важным признание единого Бога, у которого лишь разные посланники на Земле [122, С.3-16]. В исламе поклоняются не посланникам, а самому Творцу под названием *Аллах* или *Кудай*.

Вопрос о роли религии в жизни общества продолжает волновать большинство живущих на планете. И это оправдано, так как многие достижения культуры вышли из недр религии или были опосредованы ею. Именно религиозными учениями обобщены мудрость и жизненный опыт людей по проблемам нравственности, и на этой основе сформулированы главные постулаты морали, без которой невозможны существование народов, организация их общественной и повседневной жизни.

2.3. Трансформация концептуального содержания конфессиональной лексики и идиоматики

Религиозное пространство языка является частью общенационального культурного пространства. «По своей природе национально-культурное пространство - это информационно-эмоциональное ("этническое") поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек

существует и функционирует и которое становится "ощутимым" при столкновении с явлениями иной культуры» [151, С. 11]. Общее национально-культурное пространство мозаично. Оно состоит из информационных полей, которые отражают различные сферы жизнедеятельности людей: научную, религиозную, политическую, военную, художественную и т. д. Каждая такая сфера деятельности людей образует особое пространство. В этом ряду и религиозное пространство имеет свои особенности.

Религиозная картина мира как один из элементов общей картины мира представляет собой когнитивную структуру, вобравшую в себя совокупность духовно-нравственных ценностей, основанных на религиозном учении, которое исторически формировало мировоззрение и культурно-национальное самосознание народа. Человек рассматривается как носитель определенной национальной и религиозной ментальности, участвующий в совместной речевой деятельности с другими членами многонационального и поликонфессионального общества.

В русском литературном языке, по данным «Историко-этимологического словаря» П.Я. Черных, слово *религия* известно лишь с начала XVIII в. [178, С.240-357]. Вероятно, поэтому оно еще не представлено в «Словаре Академии Российской».

В энциклопедическом словаре «Христианство» *религия* определяется как «организованное поклонение высшим силам». Такое поклонение – будь то поклонение чувственное, материальное или же служение в духе и истине предполагает несомненную для верующего сознания реальность тех высших сил, которым оказывается почитание. Вместе с тем оно предполагает веру, т.е. религиозное настроение, выражающейся в определенной системе культа и системе представлений о божественном [4, С.90-107].

В словаре В. Даля приведено следующее толкование религии: «Вера, духовная вера, исповеданье, богопочитание, или основные духовные убеждения» [50, С. 90-91]. Лексика, эксплицирующая концепт «Религия» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля, весьма разнообразна. Большинство рассматриваемых лексем в словаре В. Даля связаны с христианской религией и сферой существования православной церкви.

Это свидетельствует, что словарь В. Даля воплотил православную в своей основе картину мира. В нём продемонстрирована большая значимость религиозной лексики для носителей языка середины XIX в., что подтверждает Г. Н. Складневская: «В прошлом вся жизнь человека, от рождения до смерти, была наполнена содержанием, отражающим мир православия и религиозно церковной жизни. Простейшие богословские понятия, евангельские сюжеты, знания об устройстве православного храма и особенностях православного богослужения, имена почитаемых святых, наименования церковной иерархии - эти понятия пронизывали языковое сознание человека, формировали его нравственные ориентиры, а церковные обряды и годовой и недельной круги богослужения упорядочивали жизнь» [146, С.85].

После революции 1917 года на религию как таковую было наложено так называемое табу. Христианское вероисповедание и все реалии, связанные с ним, воспринимались только как культурное наследие и пережиток царского режима. Соборы и церкви были лишь памятниками архитектуры, жития святых - памятниками литературы, иконы и фрески - памятниками художественного творчества. Очень многие храмы были разрушены или применялись не по своему прямому назначению; они становились складами, конторами, монастыри превращались в тюрьмы и колонии. Люди, особенно священнослужители, преследовались за свою веру. [176,С.70]; [177,С.29]

Борьба с религией в советском обществе, в котором, по словам Н. Бердяева, «идеологи коммунизма... низвергли религию, философию, мораль, отрицали дух и духовную жизнь» [27,С.44-45], происходила не только в форме разрушения храмов, надругательства над святынями и физического уничтожения священнослужителей, но и в форме насилия над языком. Все, что имело отношение к религии, табуировалось, религиозная лексика изгонялась из активного употребления, стала постепенно переходить в пассивный состав языка, используясь в основном в составе фразеологизмов и афоризмов.

Определения религии в толковых словарях второй половины XX в. ориентированы лишь на сугубо атеистическое мировоззрение: «1. Несовместимые с научным миропониманием взгляды и представления, основанные на убеждении в существовании божественных сил, управляющих миром» (БАС); «Мировоззрение, несовместимое с научным миропониманием, основанное на вере в существование божественных, сверхъестественных сил, управляющих миром» (МАС); В словаре Ушакова формулируется значение, в формулировке которого однозначно указывается, что основой религии является вера в чудодейственное: «Взгляды и представления, основанные на мистике, на вере в чудодейственные силы и существа» [161,С.126]. Религиозные термины сопровождалась пометами-указателями «(религиозное)» или «(церковное)», «в христианском культе», «по религиозным представлениям».

В «Киргизско-русском словаре» К.К. Юдахина читаем: «*Дин* ар. *религия*, вера, вероисповедание; *дин мусульман* 1) мусульманская религия; *дин илими* богословие; 2) мусульманин, мусульмане; *дин мусулман черүүсү азан айтып каркылдап* фольк. мусульманское войско закричало «азан»... *дини кара* нечестный, *дини карарды* он замышляет недоброе...» [187,С.195]. Здесь отсутствует явное отрицательное отношение ученого к религии, однако в обороте *закричало «азан»* есть скрытая неодобрительная коннотация. Сверхъестественность и «священность» концепта «дин – религия» отмечаются в кыргызской советской энциклопедии [187, С.185, 195, 443, 472], [187, С. 1113].

Существенные изменения в отношении к вере, церкви и, как следствие, конфессиональной лексике произошли в период «перестройки

и гласности», когда «...слово священника зазвучало не только в церковном храме, перед прихожанами, но и по радио, по телевидению; представители духовенства стали выступать в парламенте, на митингах, на всевозможных презентациях...» [91, С. 135-138].

Это отразилось и в содержании лексикографических изданий. Дефиниция, представленная в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1999 г.), свободна от идеологизированного комментария: «**Религия** 1. Одна из форм общественного сознания - совокупность духовных представлений, основывающихся на вере в сверхъестественные силы и существа (богов, духов), которые являются предметом поклонения. 2. Одно из направлений такого общественного сознания» [121, С. 675].

Перемены в политической, социальной и культурной жизни России и Киргизии на рубеже XX-XXI вв. способствовали и активизации функционирования лексики религиозно-теологической сферы в речи носителей русского и кыргызского языков.

Особый и наиболее значимый разряд «вернувшейся» лексики составляют термины религии, прежде всего православия: *осветили квартиру (офис, корабль, школу), паства, иерарх, псалмы, пастырь, приход, духовные чада, соборование, владыка, миряне, таинство, причащение, новомученики, рукоположение, канонизация новых русских святых*. В кыргызской лексике нейтральную и положительную коннотативную семантику приобрели слова: *Алла/Аллах/Кудай/Теңир, ислам дини, дин, диний көз караш, намаз, орозо, орозо питир, ыйман, сооп, кайырсадага, Курани карим* и др. Эти слова стали привычными в современных текстах радио- и телепередач, на страницах газет.

Появляются новые научные направления, рассматривающие взаимодействие теологии и лингвистики, например, *теолингвистика* (от греч theos - Бог и лат. Lingua – язык) – наука, возникшая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке [36, С.164-167].

В современной лингвистике сложилось направление, связанное с описанием *религиозного дискурса* (Л. П. Крысин, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Е. В. Бобырева, Г.В. Токарев и др.). В Кыргызстане теологическая лексика и фразеология была предметом изучения А. Абдулатова, К. Зулпукарова, М. Малабаева [2, 58-66 бб], Б. Исакова [75, 14-15, 35-36, 32-40 бб] и др.

Отрадно, что в республике появляются книжные магазины, где реализуется религиозная литература.

Таким образом, связанный с православием и исламом массив лексики, вытесненный за годы советской власти из языкового сознания людей и отодвинутый на периферию лексической системы, сейчас возрождается и занимает свое особое место в культуре и в лексической системе языка.

2. 4. Провербиальный фонд как исходная база изучения клерикальных фразеологизмов

Решение теоретических и прикладных задач, связанных с глубоким проникновением в духовные ценности этноса, нравственные устои, образ мышления, жизненный уклад, картину мира, дух языка, требует осмыслить понятие «своеобразие (культуры и языка)» и по возможности описать это своеобразие в точных категориях.

Вполне обоснованно считается, что в единицах естественного языка отражается «наивная картина» мира его носителей [7, С. 56-60], а лексическая семантика представляет «обыденное сознание» этноса, в котором закреплены память и история народа, его опыт познавательной деятельности, мировоззрение и психология [156, С. 6]. Специфические же черты этого сознания - этнической ментальности - то, что в русской традиции можно назвать «духовностью», - хранятся в паремиологическом фонде языка: пословицах, поговорках, различных формах народного творчества [34, С. 189].

Раскрыть природу этноязыкового своеобразия призваны, в частности, провербиальные единицы языка.

В контексте изучаемой проблемы нам представляется важным охарактеризовать семантику прилагательного «провербиальный».

Впервые термин «**провербиальное пространство**» введён Ю. И. Левиным для обозначения совокупности семантических отношений, реализованных пословицами. Предложив данное понятие в качестве оптимально-универсального способа описания, Ю. И. Левин предлагает рассматривать пословичный фонд как многомерное пространство и анализирует его локальную структуру в логико-семантическом, эстетическом и некоторых планах [105, С. 108-126].

В последние годы в русистике и кыргызском языкознании появились такие понятия, как *провербиальная картина мира, провербиальный фонд, провербиальный код, провербиальные единицы, провербиальный концепт, провербиальный смысл* [26, С. 36]; [110, С. 22]; [43, С. 189]; [102, С. 22]. Наиболее подробно эти понятия рассматриваются в статье К.Зулпукарова «О предмете лингвопаремиологии» [66, С. 3-12] и в диссертации С.Б. Эргешовой «Паремияларда антонимдик концепттер аркылуу тилдик дүйнө сүрөтүнүн жана менталдык пропозициянын берилиши» [185, С. 3-18]. По мнению К.З. Зулпукарова, «**провербиальное пространство – это совокупность фразеологизмов и паремий, встречающихся в конкретном языке, группе языков или в языке вообще** и обладающих «культурно-этническим содержанием, способностью к накапливанию и распространению опыта, образностью смысла, наличием хотя бы одной из стилистических фигур или тропов, инвариантностью и устойчивостью общего содержания, варьируемостью и вариативностью частных значений...» [66, С. 7].

Провербиальная картина мира определяется исследователями как отображение в сознании человека представлений о ценностных

характеристиках мира, поговорбиальная картина мира также дает образец поведения человека в тех или иных ситуациях.

Поговербиальный фонд выполняет важную культурную функцию: он представляет собой зафиксированный в языке свод поучений, касающихся выбора стратегии житейского поведения. Часть этих поучений (предписаний) «вошла в язык», то есть зафиксировалась в виде поговорок, поговорбиальных изречений и подобных им языковых единицах. Единицы поговорбиального фонда в своей семантике отражают не отдельные предметы, действия, свойства или отношения, но целые ситуации, представляющие собой типовые участки лингвокультурного пространства, то есть культурные сценарии. [26, С. 124], [43, С. 98].

Семантика поговорбиальных единиц описывает морально-этический код той или иной нации, раскрывает базисные ценности этой нации (такой код получает определение «поговорбиальный») [102, С. 1-20].

Под поговорбиальным концептом понимается ментальное образование, в которое входит ценностно значимое для всех членов этносоциума представление, выступающее в качестве инварианта, и его вариативные предикации - поговорбиальные смыслы, вербализованные паремиями и включающие мировоззренческие установки, характеристики практической деятельности, морально-этические ценности [110, С. 1-20].

Согласно данным словарей английского языка, прилагательное *proverbial* имеет следующие значения: 1) относящийся к поговоркам: the - style «стиль поговорок»; - wisdom «мудрость поговорок/поговорок»; 2) поговорбиальный - «вошедший в поговорку; общеизвестный»: the - London fog *знаменитые лондонские туманы*; his meanness was - он был известен своей скупостью, его скупость вошла в поговорку. В английском языке лексемы и фразеологические единицы, маркированные словом *proverbial*, не только являются показателями культурно-национальной специфики, но и служат также показателями универсальности, общеизвестности. Например, в выражении Chiang Mai restaurants are numerous and cover a broad range of food. (...) There are also a number of American-styled steak houses and dinners and the *proverbial British fish and chips* описывается ресторан, который, кроме тайской кухни, подает также американскую пищу и блюдо британской кухни - рыбу с жареным картофелем. Лексема *proverbial* указывает на то, что *fish and chips* является очень популярным и любимым блюдом англичан, которое, возможно, не известно людям других стран, не знакомым с культурой и кухней Британии. *Fish and chips* входит в число символов Британии, наравне с *five o'clock tea, London fog* и др. В следующем примере We guarantee you the maximum comfort and ... *the proverbial heat of the Mediterranean people!* Речь идет о пылкости, темпераментности людей, живущих в странах Средиземноморья.

Лексема *proverbial* в данном случае указывает на то, что этот факт является общеизвестным. И действительно, существует мнение о том, что жители Италии, Испании и других стран Средиземноморья очень эмоциональны [24, С. 267].

Слово «провербиальный» встречается у американского социолога Говарда Беккера, который называет провербиальным наиболее древнее общество, передающее свои традиции и культуру от поколения к поколению [28, С. 180-181].

Таким образом, слово «провербиальный» совмещает в себе такие понятия, как древность, культурная значимость, ценность, общеизвестность, универсальность, эмоциональность. Все эти качества присущи не только пословицам, но и поговоркам, пословично-поговорочным изречениям провербиальным фразам, идиомам - речевым формулам, на основании чего они объединены нами в класс провербиальных единиц, составляющих провербиальный фонд.

В корпусе собранного нами языкового материала к числу провербиальных единиц нами отнесены:

А. Идиомы – речевые формулы, к которым относятся:

1) идиомы-комментарии, относящиеся не только к событиям, внешним по отношению к говорящему, но и к его когнитивному состоянию или различным ментальным процессам (*дай Бог памяти; дай (давай) Бог ноги!*; *Кудай берет* «Бог даст», *Кудай алсын* «Пусть Бог заберет», *Кудай урсун* «Пусть Бог накажет»);

2) **идиомы-перформативы**, рассматривающиеся как выражения, которые не столько описывают действия, сколько являются самим действием (*Вот те крест!*; *С Богом...*; *Кудаага шугур* «Слава богу», *Кудай жолуна Кудай учун* «Ради бога»).

Б. Незамкнутые структуры, имеющие в русском языке форму неполного личного предложения, в которое может быть подставлено любое подлежащее, как правило, обозначающее лицо, или полного личного предложения с добавлением дополнения в речевой ситуации: (Он, она, Петр) *отдал(а) Богу душу*; (Его, её, их, Петра) *Бог благословил*; Мен (сен, ал, Ширин) *Алланын кулу* «Я (ты, он, Ширин) раб божий»; Ал (Кочкор...) *Кудайдан коркпойт* «Он (Кочкор...) не боится Бога».

В. Замкнутые структуры, представляющие собой предложения с прямым (буквальным) значением обобщенного или частного характера. Обобщающие замкнутые структуры: *Кудай алдында баары тең. - Перед Богом все равны; Кудай эмне берсе, ошону алабыз. – Что даст Бог, то и берем; Алла канча күн берсе, ошончо көрөбүз. – Сколько дней даст Бог, столько и увидим.* Замкнутые структуры частного характера, употребляемые только по случаю конкретной ситуации: *Алланын жазыгы – айла жок. – Воля бога – нет выхода. Кудай «берем» десе берет, «алам» десе алат. – Если Бог скажет «заберу», заберет, если скажет «дам», даст.*

Г. Замкнутые структуры, представляющие собой предложения с переносным значением обобщенного или частного характера (или

же имеющие как переносное, так и буквальное значение). Обобщающие (единодушно классифицируемые как пословицы): *Бодливой корове Бог рог не дает. – Сүзөөнөк уйга кудай мүйүз бербейт.* Частные: *Кудай чоң, Кудайдан соң дүйнө чоң. – Бог велик, после него мир велик. Кудайга ишенген жөө калат. – Кто надеется на Бога, тот остается пешим.*

В класс **провербиальных единиц** нами включены также безобразные пословицы - клишированные предложения с прямым значением, т. е. народные афоризмы по классификации Г. Л. Пермякова, максимы по классификации Н. Барли (*Даст Бог день, даст Бог и пищу. – Күндү берген Кудай, азыкты да берет. Кудайдан корпогондон корк. – Бойся того, кто не боится Бога*).

Следует отметить, что поговорки, пословицы и другие провербиальные единицы могут быть тесно связаны между собой: нередко они имеют в своей основе один и тот же образ, обладают сходным значением. Это свидетельствует о плавности большинства переходов при разграничении языковых единиц. Фактически в языке происходит переход от провербиальных фраз (глагольных фразеологических единиц) к поговоркам (незамкнутым предикативным единицам), в которых глагол стоит в личной форме, а затем - к пословицам (незамкнутым предикативным единицам). Все три группы тесно взаимосвязаны, например, провербиальные фразы могут возникать на основе пословиц и наоборот.

2. 5. Языковой статус пословиц и поговорок

Общепринятым является выделение двух основных направлений исследования пословицы. Первое характерно для стран континентальной Европы и России и направлено на изучение структурных и семиотических аспектов, логических отношений и семантики. Особым авторитетом среди работ, выполненных в рамках этого направления, пользуются исследования Г. Л. Пермякова. Предложенную им классификацию пословиц и близких к ним паремиологических единиц даже назвали «пословичной таблицей Менделеева». Данное направление исследования фольклора в значительной степени основано на работах В. Я. Проппа.

Второе направление развивается в Великобритании и США и ориентировано на исследование роли пословиц в коммуникации и социальной жизни. В рамках этого направления проводятся экспериментальные полевые исследования по определению паремиологического минимума, исследования функционирования пословиц в замкнутых социальных группах, проводится анализ иллокутивных и перлокутивных актов при употреблении и пословиц в речи, исследование функции пословиц в дискурсе. [70, С. 9-44]. Ученые-паремиологи обоих направлений стоят

перед необходимостью дать определение пословицы, разграничить пословицы и близкие к ним единицы.

Самым неопределенным статусом в группе паремиологических единиц обладает поговорка, что и порождает расхождение в ее трактовке разными исследователями.

В своей работе «К вопросу о структуре паремиологического фонда» [126, С. 247-274]. Г. Л. Пермяков проводит границу между пословицей и поговоркой - это замкнутая, целиком клишированная структура, поговорка - **незамкнутая структура**, изменяемая или дополняемая в речи [126, С. 9].

И пословицы, и поговорки, с точки зрения Г. Л. Пермякова, обладают переносным значением. Замкнутые структуры с прямым значением Г. Л. Пермяков относит к народным афоризмам, а незамкнутые - к присловьям [126, С. 11].

Другим важным параметром в характеристике пословиц и поговорок в концепции Г. Л. Пермякова является противопоставление частного/обобщенного. Однако это противопоставление не выступает в качестве основы для классификации, а лишь дополнительно характеризует разграниченные по структурному принципу единицы. Так, к частным высказываниям относятся все поговорки и некоторые пословицы, обобщенные высказывания представлены только пословицами [126, С.10].

Разграничению обобщенных и частных пословиц у Г. Л. Пермякова созвучна классификация пословиц Ю. И. Левина, точнее, не классификация, а одна из важных функциональных характеристик входящих в проverbsиальное пространство единиц.

Так, например, пословицы *Игра не стоит свеч*, *Нашла коса на камень* приложимы только к конкретным, частным ситуациям и не обладают функцией обобщения. В этом отношении они отличаются от поговорок – *Из-за деревьев леса не видит*, *Сидит между двух стульев* только в синтаксическом плане [105, С. 119]. Обобщенные пословицы констатируют некий общий закон, для них характерен квантор общности или обычности, который может быть не всегда выражен, но всегда подразумевается. Например, *Новая метла чисто метет* означает *Всякая новая метла чисто метет* или *Обычно новая метла чисто метет* [105, С. 120-125].

И у Г. Л. Пермякова, и у Ю. И. Левина определяющим фактором для разграничения пословицы и поговорки является структурный критерий, а семантические характеристики выступают как важные, но не классифицирующие черты при проведении границы между этими единицами. Семантические характеристики используются для отделения пословиц от народных афоризмов, замкнутых предикативных структур с прямым значением, которые рядом зарубежных ученых рассматриваются как безобразные пословицы, или максимы.

В. П. Жуков при разграничении пословиц и поговорок выбирает в качестве классифицирующего критерия семантические. С его точки зрения, и пословицы, и поговорки представляют собой законченные предложения, в основе которых лежат суждения. Пословицы - это устойчивые народные изречения, имеющие только переносный смысл или буквальный и переносный смысл: *Горбатого могила исправит. Чем бы дитя не тешилось лишь бы не плакало.* Поговорки - это краткие народные изречения, имеющие буквальный смысл: *Деньги - дело наживное. Коса - девичья краса.* Между ними находятся переходные единицы - пословично-поговорочные изречения, сочетающие в себе признаки пословиц и поговорок. В их составе часть слов использована в прямом, а часть - в переносном смысле: *Пьяному море по колено. На сердитых воду возят.* Все три типа единиц могут передавать как частные, так и общие суждения [62, С. 11-12]. Единицы с открытой структурой (незамкнутые структуры) типа *глаза на лоб лезут (у кого либо)», медведь на ухо наступил (кому-либо)* В. П. Жуков относит к фразеологизмам [62, С. 10]. Пословицы и поговорки как законченные предложения при таком подходе в состав фразеологии не включаются.

Таким образом, класс пословиц у В. П. Жукова сужается до единиц, имеющих полностью переосмысленное значение, а класс фразеологических единиц пополняется поговорками в классификации Г. Л. Пермякова и Ю. И. Левина. Структурный признак - цельнооформленное предложение - лежит в основе разграничения паремиологических и фразеологических единиц, но не в основе разграничения пословиц и поговорок.

Ю. Н. Солодуб пытается развить паремиологическую концепцию В. П. Жукова, но в то же время предлагает собственную типологию пословиц и поговорок с учетом разной степени обобщенности их значений. Согласно концепции Ю. Н. Солодуба, пословица выражает определенную закономерность, которая воспринимается как рекомендация для всех и каждого, а поговорка содержит обобщение на уровне конкретной типизированной ситуации, которая, как правило, включается в семантизацию этой поговорки. Ср. *Большому кораблю - большое плавание* и *Овчинка выделки не стоит, Вор у вора дубинку украл* [149, С. 55-65]. Основное структурно-семантическое различие пословиц и поговорок прослежено автором на синтаксическом уровне. В силу высокой степени обобщенности значения пословицы чаще всего имеют структуру обобщенно-личного предложения, в котором роль подлежащего или определения к подлежащему выполняют местоимения с обобщенно-личным значением (*всякий, каждый, любой*) [149, С. 62].

З. К. Тарланов считает пословицей краткое изречение назидательного характера в форме предложения, обязательно имеющее переносное значение и обобщающую функцию [156, С. 167,174].

Поговорка с точки зрения этого исследователя, также может иметь форму предложения, но в отличие от пословицы поговорка поддается идентификации при помощи синонимов, свободно включает в свой состав слова конкретно-указательной семантики, допускает использование глагольных сказуемых в форме прошедшего времени [156, С. 174]. Незавуалированные предложения нравоучения, выражающие мораль непосредственно и не имеющие переносного значения, З. К. Тарланов относит к книжным афоризмам [156, С. 189].

Наиболее широкое понимание поговорки как коммуникативной фразеологической единицы непословичного характера представлено в работах А. В. Кунина, который включает в данный разряд разные структурно-семантические типы образных устойчивых сочетаний слов: предложения с замкнутой структурой, незамкнутые предикативные структуры типа *one's heat warms towards somebody*, стереотипы или штампы типа *What's up? What the good word?* [98, С. 251]. Автор также отмечает, что четкого разграничения между пословицей и поговоркой в англо-американской лингвистике не проводится. На факт отсутствия данной проблемы в западной лингвистике также указывает В. Чернелёв. В предисловии к своему словарю он пишет: «Во-первых, любая дефиниция ... не охватывает всех сторон определяемого предмета, тем более таких сложных образований, как пословица и поговорка... Во-вторых, западная фольклористика не знает подобной проблемы, либо её игнорирует. Отсюда вытекает: феномен поговорки - чисто «русский (шире общеславянский) вопрос» в паремиологии...» [62, С. 22]. По мнению И. Е. Аничкова, термин «поговорка» вообще не имеет точного эквивалента в западноевропейских языках, в которых употребляются термины пословица, идиома или идиоматизм. Автор утверждает, что в английском языке ближайшим по значению к слову «поговорка» является слово *a phrase*, а в немецком - *eine Redensart, eine Mundart*, поэтому для передачи значения этого слова в английском употребляются словосочетание *a proverbial phrase*, а в немецком - *eine sprichwortliche Redensart* [12, С. 40-150].

Баранов А. Н. и Добровольский Д. О. считают, что поговорки не содержат в своей семантической структуре квантора всеобщности и не обладают рекомендательной силой. Пословицы, по мнению этих исследователей, по сравнению с поговорками, в большей степени дискурсивно автономны. В толковании пословицы из-за смыслового компонента всеобщности отсылка к ситуации общения отсутствует. Однако можно говорить, что у пословицы связь с ситуацией общения есть, но опосредованная - через типовую ситуацию, представленную в ее семантике. Обобщающая семантика пословиц позволяет использовать их в актах аргументирования. Поговорки сильно отличаются от пословиц и всегда иллокутивно вынуждаются теми или иными факторами ситуации

общения. Появление в дискурсе поговорок непосредственно зависит от факторов ситуации общения: это всегда реакция на происшедшие события [19, С. 82-83].

В кыргызском языкознании наиболее полный перечень признаков паремий и различий между пословицами и поговорками приводят Ж.Осмонова [123, С. 47-52], А. Абдулатов [1, С. 27-42] жана С.Б. Эргешова [185, С. 33-37].

Как видим, вопрос о разграничении пословиц и поговорок в современной лингвистике остается открытым. В основу разграничения кладётся семантический, структурный, этимологический критерий, выбор которого зависит от цели и задач конкретного исследования.

2. 6. Афоризмы и крылатые слова

Все исследователи в общем согласны с тем, что *афоризм* это изречение, чье авторство прослеживается, и что афоризмы являются одним из источников пополнения пословичного фонда. (Речь идет о собственном афоризме, а не о народном афоризме в терминологии Г. Л. Пермякова, о котором говорилось выше). И пословица, и афоризм создаются изначально одним человеком и затем получают широкое распространение в обществе или определенных слоях общества, однако пословица создается лицом неизвестным, а афоризм - лицом известным и, как правило, значимым для социума. Различие состоит также в том, что пословица в подавляющем большинстве случаев образуется в устной речи, а афоризмы весьма часто ведут свое начало из речи письменной. Между пословицей и афоризмом не всегда можно провести четкую границу, существуют и промежуточные единицы. Для иллюстрации сложности точного определения языковой единицы как пословицы или афоризма обычно приводят распространенное мнение о том, что многие афоризмы Б. Франклина превратились в пословицы, отмечая при этом, что на самом деле Б. Франклин просто способствовал популяризации возникших задолго до него пословиц [70, С. 27].

Крылатыми словами в традиционной фразеологии называют «различные в структурном отношении устойчивые сочетания слов, в большинстве случаев афористического характера, источник возникновения которых (литературный, фольклорный, публицистический и т. п.) мыслится как общеизвестный» [19, С. 70].

Как считают Баранов А. Н., Добровольский Д. О., крылатые слова не являются строго лингвистической категорией. Они образуют некое подмножество фразеологизмов, чаще всего идиом или пословиц. Считать ли, например, все фразеологизмы библейского происхождения крылатыми словами? Для людей, знакомых с текстом Священного Писания, все библеизмы - крылатые слова, так как они восходят к культурно-значимому источнику. Для других - это просто

устойчивые выражения русского языка. Как квалифицировать, к примеру, такое выражение, как *время жить, время умирать*? Для одних оно относится к крылатым словам потому, что известен его источник - книга Екклезиаств, для других - потому, что так называется один из романов Э. М. Ремарка, для третьих - это вообще не крылатое слово, а просто слабоидиоматичное русское выражение устойчивого характера.

Именно поэтому, как замечают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский [19, С. 71], в теоретической лингвистике практически никогда не использовалось понятие «крылатые слова». Категория крылатых слов оставалась достоянием традиционных подходов к описанию языкового материала, предшествующих его теоретическому осмыслению. Тем не менее это понятие оказалось весьма живучим, что подтверждает его некоторую эвристическую ценность, что проявляется и в чрезвычайной популярности различных словарей крылатых слов; см. [15, С. 320], а также [115, С. 240]. К тому же в рамках когнитивной парадигмы ему может быть придан и определенный теоретический статус, так как когнитивный подход к исследованию языка позволяет интерпретировать такие категории, как общий фонд знаний некоторого культурного сообщества.

В фонде кыргызских афоризмов значительную долю составляют крылатые выражения из эпоса, сказок, народных песен, из «Курани карим» и др. источников, а также из произведений писателей, журналистов и речей политических деятелей. Так, например, популярное ныне изречение *У нас только дураки не воруют и не берут взятку* появилось в нашем языке с легкой руки бывшего премьер-министра Т. Чынгышева, который высказал это утверждение прямо на заседании Жогорку Кеңеша. В обогащение кыргызской афористики внес значительный вклад молодой лингвист А. Жапанов, составивший и издавший двухтомный сборник афоризмов мыслителей прошлого в переводе на кыргызский язык. [61, С. 67-87].

С точки зрения А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [19, С. 73], крылатые слова выделяются на нелингвистических основаниях, частично попадая в идиомы, частично - в пословицы. Крылатые слова, по мнению этих исследователей, тесно связаны с культурной традицией. Отсюда вариативность указанного класса: человек, не читавший И. Ильфа и Е. Петрова, не поймет большинства приведенных крылатых слов из их романов.

Итак, можно сделать вывод, что между пословицей, афоризмом и крылатыми словами не всегда можно провести четкую границу. Поэтому в материал нашего исследования включены немногочисленные изречения, которые приводятся в словарях пословиц с указанием их авторства. Такие единицы условно рассматриваются как находящиеся на периферии пословичного фонда, как переходные между афоризмами и пословицами.

2.7. Идиомы - речевые формулы

В материал нашего исследования включены также идиомы - речевые формулы, добавленные А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским [19, С. 78-92] в классификацию фразеологизмов: *Как Бог свят!*; *Дай Бог сказать, не солгать!*; *Дай Бог памяти*; *Дай бог не соврать*; *Истинный Бог (вот тебе/ вам Бог)*; *С Богом!*; *Бог в помощь*; *Ради Бога* и др. Идиомы - речевые формулы, используются в современной речи, они в большом количестве представлены в словаре В. Даля, включены и в современные словари (Ожегова, Шведовой, Зимины и др.). Следовательно, они являются провербиальными в своих истоках и имеют ценность для нашего исследования.

В самом общем виде речевые формулы определяются следующим образом: **«Речевые формулы** - это идиомы разных структурных типов (преимущественно законченные высказывания) с фиксированной иллокутивной силой или определяющие иллокутивные характеристики речевого высказывания». В их плане имеется отсылка к ситуации общения. В этом смысле они дейктивны. Специфика их значения заставляет рассматривать эти единицы как отдельный класс. Поскольку отсылка к ситуации общения может осуществляться различными способами, то внутри класса речевых формул выделяются различные подклассы: идиомы-комментарии, идиомы-перформативы.

Функция идиом-комментариев состоит в комментировании определенных аспектов общения. Со структурной точки зрения, данные идиомы представляют собой законченные высказывания. Общая часть значения этих единиц включает указание не тривиальные аспекты актуальной ситуации. Их основная функция и заключается в комментировании нетривиальности, что иногда переводит общение на метауровень - с уровня информирования на уровень субъективной оценки. Похожее противопоставление текста и метатекста дано А. Вежбицкой (Вежбицкая 1978).

К **идиомам-комментариям** нами отнесены следующие идиомы: *Не бог весть (кто) или (какой); Не бог весть*; *Не бог знает*; *Дай Бог каждому*; *Дай Бог сказать, не солгать!*; *Дай Бог не соврать*; *Дай Бог памяти*; *Дай Бог*; *Господи, помилуй!*; *Унеси Бог*; *Благодари Бога*. В кыргызском языке также широко представлены подобные выражения: *Кудаага ыраазымын* «Я благодарен Богу»; *Кудай жалгасын?* «Пусть Бог поддержит»; *Кудай көрүп турат* «Бог видит»; *Кудай алсын* «Пусть заберет Бог»; *Аллах жар болсун* «Пусть Аллах поможет» и т.д. Кыргызские идиомы более стандартны, чем русские.

Русское междометие *спасибо* возникло в результате сращения в одно слово устойчивого словосочетания *спаси Бог*. Конечное *о* отпало после утраты редуцированного *ь* [180, С.190].

Появление идиом-комментариев непосредственно зависит от факторов ситуации общения: то всегда реакция на происшедшие

события. В семантической экспликации идиом-комментариев это можно было представить в виде компонента «оценивая данную ситуацию». Например, идиома *Не дай (не приведи) бог (боже) (испытать подобное)* выражает нежелательность, недопустимость, беспокойство (в отношении к себе или другим) по поводу произошедшего с кем-либо. Идиома *Благодари Бога* выражает акт благодарности судьбе (случаю) за благоприятный исход дела (*Благодари Бога, что жив остался*). См. в кыргызском языке: *Кудайга шүгүр десең* «Скажи: слава Богу», где выражается совет собеседнику быть благодарным судьбе, Богу за хорошее здоровье, за благополучие в семье и жизни, за успехи в службе. И вообще идиома *Кудайга/Кудаага/Аллага/Аллахка шүгүр* имеет важное лингвоэтнокультурное содержание. В ней четко отражена восточная ментальность – умение довольствоваться тем, что имеет человек. Здесь выражен императив, ограничивающий желание, устремление людей к наживе, обогащению, к власти и победе и т.д.

Комментарий может относиться не только к событиям, внешним по отношению к говорящему, но и к его когнитивному состоянию или различным ментальным процессам. Так, идиомы *Дай Бог сказать, не солгать!*; *Дай Бог не соврать*; *Дай Бог памяти* указывают на процесс вспоминания. Идиомы – комментарии этого типа всегда переводят коммуникацию на метауровень, передавая рефлекссию говорящего по поводу положения дел и процесса общения.

К идиомам-комментариям примыкает еще один тип речевых формул, которые А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским отнесены к полуавтономным. Например, *Дай Бог ноги!*; *Давай Бог ноги!*; *Унеси Бог*; *Пронеси, Господи*. Ср., например, кыргызскую идиому *Куткара көр, Кудай* «Спаси, Бог», *Жолун ач, Кудай* «Дай, Бог, дорогу». В отличие от других комментариев, они не являются синтаксически автономными предложениями. В правильных синтаксических конструкциях эти выражения образуют часть структуры сложных предложений типа - *Чуть нарвутся на отпор, давай Бог ноги. А вот если попадается беззащитная жертва - разорвут, как гиены* (В. Безымянный. Маньяк). Ср. также: *Баламын эсен-аман келишине жол ача көр, Кудайым* «К благополучному возвращению моего сына дай дорогу, Бог мой». Однако в дискурсе они склонны к синтаксическому обособлению и очень часто выступают как элементы парцелляции, что позволяет их рассматривать как речевые формулы: *Натасканные на ненападение, на безнаказанную атаку, они психологически не готовы к обороне, и, понятное дело, опаздывают с реакцией. А наша практика - удар на учреждение. Дай бог ноги!* (А Степанов. Вечный шах). При этом рассматриваемые выражения по структуре являются предложениями. Их связь с ситуацией общения в данном случае проявляется в том, что они невозможны без предшествующей пропозиции, которая описывает какие-то стороны обсуждаемого положения дел. Иными словами, эта синтаксическая структура может быть описана как последовательность

пропозиций *P [u] дай Бог ноги» P[u] унеси Бог; P [u] пронеси, Господи*. Разумеется, каждая из подобных речевых формул налагает ограничения на семантику предшествующей пропозиции. Например, в случае выражения *дай бог ноги* - это некоторая ситуация, ведущая к уходу, бегству, являющаяся его причиной, или действия, непосредственно предшествующие уходу.

Вторую группу речевых формул представляют законченные высказывания или пропозициональные формы, которые являются **перформативами**. Например, идиомы - высказывания *Как Бог свят!; Истинный Бог!; Вот те крест!; Ей-богу; (Да) убей (побей, накажи, разрази) (меня) Бог (Да убей меня бог не вру), Кудаи акы «Ей-Богу», Кудаи күбө «Бог - свидетель»* реализуют речевой акт клятвы. В отличие от обычных перформативов, которые часто допускают заполнение субъектной валентности (*Я те клянусь: моей ноги там больше не будет; Чын сүйлөгөнүмө ант берем «Клянусь, что говорю правду»*), идиомы-перформативы по большей части имеют ограничения на реализацию субъектной валентности, при том что семантически она обязательна. Ср. *Вот те крест* при невозможности *Я те крест даю*.

Идиомы *С Богом! Бог в помощь! Дай Бог! Алла жолуна «На Божий путь», Кудаи жол берсин «Пусть Бог откроет дорогу»* реализуют речевой акт пожелания, напутствия.

Термин «перформатив» употребляется здесь в обычном смысле - в духе Дж. Остина, обозначавшего таким образом широкий класс высказываний, которые не указывают на какое-либо состояние мира, а сами констатируют соответствующие состояния. В таком понимании наличие эксплицитной перформативной формулы - глагола в 1-м л. наст. актуального времени - не является необходимым условием для отнесения высказывания к перформативам. Согласно Остину перформативы без перформативного глагола в соответствующей грамматической форме называются «имплицитными», или «первичными». (В противоположность «эксплицитным» перформативам в эксплицитной перформативной формуле). Например, утверждение типа *Я вернусь до полуночи* в определенной ситуации интерпретируется как речевой акт обещания, синонимичный высказыванию *Я обещаю, что вернусь до полуночи*, и с этой точки зрения относится к перформативам.

В соответствии в общепринятым представлением о перформативах, идиомы-перформативы рассматриваются как выражения, которые не столько описывают действие, сколько являются самим действием. Для идиом перформативов необходимо предусмотреть появление в семантическом представлении перформативного глагола в эксплицитной перформативной формуле - в 1-м л. ед/мн. ч. наст. актуального времени, который представляет соответствующий речевой акт: «я требую...» «я клянусь...» «я желаю успеха...» и т. п.

Перформативы тесно связаны с ситуацией общения в силу того, что порожаемое ими действие и его последствия (перлокутивный

эффект) возможны только в актуальной ситуации произнесения соответствующего выражения. Речевой акт в данном случае порождает невербальное действие. Возможно, однако, и другое - ровно противоположное - направление порождения, когда ситуация выступает в роли «триггера», спускового крючка и дает толчок речевому акту.

Есть и еще одна группа речевых формул, которая характеризует такие случаи, когда триггером оказывается когнитивное (в том числе эмоциональное) состояние говорящего. В состав этой группы входят идиомы, выражающие УДИВЛЕНИЕ (*бог (боже) ты мой!, Кудай ай! О-оо Аллах!*), НЕДОУМЕНИЕ, ОСУЖДЕНИЕ, ПРОТЕСТ (*Помилуй Бог!; Бог с тобой (с вами)!; Господь с тобой!; Бог тебя суди; Побойся (побойтесь) Бога; Бог тебе судья!; Бог тебя накажи; Кудай алсын! «Пусть Бог заберет»; Кудай аай! «О Боже!» О-оо Кудай «Бог с тобой»*); РАДОСТЬ (*Бог (боже) ты мой! Кудай берди «Бог дал»*) и другие эмоции.

В кыргызском языке есть идиома *алда-жалда менен* «еле-еле, с трудом», где субстантивная часть имеет арабское происхождение и восходит к выражению *Я Аллаху!* «О Боже!» [78, С.33]. Идиома употребляется при испуге, недовольстве, возмущении, осуждении и других случаях.

Поскольку говорящий по определению является частью ситуации общения, то такие выражения в определенном смысле близки комментариям, однако они принципиально отличаются от идиом-комментариев тем, что не комментируют происходящее, не информируют адресата о состоянии говорящего (во всяком случае это не прямая их функция), а являются речевым способом ослабления силы эмоционального или психического состояния субъекта, которое грозит нарушить нормальное функционирование психики человека. Ослабление происходит благодаря речевому выражению этой эмоции. Речевые формулы рассматриваемой группы А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский предлагают называть «эмоциональными отдушинами» или «эмоциональными предохранителями» [19, С. 91]. В семантической модели значения речевые формулы рассматриваемого типа должны содержать указание на эмоцию, возникшую в данной ситуации общения, - нечто вроде «реагируя на возникшую у меня эмоцию и пытаюсь выразить её, уменьшив её силу, я говорю...».

2. 8. Когнитивный анализ провербиальных единиц

В литературе неоднократно отмечалось отсутствие собственного когнитивного практического метода, последовательно применяемого когнитивного аппарата анализа. Так, А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский пишут об отсутствии комплекса методических оснований когнитивного подхода к языку [18, С.11], [19, С.225] В. Б. Касевич [79, С.20], Т. Г. Скребцова [147, С.18] и отмечают отсутствие

у когнитивной лингвистики нового метода. Реконструкция языковой картины мира, в частности proverbially картины мира, как справедливо замечает Е. В. Иванова [70, С. 95], требует собственно когнитивных методик анализа, что обусловлено соображениями удобства описания и необходимостью рассмотреть стороны, недоступные традиционному анализу.

В своем труде «Мир в русских и английских пословицах» (2006) Е. И. Иванова предлагает свой когнитивный метод анализа пословиц, при котором главным исследователем считает взаимодействие двух семантических планов / когнитивных уровней - внутренней формы и значения. Внутренняя форма пословицы и её значение образуют единое когнитивное пространство, единую когнитивную структуру или когнитивную модель пословицы [70, С. 95].

Так как в нашем исследовании пословицы составляют основной массив proverbially фонда русского языка, при описании семантики пословиц нами была использована экспериментальная методика Е. И. Ивановой. Мы согласны с исследователем, что выделение когнитивных уровней значения и внутренней формы, рассмотрение их взаимосвязи является удобным средством описания семантики пословицы с позиций когнитивной лингвистики.

2. 8. 1. Выделение групп с учетом когнитивных уровней значения и внутренней формы пословицы

На основе характера соотношения внутренней формы и денотативного значения, соотношения двух уровней пословицы нами выделены, следующие группы proverbially единиц, понимаемых в нашем исследовании как пословицы.

1. Внутренняя форма может быть равна значению пословицы. Иными словами, когнитивные уровни внутренней формы и значения совпадают. Это пословицы-максимы:

*Хороша правда-матка, да не перед людьми, а перед Богом
Кто Богу не грешен, кто бабке не внук?*

Тождество значения и внутренней формы в пословицах первой группы может быть весьма относительным, точнее говорить о совпадении внутренней формы и ядра значения. В когнитивный уровень значения помимо ядра могут входить дополнительные когнитивные компоненты, что можно проиллюстрировать на примере следующей пословицы: *И Бог не возьмет, как ничего нет. Чего нет, того и Бог не возьмет. Жок нерсени Кудайым бербейт* «Чего нет, того не даст Бог» На когнитивном уровне значения присутствует компонент «у бедного человека нечего взять», но эксплицитно во внутренней форме он не выражен. Определяющим фактором для установления тождества значения и внутренней формы являются совпадения основных участков ситуации, соотнесенных с двумя уровнями, и связывающих их отношений.

2. Ко второй группе относятся так называемые пословицы-метафоры - единицы, которые все без исключения исследователи относят именно к пословицам. Внутренняя форма в таких пословицах не равна значению. Примеры пословиц-метафор:

Бог и рога прикует, так будешь носить.

Бодливой корове Бог рог не дает.

Не дай Бог свинье рога, а мужику барство.

В кыргызской паремии *Кудай мындай берээрби, кулжа тамга кирээрби* «Дал Бог такое, что кулжа (самец горного барана) оказался в сарае» выражается радость человека, который столкнулся неожиданно с крупной удачей. Она используется во всех вариантах данной ситуации.

3. В третью группу входят пословицы, в которых один (или более) компонент внутренней формы входит в значение пословицы. Происходит частичное наложение внутренней формы и значения, пересечение двух когнитивных уровней:

Денежка не Бог, а бережет (или: а милует);

Денежка не Бог, а полбога есть;

Деньга пона купит и Бога обманет (т.е. поп грехи скроет).

Значение этих пословиц можно описать так: «деньги имеют большое значение в жизни человека»; «деньги имеют власть над людьми»; «имея деньги, можно жить спокойно»; «с помощью денег можно скрыть свой грех» и т. д. Элемент «деньги» эксплицитно выражены во внутренней форме и одновременно представляют собой важный компонент значения пословиц.

В пословице *Кудай бербегенди молдо бербейт* «То, что не дал Бог, не даст мулла» внутренняя форма и значение перекрещиваются.

Заметим, что граница между тремя группами весьма относительна. Если, например, пословица *Не дал Бог медведю волчьей смелости, а волку - медвежьей силы* использована в буквальном значении, она относится к первой группе, если в переносном - то ко второй. Кыргызская паремия *Саар кетет илегилек, кеч келет илегилек* «Утром уходит аист, вечером приходит аист» выполняет двоякую функцию. В качестве загадки она имеет отгадку «открывающийся утром и закрывающийся вечером кусок войлока на верхнем деревянном остове юрты», а в качестве пословицы она характеризует действия бездельника, который никакой пользы не приносит домой. В обоих случаях паремия содержит обобщенное значение.

В связи с реконструкцией фрагментов провербиальной картины мира, основанной на выделении провербиальных групп с соответствующими значениями, необходимо остановиться еще на одном моменте. Одно и то же провербиальное выражение (пословица, провербиальная фраза и т. п.) может входить в несколько семантических групп, занимать в них центральное или периферийное выражение. Например, пословица *Бог создал Крым и Кавказ, а чёрт - Кольму и Нарым* входит в группу «Бог - Создатель, Творец». Но эта

же пословица входит в группу «Бог несёт добро, чёрт - зло». Так, В. И. Даль, отвечая на упреки в том, что многие пословицы в его сборнике повторяются, указывает на эту особенность пословиц, обусловленную особенностями их значения [50, С.38]. О спорности выделения пословичных групп и подгрупп пишет и М. Кууси [101, С.15]. Дана характеристика пословичных групп - их пересечение, взаимное включение, отсутствие строгих границ - полностью согласуется с когнитивным подходом к семантике языковых единиц и к реконструкции структур знаний на основе семантического анализа. Как уже отмечалось, когнитивная лингвистика исходит из размытости, неопределенности категорий и их диффузности. В настоящем исследовании нами учитывались случаи пересечения рассматриваемых пословичных групп и, соответственно, образуемых ими когнитивных структур.

2. 8. 2. Понятие когнитемы

При описании пословичной картины мира необходимо оперировать более мелкими, чем пословицы, пропозициональными единицами, более простыми по структуре, чем пословицы. Такие единицы представляют собой своего рода «строительные блоки», компоненты пословичной картины мира, их выделение возможно только в рамках когнитивного подхода. На пути осуществления задачи в разработке конкретных приемов когнитивного анализа Е. И. Ивановой было введено понятие когнитемы [70, С.97-104]. Эта идея развивается в работе С.Б. Эргешовой [185, С. 3-18].

С точки зрения Е. И. Ивановой, «понятие когнитемы обусловлено не стремлением пополнить и без того длинный ряд «эмических единиц», а соображениями удобства и рациональности описания...» [70, С.98]. Когнитема в ее понимании представляет пропозициональную единицу знания, реконструируемую при анализе семантического пространства одной или нескольких пословиц и функционально значимую для описания когнитивной модели одной пословицы, фрагмента пословичной картины мира или всей пословичной картины мира. Если представить пословичную картину мира как пропозициональное дерево, то основными конструирующими отдельными компонентами этого дерева будут когнитемы. Слово «единица» в определении когнитемы используется не в значении «мельчайшая составляющая», а в значении «элемент».

Для выявления когнитивных признаков концепта «Бог» в провербиальном пространстве нам показалось приемлемым и весьма удобным использование данной составляющей когнитивного исследования. Например, в когнитивной модели пословицы *Всё в мире творится не нашим умом, а Божьим судом* на уровне значения выделяется когнитема «всё осуществляется по воле Бога». Аналогичная когнитема выделяется и в других пословицах: *Без воли*

Божьей и волосок с головы не упадет; Бог народит, так и счастьем наделит; Бог дает власть кому похочет; Бог не захочет, и пузырь не вскочит и др. Общей в идиомах-речевых формулах *Не дай Боже, не приведи бог (боже); избави (или сохрани, упаси) бог (боже)*, пословицах *Не дай Бог с дураком ни найти, ни потерять; Не дай Бог свинье рога, а мужику барство* и пословичных изречениях *Избави нас, Боже от лыса, коса, рыжа и кривоноса; Отыми, Господи, руки, да откинь разум!*; *Был у меня муж Иван - не приведи Бог и вам и под.* является когнитема «Бога просят отвести беду».

Когнитема - понятие, имеющее в первую очередь прикладное, методологическое значение, формальное средство когнитивного лингвистического анализа, а не элемент модели когнитивной деятельности или гипотетическая единица хранящейся в памяти информации, которая измерялась в пропозициях, в битах, пакетах, ассоциациях, семантических маркерах и пр.

В то же время можно предположить, как замечает Е. И. Иванова, что некоторый аналог когнитеме присутствует в человеческом сознании и в памяти. С точки зрения Б. М. Гаспарова, языковая память включает «запас частиц языковой ткани разного объема, степени протяженности», образующих гигантский «цитатный фонд», который и составляет основу языковой деятельности [41, С.104-105]. В памяти человека хранятся целостные отрезки речи, воспроизводимые как готовые в процессе речевой деятельности, которые Б. М. Гаспаров называет коммуникативными фрагментами, типа «строительство жилых домов», «сам построил дом», «чтобы построить дом». Исходя из теории Б. М. Гаспарова и вышеупомянутой теории пропозиционального строения памяти Е.И. Ивановой можно допустить существование когнитем в памяти отдельного человека. Соответственно можно говорить о вычленимости когнитем в коллективном сознании.

Когнитема - это единица знания, единица содержательного плана, существующая в вербальной «упаковке», поэтому определение ее в структурном плане представляет значительные сложности. Нижнюю границу когнитемы можно описать семантической формулой «концепт + ассоциативная связь + концепт», что на вербальном уровне выражается формулой «слово + слово» в тех случаях, когда второй концепт является признаковым по характеру, а ассоциативная связь имплицитной, или формулой «слово + слово + слово», если второй концепт предметный и ассоциативная связь находит эксплицитное, вербальное выражение или если признаковый по характеру концепт выражен двумя словами (речь идет о знаменательных словах). Например в пословице *Деньги не боги, а дает подмоги (помогают)* выделяется когнитема «*деньги помогают*», выделяемая с помощью знаменательных слов. Ассоциативная связь между концептом «деньги» и признаковым концептом действия «помогают» имплицитна. В пословице *Не дай бог свинье рога, а мужику барство*, повествующей

о высокомерии разбогатевшего человека или о недостойном человеке, получившем высокий чин, концепты когнитивного уровня внутренней формы «свинья» и «мужик» и концепты когнитивного уровня значения «спесь», «высокомерие» связаны ассоциативной связью несуразности понятий «свинья с рогами» или «мужик-барин» и «недостойный человек, наделенный властью». Когнитивная внутренняя формы, как правило, включает в себе достаточно очевидное и хорошо известное знание, что обуславливает легкое распознавание значения пословицы. Как отмечает Н. Барли, пословица «вовлекает в метафору отношения, отретипированные в повседневном общении» [20, С.138]. Именно общеизвестная, всем понятная информация, заключенная на уровне внутренней формы, делает легко узнаваемыми значение пословицы и смысл ее употребления в речи.

Повторяющиеся, частотные единицы имеют первостепенное значение для анализа когнитивного пространства. На основе семантики групп пословиц, которые слагаются из когнитивных, реконструируется когнитивная структура.

2. 8. 3. Понятие когнитивной структуры

Когнитивная структура - это схема репрезентации знания, опыта, реконструируемая на основе анализа ряда языковых единиц, в данном случае провербиальных единиц.

Когнитивная структура - это и цель, и средство когнитивного анализа. С одной стороны, когнитивная структура представляет собой основу фрагмента провербиальной картины мира, на которую наслаиваются также культурные факторы, оказывают влияние социальные и географические условия жизни народа, находят отражение гендерные характеристики. Когнитивная структура, заключающая в себе определенное знание о мире, показывает избирательность ментальности и особенности восприятия мира, свойственные данному социуму и проявляющиеся в провербиальных единицах.

С другой стороны, когнитивная структура позволяет описать провербиальные единицы как «хранилища» знания о мире, рассмотреть семантику в проекции на знание и опыт, накопленные языковым коллективом, т. е. реализовать собственную лингвистическую задачу описания языка в новом ракурсе.

И с третьей стороны, когнитивная структура выступает как средство анализа, исследовательский механизм, последовательное применение которого позволяет получить однотипные результаты.

Когнитивная структура – это содержательное пространство, реконструируемое на основе семантики провербиальных единиц. Это содержательное пространство - схема знания о мире - слагается из элементов знания о мире различной протяженности - когнитивных. Некоторые когнитивные единицы, некоторые повторяются, некоторые характеризуются достаточно высокой частотностью. В

когнитивной структуре учитывается как значение, так и внутренняя форма proverbialной единицы, а также взаимодействие компонентов значения и компонентов внутренней формы.

Когнитивная структура, таким образом, представляет «спрессованное» семантическое пространство (когнитивное пространство) с определенными «уплотнениями» в виде повторяющихся/частотных когнитивных единиц. Когнитивная структура соотносится с группой пословиц по определенной теме (например, в нашем исследовании выделены такие темы, как «Бог – Творец, Создатель», «Бог – Владыка, Повелитель», «Бог и черт» и т. д.).

Анализируя семантическое пространство, образованное группой пословиц той или иной тематики, возможно описать структуру определенного знания о мире, отраженного в proverbialных единицах, когнитивную структуру. Тем самым можно осуществить воссоздание proverbialной концептуализации мира, основанное на моделировании содержательного пространства, соотнесенного с несколькими пластами семантики некоторого множества proverbialных единиц.

2. 9. Методики концептуального анализа

Многокомпонентная и многослойная структура концепта может быть выявлена через анализ языковых средств ее репрезентации методами концептуального анализа. Основная цель такого анализа - описать структуру концепта, его лингвокультурную специфику и сделать выводы относительно его значимости для языковой картины мира конкретной этнокультуры.

Концептуальный анализ, ориентированный на описание ключевых концептов ментального мира социума, отражен в работах В. В. Колесова, А. Вежбицкой, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия, Е. С. Кубряковой, М.Ж. Тагаева, С.Б. Эргешовой и других лингвистов.

Точку зрения Ю. С. Степанова о «сложности» концептуального анализа как метода разделяют многие ученые: Е. С. Кубрякова (концептуальный анализ - ее термин), Р. М. Фрумкина, В. А. Маслова, М. А. Пименова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.

В первых работах по концептам еще не было возможности осмыслить специфику концептуального анализа, однако некоторые замечания, касающиеся этого типа анализа, мы находим в целом ряде работ конца прошлого века. В. В. Колесов, например, при анализе концептов рекомендует использовать следующую совокупность подходов: во-первых, этимологический анализ - для реконструкции формы; во-вторых, лингвистическую палеонтологию - чтобы проследить становление понятия (значения); в-третьих, историческую лексикологию, вскрывающую закономерности изменения содержательных форм слова (значений). К последней В. В. Колесовым присовокупляются историческая стилистика, историческое словообразование и историческая фразеология - как дополнения, необходимые для полноценного анализа. Именно историческая лексикология, по мнению ученого, теоретически завершает эмпирические

исследования, строит модель на основе надежных частных реконструкций, позволяя исследователю выйти на когнитивный уровень, и «таким образом, в конечном счете, проблема изучения слова заключается в поисках ментального концепта национальной речемысли» [82, С. 136].

Опираясь на дефиницию концепта, можно построить "концептуальную карту" слова, представляющую собой, во-первых, отражение наиболее употребительных контекстов слова, во-вторых, констатацию всех направлений, по которым идут преобразования семантики слова и, наконец, рекомендацию к более полному лексикографическому представлению значений слова и так далее" [96, С. 97]. Концептуальный анализ Е. С. Кубрякова в общем видит следующим образом: «аналитику необходимо пройти путь от обозначения к структуре знания, за ним стоящей, соотнести элементы этой структуры со способами их выражения, а во всех этих действиях разложить концепт на его составляющие. Сказанное означает, что по воле аналитика сами составляющие могут быть описаны в разных терминах и, конечно, для решения разных задач» [97, С. 317-318].

С. Е. Никитина предлагает свой тип анализа, названный ею "расчлененное определение", где концепту предлагается тезаурусная статья-анкета, состоящая из перечня семантических отношений для описания семантики данного слова (статистические - синонимия, антонимия, метафоры, гиперо-гипонимические; динамические и т.п.) [120, С.117-123].

З. Д. Попова и И. А. Стернин в «Очерках по когнитивной лингвистике» [133, С. 95] сделали попытку выявить основные методики анализа концепта. Представим некоторые из них: 1) «анализ словарных толкований ключевого слова по возможно большему числу словарей. Из толкований делается выборка всех возможных характеристик концепта»; 2) «изучение многозначности слов в процессе ее развития. Анализ очередности появления новых значений слов позволяет установить определяющие это развитие черты изучаемого концепта» [133, С.14]; 3) анализ пословиц и поговорок, в которые входит изучаемое ключевое слово; 4) построение и изучение различных полей (деривационного, лексико-грамматического, лексико-фразеологического) ключевого слова; 5) эксперименты (свободный ассоциативный, заключающийся в предъявлении испытуемым слов — стимулов, в фиксации и дальнейшем анализе реакций на эти слова-стимулы, и рецептивный — «экспериментальное исследование знания (понимания) значения языковых единиц носителями языка») [133, С.117].

Проанализировав множество существующих исследований в рамках когнитивной лингвистики, Р. М. Фрумкина [172, С.74-117] выявила три направления концептуального анализа. Первый предполагает обращение к жизненному опыту воображаемых собеседников и заключается в исследовании сложных ментальных образований типа *мнение, знать, Бог* и т.д. Второй, имея тот же объект исследования, основывается на языковом чутье и научной эрудиции читателя и строится с учетом пары «говорящий - слушающий». Последний представляет изучение любого языкового

материала и базируется на интроспекции анализа, являющегося сочетанием множества методик.

Таким образом, в современной лингвистике не существует устойчивой универсальной модели концептуального анализа, о чем свидетельствует наличие различных методик его выполнения. Наиболее полным, на взгляд, будет **комплексный (многоаспектный) анализ**, проведенный последовательным применением нескольких методик.

В нашей работе мы придерживались семантико-когнитивного подхода в исследовании концептов, разработанного школой когнитивной лингвистики (Российская Федерация). Концепт как сложный комплекс признаков имеет разноуровневую представленность в языке. Метод семантико-когнитивного анализа предполагает переход от исследования содержания значений к исследованию содержания концепта в ходе определенного этапа описания - когнитивной интерпретации.

Концептуальный анализ, использованный в нашей работе, включает в себя:

- анализ семантики ключевого слова, репрезентирующего концепт;
- вывод об изменении/стабильности лексического значения ключевого слова, о роли фактора времени в развитии концепта;
- выявление этимологии ключевого слова;
- средства вербализации концепта, т. е. его представленность в провербиальных единицах;
- ассоциативный эксперимент;
- вывод о постоянстве, значимости, универсальности анализируемого концепта;
- заключение о том, можно ли считать данный концепт доминантой (константой) национальной картины мира.

Нами выбран одним из наиболее популярных методов исследования концепта - метод полевого описания, актуальный для нашей работы. Именно вербализованная часть концепта имеет полевую структуру: ядро и периферию. Нами были исследованы основные свойства концепта: субъективность; включенность в культуру; способность отражать менталитет нации; интерпретационный характер; многокомпонентность; динамичность; абстрактность; символичность; ценность, образность и др.

Выстраивание структуры концепта производилось от внутреннего содержания (ядра) к внешнему (периферии). Ядро концепта представлено словарными значениями лексемы и имеют тот содержательный минимум, который должен быть известен любому носителю данной культуры и фиксируется в толковом словаре в виде дефиниции. Материалы толковых и энциклопедических словарей позволили нам раскрыть содержание концепта, выяснить специфику его языкового выражения.

В своей работе мы рассмотрели основные средства репрезентации концепта «Бог - Кудай» в указанной последовательности - от ядерной зоны к периферийной, предварительно определив его место в общей типологии концептов, что позволило лучше понять его сущность как ментального

образования. Концептуальный анализ позволил выявить специфику национального концепта и определить его место в национальной концептосфере.

Выводы

1. Религиозная картина мира как один из элементов общей картины мира представляет собой когнитивную структуру, вобравшую в себя совокупность духовно-нравственных ценностей, основанных на религиозном учении, которое исторически формировало мировоззрение и культурно-национальное самосознание народа.

Религиозное пространство языка является частью общенационального культурного пространства.

2. В период тоталитаризма ислам и православие и все с ними связанное подвергалось существенному давлению и преследованию. Тоталитарная культура вытесняла религию в пространство собственно конфессионального дискурса, отторгая ее духовную ценность, формируя отношение к религии как к идеологическому пережитку прошлого.

3. Борьба с религией в советском обществе происходила не только в форме разрушения храмов, мечетей, надругательства над святынями и физического уничтожения священнослужителей, но и в форме насилия над языком. Связанный с религией массив лексики был вытеснен за годы советской власти из языкового сознания людей и отодвинут на периферию лексической системы.

4. Существенные изменения в отношении к вере и, как следствие, конфессиональной лексике произошли в период «перестройки и гласности», что было связано с обращением к духовности, в том числе к религии, к церковным обрядам.

5. В связи с переменами в политической, социальной и культурной жизни России и стран содружества на рубеже XX-XXI вв. интерес к религии значительно возрос, выросла и потребность в освоении религиозной лексики. В настоящее время религиозная лексика перешла в активный словарный запас и заняла свое особое место в культуре и в лексической системе.

6. Специфические черты этнической ментальности хранятся в паремиологическом фонде языка. В концептах провербиального пространства отражаются и кристаллизуются образ мышления и мировосприятие этноса, «высвечиваются» его национально-специфические особенности.

7. Слово «провербиальный» в современном употреблении вмещает в себя такие понятия, как древность, культурная значимость, ценность, общеизвестность, универсальность, эмоциональность. Все эти качества присущи пословицам, поговоркам, пословично-поговорочным изречениям, приметам, велеризмам, глагольным провербиальным фразам, идиомам - речевым формулам, на основании чего все они объединены в класс провербиальных единиц, который можно назвать

провербиальным фондом. Единицы провербиального фонда в своей семантике отражают не отдельные предметы, действия, свойства или отношения, но целые ситуации, представляющие собой типовые участки лингвокультурного пространства, то есть культурные сценарии.

8. Вопрос о разграничении пословиц и поговорок в современной лингвистике остается открытым. В основу разграничения кладется семантический, структурный, этимологический критерий, выбор которого зависит от цели и задач конкретного исследования.

9. Под пословицами в нашем исследовании понимаются замкнутые структуры, предложения, имеющие только прямое, прямое и переносное или только переносное значение как обобщающего, так и частного характера. Все исследуемые единицы в итоге разделены на пословицы-метафоры и пословицы-максимы.

10. Под поговорками понимаются незамкнутые структуры, имеющие в языке форму неполного личного предложения, в которое может быть подставлено любое подлежащее, как правило обозначающее лицо, или полного личного предложения с добавлением дополнения в речевой ситуации. Поговорки не содержат в своей семантической структуре квантора всеобщности и не обладают рекомендательной силой.

11. Под пословичным изречением (по В. Далю) понимается изречение, не заключающее в себе притчи, иносказания, обиняка.

12. В класс провербиальных единиц нами включены также безобразные пословицы - клишированные предложения с прямым значением, т. е. народные афоризмы по классификации Г. Л. Пермякова, максимы по классификации Н. Барли.

13. Включенные в провербиальный фонд речевые формулы представляют идиомы разных структурных типов (преимущественно законченные высказывания) с фиксированной иллокутивной силой или определяющие иллокутивные характеристики речевого высказывания.

Функция идиом-комментариев состоит в комментировании определенных аспектов общения. Со структурной точки зрения, данные идиомы предоставляет собой законченные высказывания. Общая часть значения этих единиц включает указание на нетривиальные аспекты актуальной ситуации. Идиомы-перформативы рассматриваются как выражения, которые не столько описывают действие, сколько являются самим действием, Это по определению привязывает их с прагматической точки зрения к ситуации общения: совершения действия, поступка невозможно вне данной ситуации.

14. Поговорки, пословицы и другие провербиальные единицы могут быть тесно связаны между собой: нередко они имеют в своей основе один и тот же образ, обладают сходным значением. Это свидетельствует о плавности большинства переходов при разграничении языковых единиц.

15. Пословицы, составляющие основной массив исследуемого провербиального фонда, рассматриваются как языковые знаки, так как они воспроизводятся, а не конструируются в речи, обладают планом выражения и планом содержания.

16. Под значением пословицы понимается ее содержание как виртуального знака, а под смыслом пословицы - ее актуализованное в речи содержание, т. е. референциальное значение. Определяющей чертой смысла считается его коммуникативный характер.

17. Внутреннюю форму пословицы можно определить как буквальное значение пословицы, непосредственно выводимое из значений составляющих ее компонентов и связей между ними, в его соотношении со значением пословицы. В рамках когнитивного подхода внутренняя форма - это некий отрезок знания о мире, что позволяет говорить о когнитивном уровне внутренней формы пословицы.

18. Пословицы только с прямым (буквальным) значением можно назвать пословицами-максимами. Пословицы с переносным значением - это пословицы-метафоры.

19. Второй по значимости единицей провербиальной картины мира является когнитема - пропозициональная единица знания, меньшая, чем пословица или другая провербиальная единица. Когнитемы образуют когнитивную модель провербиального знака, когнитивные структуры, соотнесенные с различными по объему группами провербиальных единиц.

20. Провербиальная когнитивная структура – это схема репрезентации знания, соотнесенная с группой провербиальных единиц. Когнитивная структура представляет «спрессованное» семантическое пространство (когнитивное пространство) с определенными «уплотнениями в виде повторяющихся / частотных когнитем.

21. Основное направление когнитивного анализа провербиального пространства - это реконструкция когнитивной структуры по образующим ее когнитемам в целях характеристики определенного концепта. В когнитивной лингвистике наряду с традиционными методами исследования используются приемы и способы лингвоэтнокультурного, когнитивно-пропозиционного и комплексно-когнитивного анализов.

Глава III

Когнитивный анализ теологических концептов в провербиально-ментальном пространстве и его основные результаты

3.1. Менталитет: Восток и Запад

Термин менталитет понимается лингвистами по-разному. При узком понимании менталитет определяется как устойчивый склад ума (Д. Филд), как мировидение (Ж. Ревель) или как склад мышления, предопределяющий картину мира (Г.Д. Гачев). Иногда под менталитетом понимается совокупность мнений и представлений, свойственных той или иной социальной группе – сословию, классу, этносу, нации и т. д. (Л. Н. Пушкарев). Менталитет может быть определен как мирозерцание в категориях родного языка, соединяющее интеллектуально-психические, культурно-эстетические и морально-волевые качества национального характера в его типичных проявлениях (В.В. Колесов). См. обзор мнений в книге: [56, С. 21-34].

Иногда в понятие менталитет вкладывается широкий смысл. В этом случае менталитет определяют как совокупность представлений, способов поведения, восприятия и реакций (Г.В. Гетц). В содержание понятия менталитет вводятся наряду со складом ума, манерой видения и постижения мира и результаты этого постижения: образы и представления как содержание восприятия мира, поступки и поведение представителей этноса как проявление их деятельности.

При широком понимании менталитет – это система этнических представлений о приоритетах, нормах и моделях поведения в конкретных обстоятельствах, основанная на бессознательных комплексах (этнических константах), которые воспитываются в социальной среде; это система ценностей, которые создают культурную среду обитания (С.В. Лурье). В данном случае речь идет об этнических задатках, которые рефлексивно обрабатываются и принимаются в определенной социальной среде [56, С. 21-35].

Подводя некий итог различным взглядам на понятие менталитета, И.Т. Дубов выводит общее определение, согласно которому менталитет – это интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него [58, С. 20-29]. Весьма сложным является разграничение понятий менталитета, массового сознания и национального характера. В этой связи этот психолог отмечает, что менталитет характеризует специфику сознания и этим отличается от массового сознания, тогда как национальный характер, понимаемый как специфическое сочетание устойчивых личностных черт представителей конкретного этноса, – это лишь часть менталитета.

При широком понимании раскрываются и другие свойства менталитета. По мысли В.Б. Касевича, менталитет – это наивная картина мира, которая стремится к целостности, а не к полноте (как научная картина); она прагматична, эстетически оформлена и действует в модальности желания

(мечта); логика тут на втором плане, поскольку мыслят не понятиями, а *прототипами*; это конкретное недискурсивное мышление посредством умственных образов-символов. В определении А.Л. Вассоевича, менталитет – это «система смысловых, или семантических, полей» [79, С. 75-87]; [32, С. 79].

В данных толкованиях менталитет понимается как психофизическая и социальная энергия, сосредоточенная в совокупном организме этноса. Как пишет В.В. Колесов, «это не выражение сущности менталитета, а только рефлексия по его поводу». Для В.В. Колесова менталитет «не просто социальное, не чисто биологическое, не только психологическое явление, это присущее всем общенациональное проявление неких глубинных представлений о мире, не имеющее, впрочем, каких-либо расовых предрасположений... Менталитет в своих признаках есть наивно-целостная картина мира в его ценностных ориентирах, существующая длительное время независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования [83, С.11].

В некоторых исследованиях термины менталитет и ментальность используются недифференцированно как абсолютные синонимы, взаимозаменяемые даже в рамках одной статьи или книги (Л.В. Данилова, В.П. Данилов, И.В. Кондаков, В.Н. Телия, А.Я. Гуревич и др.), в других работах отдается предпочтение тому или другому, в третьих предпринимаются попытки их разграничить (А.А. Петраков, А.А. Разин и др.), закрепив за ментальностью значение «языковой менталитет». Таким образом, выбор термина менталитет или ментальность целиком определяется вкусами и научным опытом исследователя. Сначала кратко охарактеризуем ментальность народов Востока и Запада в сравнительном плане.

Афоризм «Восток есть Восток, Запад есть Запад, и вместе им не сойтись...» приписывается писателю Р. Кипплингу [59, С.167]. Гегель в свое время писал, что Запад и Восток есть в каждой вещи (Г.А. Бакиева). Это утверждение имеет историко-культурную почву. Цивилизационные параметры Запада и Востока в силу историко-культурных обстоятельств сложились неодинаково. Представители Запада и Востока по-разному относятся к миру и общечеловеческим ценностям. Именно разница и общность двух типов цивилизации послужили основанием и сутью дихотомии «Запад – Восток». Эта тема была предметом размышлений многих мыслителей прошлого (В. Гегель, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Г. Марсель, М.А. Мамонова, С.Ф. Ольденбург, В.Н. Топоров, М.К. Петров, Л.А. Шейман, Г. У. Соронкулов, Т.П. Григорьева, Г.А. Бакиева и др.). Основные постулаты разграничения восточной и западной цивилизаций следующие. Когда мы говорим о Востоке и Западе, подразумеваем присущий каждому из них «некий цельно-единый культурно-исторический,

религиозно-нравственный и психоментальный комплекс» [162, С.3-5]. По выражению Л.А. Шеймана, встреча Востока и Запада – это «встреча разных народов, разных этнокультур и по-разному конфессионально «заряженных» цивилизаций» [182, С.123-137]. Мы ниже отметим некоторые этнокультурные особенности Востока и Запада.

1. Восток и Запад базируются на разных философских парадигмах. В западной философии субъект и объект дифференцированы и рассматриваются раздельно. В восточной философии они неразрывны как две части единого целого. В восточном мышлении нет границы между реальным и ирреальным, между действительностью и мифом, между объективным и субъективным.

2. В западном мышлении доминирует прагматизм, стремление к достижению цели любыми средствами и к активному преобразованию мира. Западу свойствен атомарный, алфавитный, аналитический язык, книжное приобщение миру, антропологическое восприятие мира. Знание в древневосточной культуре воспроизводилось и передавалось в процессе внутрисемейного, цехового и кланового общения. На Востоке велика роль культа предков, авторитета письменных и эпических памятников, синхроничны и сосуществуют знания прошлого, настоящего и будущего.

3. Западный тип познания протекает на базе дискурсивных рассуждений, демократичен и открыт. Восточное мышление направлено на постижение единой сущности мира, понимание предполагает вживание в мир вещей и явлений, в их сущность.

4. Если на Западе цель науки – истина, имеющая практические результаты и не затрагивающая нравственных проблем, то на Востоке цель всякого знания состоит в разработке жизненных и этических ценностей. На Востоке познание и нравственность едины и неразрывны, чем и вызвано отсутствие там технологических революций и деструктивного влияния человека на природу.

5. Восток и Запад имеют различные социокультурные коды. Европейская социальная память проистекает из фундаментальных устоев мироздания, основанных на модели «Я – не-я», на модели субъекта и объекта при доминирующей роли субъекта. Она свободна от профессиональных, семейных, национальных традиций и требует от человека максимальной мобильности и стремления к победе. Мнемонический опыт Востока педантичен, соблюдает и воспроизводит традиции и воплощает в себе фундаментальные принципы мироотношения и мирозидания. Европейский менталитет видит в этом застойность, отсталость, инертность, неспособность возвышаться над миром, преобразуя его. Для Востока человек не есть субъект, а часть бытия, событие мира.

6. На Западе четко разграничивается «прошлое – настоящее - будущее». Для восточной ментальности нет прошлого, настоящего и будущего как отдельно представляемых фрагментов времени, а есть одно во всем, все в одном. Она основывается на единстве вещей, явлений, на постоянстве и устойчивости традиций и обычаев. Поэтому она не признает двойственности,

расщепленности, беспорядочности мира. И восточное обучение и воспитание построены на штудировании культурно-философских догматов.

7. Восток и Запад противопоставлены и по характеру общения. На Востоке передача информации сводится к минимальному сообщению, даже молчание понимается как способ постижения смысла. На Западе коммуникация предполагает подробность, аналитизм, аргументацию, развернутые умозаключения. В восточном миропонимании «каждая точка во Вселенной во временном и семантическом плане является точкой пересечения, точкой соприкосновения всего и вся. Жизнь и смысл везде и всюду полноценны и самодостаточны» [17, С.67]. А западное миропонимание представляет «Я – не-я» раздельно и выступает как свод переживаний, воспоминаний, фактов индивидуальной и коллективной жизни, событий, нанизываемых на временную нить бытия «прошлое – настоящее – будущее».

Кыргызская ментальность не автономно. В своей истории наши предки контактировали с различными этносами. Поэтому его мнемонический опыт вобрал в себе миропонимание, взгляды, культурные традиции, знания и обычаи соседних народов. В его миропонимании важнейшее место занимает историко-культурный код тюрков.

В ментальной картине мире кыргыза есть концепты, понятия, смыслы, сформулированные под влиянием индийской, китайской, монгольской, персидской, арабской и европейской цивилизаций. Архетип социокультурной памяти кыргызов не является моноэтническим. Истоки кыргызского мнемонического опыта восходят к различным пракультурам. Первичными формами социокультурной памяти выступают мифы, сказки, эпические сказания, предания, пословицы, поговорки, загадки и другие жанры фольклора. В архетипе памяти кыргызов важное место занимают культ предков, знание родословного дерева, триединство «добро – мудрость – зло» [17, С.77-79], реликты шаманизма, зороастризма, буддизма (антропоним *Манас* имеет древнеиндийское происхождение и, вероятно, попал к нам через буддизм), гностицизма, христианства и, конечно, ислама. Контакты наших предков с представителями других этносов (ближних и дальних), наций, верований отражены в нашем сознании, памяти, менталитете и языке в виде концептов, понятий, образов, правил, обычаев и традиций, которые сопутствуют нас повсюду, выступая в качестве единиц мышления, рассуждения, речевого общения или в качестве регуляторов нашего поведения и действий.

В менталитете кыргыза значительное место занимает мировоззрение ислама, определяющее наши представления о мироздании и миропорядке, о Творце Вселенной, устанавливающее и воспроизводящее образцы отношения к жизни и смерти, к добру и злу. Например, такие традиции и церемонии, как нике (брак), уч талак (развод), пять парзов (долг) мусульманина, ритуалы намаза (молитва), орозо, церемония прощания с усопшим и поминки и другие являются социально-культурными кодами, обретенными в результате распространения мусульманства. В целом ислам упорядочил жизнь

отдельного человека общины, так и государств, которые существовали в истории тюркских народов, в том числе кыргызов, а также взаимоотношение между людьми, между этносами, призывая верующих к человеколюбию, к справедливости, правдивости, порядочности. Ислам способствовал развитию у народов культуры, ментальности, письменности и языка. Под влиянием ислама в кыргызской лексике появился целый пласт арабских слов, без которых невозможно представлять кыргызский язык и ментальность. Развитие языка привело к развитию менталитета, способов мышления и норм поведения. Изменение языка фактически означает изменение основы, направления и характера мысли. Прав, конечно, французский философ М. Фуко, который писал: «Язык – это не внешнее проявление мысли, но сама мысль» [174, С.66-71]. Иначе говоря, принятие нашими предками ислама способствовало изменению и развитию языка-мышления, их ментальности. Впитавшие в себя семитские концепты, отражающие многовековой культурно-исторический опыт народов Передней Азии, арабские слова привели к обогащению фреймовой структуры знания и опыта кыргызов, к расширению словарного фонда их языка, к углублению, уплотнению и усилению когнитивно-семантического хранилища их сознания.

3.2. Концепт «Кудай» и его реализация в языке

В эпосе «Манас» отражены доисламские религиозные представления народа, домусульманские культы и верования, элементы тотемизма. Культ предков, старых деревьев, пещер, поклонение Солнцу, Луне, огню, воде, ветру, признание духов-хозяев животных (*Камбар-Ата, Чолпон-Ата, Ойсул-Ата, Кайберен* и др.) свидетельствуют о сохранении в ментальном сознании кыргызов элементов дорелигиозных представлений. Есть факты, подтверждающие наличие в нашей ментальности концептов идолопоклонства. Слова *бут* «идол, икона», *кут* «берег, идол», якобы охраняющий скот и человека: фигурка человека из олова или свинца, одетая в синюю и красную тряпку; божок, маленький идол (К.К.Юдахин), фразеологизмы *кут урсун* (проклятие в значении «пусть ударит/убьет кут»; потом редуцируясь, он превратился в сложные слова *кутуруу* «бешенство; заразиться бешенством»; ср. также: *Канча бут кирсе, ошончо кут кирет* «Сколько бут^{ов} зайдет, столько кут^{ов} зайдет». Киргизские *бут* «идол, икона» и *бут* «нога» - омонимы), свидетельствуют о том, что наши предки имели отношение к буддизму или поддерживали тесные контакты с калмыками, монголами и другими традиционными представителями этой религии [116, С. 65-69].

В кыргызской религиозно-языковой картине мира ключевые места занимает концепт *Кудай/Кудаа/Куда*. Это – самое употребительное название бога. По сравнению с ним концепты *Теңир, Аллах/Алла/Алда, Эгем, Жараткан* встречаются значительно реже.

Слова *Кудай* «Бог» имеет фонетические варианты *Кудаа/Куда*. В отдельных фразеологизмах встречаются только эти варианты: *Кудаага шугур* «Слава Богу», *Кудаага күнөкөр* «Грешен Богу», *Куда кааласа* «если Бог

пожелает/поддержит», *Кудай кут кылсын* «Дай Бог счастье/ Да поможет Бог», *Кудайды карап айт* «Говори по совести/стыдись говорить такие вещи (перед Богом)» и т.д. [187, С.436-437].

В сборнике М.Ибрагимова «Кыргыз макал, лакап, учкул сөздөр» [71, С.230-238] наиболее полно представлены кыргызские пословично-поговорочные изречения, отражающие опыт и знание народа о мире. Он включает в себе свыше 15 тысяч паремий в различных вариантах и трансформациях. В нем концепт «Бог» передаются словами *Кудай/Кудаа, Теңир, Алла/Алда, Пир, Жараткан*. Однако частотность употребления этих обозначений различна. В пословицах и поговорках кыргызского народа они представлены с различной степенью частоты. Наибольшей частотой обладает слово *Кудай*, которое встречается 121 раз, далее – слово *Теңир*, представленное в 31 пословице. А слова *Алда* и *Кудаа* встречаются по 8 раз, *Жараткан* и *Пир* – по 4 раза, *Алла* – 1 раз. В сборнике не имеют место слова *Куда, Эге/ Эгем, таала*, являющиеся носителями концептов «Бог», «дух-покровитель». *Куда* – редуцированный вариант *Кудай* и *Кудаа*. *Жараткан* и *Таала* – постоянные эпитеты концепта «Бог» и в самостоятельном употреблении, субстантивируясь, приобретает значение «Бог», Ср. у К.К. Юдахина: *Жараткан* «создатель, творец», *таала* «всевышний, господь», *Эгем* «Бог мой», *ээ* – «дух-покровитель; их сочетания *эгем таала* «мой всевышний, мой господь», *жараткан эгем* «господь мой творец», *алда таала/алдатаала* «всевышний, аллах» и т.д. [187, С. 185, 443, 472]. Подобно русскому *спасибо* из *спаси Бог*, кыргызские имена *Кудайберген, Кудайберди, Эгемберди, Алдаберди* и др. возникли в результате сращения соответствующих предложений, отражающих мировидение родителей детей.

Ключевой концепт кыргызской религиозно-языковой картины мира *Кудай* является заимствованием. Он проник в ментальное сознание и язык кыргыза из иранских языков. Его продуктивность говорит о том, что соответствующее понятие формировалось и функционировало в речемышлении значительно дольше, чем арабский концепт *алда/алла*, и свидетельствует о привычности, традиционности и устойчивости иранского концепта. Вероятно, кыргызы многие века контактировались персоязычными этносами, часть которых, возможно, непосредственно участвовала в этногенезе кыргызов. Это предположение подтверждается также многовариантностью, богатым гнездообразованием и смыслообразованием слова *Кудай* в кыргызском языке.

Иранский концепт *Кудай*, выражаемый еще в вариантах *куда, кудаа/кудая* представлен в самых различных фразеологизмах, пословицах и поговорках, в гнездах словообразования: *Кудаага/Кудая шүгүр* «Слава Богу», *Кудага/Кудайга ишен* «Верь в Бога», *Кудаанын/Кудайдын буйругу* «Божья воля», *Кудай урсун* «Пусть накажет Бог», «Накажи (меня) Бог», «Ей-богу!», *Кудай акы* «Ей-богу», *Кудай үйү Кудайдын үйү* «Мекке», «Мечеть», *Кудая тобо* «прости господи», *Кудаала/Кудайла* «обращаться к Богу, произносить имя Бога», *кудайлап* «говоря о боже!» и т.д. Вероятно, слово *куда* «сват, отец одного из супругов по отношению к родителями другого супруга», *кудагый*

«сватья, мать одного из супругов по отношению к родителями другого супруга», *кудача* «дети, младшие братья и сестры родителей одного из супругов по отношению к родителям другого супруга», *кудалашуу* «свататься, сватанье, сватовство», *куда түшүү* «сватать, сватанье» и т.д. также восходят к иранскому концепту «Бог» и возникли в результате переносного употребления.

3.3. Пратюркское название бога в сравнительном освещении

У древних орхоно-енисейских тюрков было три божества: Тенгри – бог неба, Умай – богиня плодородия и Йер-су – олицетворение культа воды и земли.

Современное кыргызское *теңир*, вероятно, восходит к общетюркскому **Tanri* «бог», «небо», которое допускает сравнение с китайским *Thjen/chitn* «небо», шумерским *dingir* «боги», монгольским и бурятским *тенгери* «небо, бог», калмыцким *тенгер*, японским *ten* в том же значении. К пратюркской основе возводимы слова современных тюркских языков: турецкое *tanrı* «бог», азербайджанское *танры* «бог», тюркменское *таңры* «бог», узбекское *таңри* «бог», новоуйгурское *тэңри* «бог», татарское и башкирское *тэңре тер* «бог», кумыкское *тенгери* «бог», балкарское *тейри* «бог», караимское *таңры /теңри* «бог», казахское и каракалпакское *тэңир* «бог», сарыг-югурское *теңер* «небо», хакасское *тигэр* «небо», шорское *тегри* «небо», горно-алтайское *теңери* «бог, небо»; тувинское *дээр* «небо», тофаларское *дээрэ* «небо», якутское *таңара* «бог», чувашское *тора* «небо». Предполагается, что монгольские названия неба и бога представляют заимствование из тюркских языков [159, С. 562-364].

Каковы происхождение и этимология общетюркского *Тэңри*? По этому поводу существует две точки зрения.

1. Общетюркское название бога и неба заимствовано из китайского языка и восходит к древнекитайскому слову *Thjen/chien*. (М. Рясянен, Г.И. Рамстедт и другие ученые).

2. Оно является собственно тюркским и послужило основой возникновения монгольского названия бога и неба (К.М. Мусаев, Г.Ф. Благова и другие).

В современных тюркских языках и древних памятниках отмечено 8 наименований со значением «небо» в различных фонетических вариантах. Эти звуковые варианты отражают историко-диахроническое развитие формы слова в соответствии с закономерностями, присущими эволюции тюркских языков:

1) *теңир* в восточном ареале – в алтайском, тувинском, хакасском, уйгурском и др.;

2) *көк* в кыпчакско-огузско-карлукском ареале – в башкирском, казахском, каракалпакском, кыргызском, кумыкском, ногайском, татарском, азербайджанском, туркменском, узбекском и др.;

3) *калык* в древнетюркских памятниках;

4) *эврэн* в древнетюркских памятниках;

- 5) *халлаан* в якутском языке (ср. третье название);
 6) *төре* (<тобе) в чувашском;
 7) *асман/аспан* в кыргызском, казахском, каракалпакском, татарском, узбекском, уйгурском языке;
 8) *сэма* в азербайджанском языке (наряду с тюркским *көй*) заимствовано из арабского языка.

Наиболее распространенными наименованиями неба в тюркских языках являются *теңир* и *көк*. *Теңир* «небо» имеет место почти во всех тюркских, а также в алтайских языках. Оно представлено в двух звуковых вариантах. Из *теңир*, вероятно, впоследствии в результате присоединения к нему аффикса принадлежности III лица возникла форма *теңри*. Первый вариант с конечным *р* сохраняется в восточном регионе тюркских языков. В сарыг-югурском, кара-калпакском, кыргызском, кумандинском *теңир*, в казахском *тэңир*, *теңир*, *тэйир*, в хакасском *тигир*, в тувинском *деңгер/дээр*. В современных кыргызском, казахском и каракалпакском языках оно имеет значение «бог», а в других – «небо».

Форма *теңри* встречается почти во всех регионах тюркских языков. В ряде языков параллельно употребляются оба варианта: *теңир* / *теңри*. В некоторых языках, главным образом в огузских, все гласные звуки перешли в заднерядные: *танры*, *таңара*, *тагара* и т.д. Во всех встречающихся вариантах устойчивым является звук *р*:

	е	ё	и
т	э	н	е
	+ а	+ й	+ р + ы
д	и	х	а
	у	0	

В «Древнетюркском словаре» отмечается наличие обоих вариантов *tenri/tanri*, имеющих два основных значения «небо» и «бог» [55, С.154-161]. В якутском, кыргызском, сибирских тюркских языках сохранились оба значения, в других преобладает одно из двух значений [159, С.328]. В якутском языке слова *таңара* полисемантически и выражает значения: «видимое небо», «небо как божество», «добрый дух», «бог», «божество языческое», «главное божество, живущее на седьмом небе», «икона», «образ» и т.д. [127, С. 255]; [13, С.123-124].

Это слово вошло и в языки других семей. Оно встречается в болгарском языке. Вероятно, его внесли представители Великой Болгарии (приволжские турки), участвовавшие в борьбе южных славян против крестоносцев и впоследствии вошедшие в этногенез болгарской нации. Болгарский ученый М. Москов подчеркивает ритуальную значимость неба: *Tenir* – «верх», «круг», «верховный», «бог», «дерево» и т.д. «Слово *Teniri* в тюркском ареале, обозначавшее сперва также дерево, позднее служит основой для изображения элементов креста в древнеболгарской христианской традиции.

И далее, вероятно, происходит трансформация знакового кода «дерево» > «крест» [136, С.77,328-329].

Некоторые историки языка возводят слово *теңир* к пратюркскому глаголу *тең* «возвышаться, подниматься, взлететь» [55, С.551], а *-ир* считают суффиксом со значением «деятель». Сочетание глагольной основы с этим суффиксом образует слово со значением «то, что поднимается, возвышается над человеком». Отсюда происходят значения «небо», «Бог», «Господь». От глагола *тең* – образовано также слова *теңек* «воздух, небосвод». К.М. Мусаев считает это гипотезу недостаточно обоснованной [118, С.329].

В коллективном труде «Азыркы кыргыз адабий тили» [118,С. 928] признается родство кыргызского языка (конечно, через тюркскую общность) с шумерским языком и приводится целый ряд (34) слов с тождественным значением и звуковым обликом [118, С. 9-10]. Тюркоцентризм свойствен и рассуждениям К.М. Мусаева: «В более древней форме *dingir* (<*Tenir*) это слово проникло в древности в шумерский во вторичном значении «бог». Тюркская семантика «небо» более древняя, первичная, чем шумерская. При заимствовании шумерами тюркский носовой согласный *-n-* воспринимался как сочетание двух согласных *-ng-*, что происходит и в современных заимствованиях при произношении соответствующих слов не только нетюрками (собственное имя *Teniz* произносится и пишется многими *Tengiz*, *Tengis* и т.д.), но и тюрками (в узбекском *-n-* превратился в *-ng-*). Контакты предков алтайских народов с шумерами происходили еще в 6-м тысячелетии до н.э.» [44, С.43].

Можно предположить и нетюркское происхождение данного слова, учитывая обширность ареала его распространения. Вероятно, слово *Tenir* является одним из ностратических наименований высших сил, нерасчленно представляющим «бог-небо» в сознании древнего человека. Из этого первичного значения в одних языках сохраняется сема «бог-небо» в других – «небо», в третьих – «бог», в четвертых – «бог, икона, божок...». Такое предположение основывается и на факте приобретения исконно тюркским наименованием неба нового значения «бог». Например, алтайское слово *кък* имеет значение «небо, бог». [118, С.331].

Представление о *Теңри* складывалось на основе анимистических верований о небесном духе-хозяине. При этом небо мыслилось и его непосредственным проявлением, и местом его обитания. Это название верховного божества неба со значением «Всевышний, создатель, хранитель, повелитель» и является, на наш взгляд, общеностратическим словом, имеющим значение «Творец». Как отмечает Р. Безертинов, древние тюрки считали, что Вселенной правят 17 божеств (Тенри, Йер-Суб, Умай, Эрлик, Земля, Вода, Огонь, Солнце, Луна, Звезды, Воздух, Облака, Ветер, Смерч, Гром-Молния, Дождь, Радуга), а монголы предполагали, что нашей Вселенной правят 99 божеств-тенгри.

Регион преимущественного использования слова *Тенри* охватывает народы, которые в меньшей степени были подвержены исламизации:

казахское *тәңир*, башкирское *тәңре*, каракалпакское *таңир*, кыргызское *теңир*. В кыргызском *теңир* имеет два значения: «Бог» и «небо». Это отмечается в толковом словаре кыргызского языка. Даже значение «небо» заключено в таком контексте, где оно не отрывается и не отделяется от значения «Бог»: *Теңирим бир жааса, терегим эки жаайт* «Если мое небо/Бог один раз посылает дождь/снег/град, то мой тополь - дважды»; *Көбүрөөк калган экенбиз көк теңирдин каарына* («Манас») «Мы вызвали больше гнева у небесного Бога» [112, С. 210]. В последнем примере *көк теңирдин каары* «гнев (синего) неба/Бога» это смысловое «двуличие» выступает очень явно.

В книге «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка» [159, С. 908] читаем следующее: «У киргизов наиболее древним из представлений, связанных с культом природы, можно считать представление о Небе-Теёир как о высшем божестве. Во всех трудных случаях киргиз обращался к небу со словами: *Теңир колдой көр!* «Небо, помоги», *Теңир жалгай көр!* «Окажи благодеяния, небо!». При благословении молодых, а также для выражения благодарности кому-либо говорим: *Теңир жалгасын!* «Да благословит тебя небо!». Наряду с этим, с небом киргизы связывали и самые страшное проклятие: *Теңир урсун!* «Да накажет тебя небо!». Всевышнему *Теңри* поклонялись, поднимая руки вверх, и клали земные поклоны, чтобы *Теңри* дал разум и здоровье, помогал в справедливом деле; другого не просили. И *Теңри* оказывал помощь тем, кто его почитал и сам был активным.

Наряду с обожествлением неба у киргизов бытовало поклонение «реальному» небу как части природы. Поэтому нередко употребляют выражение: *Көк асман колдо!* «Голубое небо, помоги!». В кыргызских эпических произведениях, в частности в эпосе «Манас», часто встречается проклятие: *Төбөсү ачык көк урсун! Төшү түкүү\ жер урсун!* «Да покарает (меня) небо с открытым верхом! Да покарает (меня) земля грудью, покрытой растительностью!» [159, С. 565].

Слово *Теңри* как название бога у древних тюрков встречается в башкирских эпических памятниках «Урал-Батыр» и «Акбузат» и отражает древнейший культ неба-бога. В «Урал-Батыре» *Теңри* – это название верховного божества. Поклонение персонифицированному божеству *Теңрихану* наблюдалась у западных тюрков – сабиров (VII в.). *Теңрихан* представлялся огромных размеров, что отражало космические масштабы небесного бога, тождественного самому небу, а титул хан указывал на главенствующее положение о Вселенной и пантеоне богов.

Наименование Хан-Теңгри встречается в монгольских шаманских текстах. Титул хан обычен для поздних ипостасей Вечного неба. Хотя в позднейших преданиях название *Теңгри* иногда прилагается к верховному небесному божеству, чаще она обозначает бога вообще (так же в буддийских, манихейских и мусульманских текстах). Место верховного бога в шаманской мифологии у тюрков и особенно у монголов обычно занимают другие

персонажи, а термин *Тенгри* закрепляется за классом небесных богов [112, С.56-59].

В турецком языке слово *tenri* «бог, господь, создатель, творец» синонимично с более употребительным *Allah* и встречается в дискурсе свободно, особенно в составе устойчивых словосочетаний: *tenri göctermesin* «не приведи господи», *tenri musafiri* «случайный (незванный) гость, божий путник», *tanrının günü* «каждый (божий) день». В этом языке есть также слово *tanrica* «богиня». Употребляется оно и в составе пожелания, обращенного к маленьким (обычно к новорожденным) детям: *tanrı analı babalı büyütsün* «Пусть господь не лишит (тебя) матери и отца», хотя в разговорной речи все эти словосочетания употребляются со словом *Allah*[159, С. 566].

3.4. О нетюркских названиях бога

Позже наряду со лвом *Тенри* тюрки стали использовать заимствованные слова *Кудай/Кудаа/Куда*, *Аллах/Алла/Алда*, *Бурган*.

Слово *Кудай* – иранское заимствование. Оно распространено главным образом в Средней Азии, на Кавказе, где тюрки на протяжении многих веков тесно контактировали с персами, таджиками и другими иранскими этносами, и в Сибири. Оно встречается в узбекском, туркменском, кыргызском, уйгурском, каракалпакском, кумыкском, татарском, казахском, хакасском, алтайском и других языках.

Коннотация слова *Кудай* многообразна и может быть положительной, нейтральной и отрицательной. Ср., например: в кыргызском *Кудайыңа ишенсең, жөө каласың* «Если надеешься на бога, останешься пешим», в казахском *Кудайыңдан ойбайым жаксы* «Лучше мне кричать «Ойбай» (выражение, употребляемое при сильных болях), чем «Кудай». При употреблении имени *Тенри* такое непочтение не допускается. Сравнивая коннотацию слов *Тенри*, *Кудай*, *Аллах* и частотность их употребления в языках данного региона, К.М. Мусаев предполагает, что, возможно, до ислама в этом регионе господствовало персидское божество [119, С.157-182].

В иранских языках наибольшее распространение имел архетип слова, варьируемого на кыргызской почве в виде *Кудай/Кудаа/Куда*. Ср.: согдийское *hudāw* «Господь, царь» (по отношению к манихейскому божеству), среднеперсидское *xwadāy* «Господь, господин», новоперсидское *xudāy* «Бог». Для тюркских языков в качестве источника послужил новоперсидский вариант, поскольку тюркские названия семантически и фонетически сходны с ним. В сибирских тюркских языках зафиксированы теонимы, легко возводимые к иранскому слову. Ср., например, в горноалтайском *кудай* «божество, духи Верхнего мира», хакасское *худай* «божество», якутское *кудай* (слово с неясным значением, но по примерам употребления можно предположить его теологическое назначение).

После исламизации значительной части Азии, Поволжья и Кавказа наряду со словом *Тенри* начинает использоваться арабизм *Аллах*, реализуемый в различных звуковых семантических вариантах:

Аллах/Алла/Алда/алда/Илах/ылайым/илэйим и т.д. *Аллах* – высшее мусульманское божество у народов, исповедующих ислам. Как справедливо отмечает К.М. Мусаев, «у большинства *Алла(х)* ассоциируется только с мусульманским богом *Аллахом* и неприменимо к другим божествам. Нельзя сказать *инділердің алласы*, но можно *инділердің кудайы* «бог индийцев» [119, С.177]. Регион распространения *Алла(х)* – Средняя Азия, Северный Кавказ, Закавказье, Крым, Приднестровье, побережье Дуная, Поволжье. В этих регионах тюрки сильно подвержены влиянию ислама. В кумыкском языке *Худай* считается архаизмом, а *Тенгри* редко употребляется. В турецком, азербайджанском, гагаузском, ногайском, татарском чаще употребляется слово *Алла(х)*, имея широкую сферу применения в свободных и устойчивых словосочетаниях, междометно-этикетных образованиях, пословицах и поговорках, в приметах. А *Тенри* и *Кудай* значительно уступают арабскому названию Бога в употребительности [159, С.568].

В некоторых тюркских языках встречается наименование буддийского божества. Оно варьируется в виде *Бурган*, *Бурхан*, *бут* и т.д. и возводится к китайскому слову (древнекитайской *вэт*, среднекитайское *vüt/vür/vur*, современное китайское *fo*). Вероятно, корень *бур* восходит к диалектному *vir* плюс китайское *хан* «хан, царь», в результате чего образовалось сложное слово *бурган/бурхан*. Слово *бурхан* соответствует древнеиндийскому *Buddharājā* «царь Будда». *Бурган* встречается в древнеуйгурских, буддийских и манихейских текстах и в современном тувинском языке в значении «бог, божество, бурхан, идол, икона». Оно имеет место и в других тюркских языках: в тофаларском *бурхан* «бог», в древнетюркском *virgan*, *virhan* «будда; посланник, вестник, пророк, бурхан», в кыргызском *буркан* (в эпосе, когда речь идет о калмыках и китайцах) «бурхан, идол», в сарыг-югурском *пурхан* «изображение будды». Соответствия имеются в монгольских языках: в письменномонгольском *virgan*, в монгольском *бурхан* «бог, божество; изображение божества; Будда» [157, С. 295]. В монгольских языках слово *бурхан* является заимствованием из древнеуйгурской буддийской терминологии. Однако, как верно замечает Б.И. Татаринцев, в современных тюркских языках *бурхан* может быть вторичным заимствованием из монгольских языков.

В некоторых тюркских языках встречается производное наименование бога, возникшее на базе глагольной основы *йара/жара*+ каузативный аффикс *-т*, т.е. *йарат/жарат* «создать/создавать». Ср. древнетюркское *jaratgan*, узбекское *jaratgan*, киргизское *жараткан*, казахское *жараткан* «Бог, Творец, Создатель».

Приведенной выше лингвистический материал свидетельствует о многоплановом характере концепта «Бог» и о том, что религиозно-языковая картина этноса складывается из элементов, имеющих различное происхождение. Этноментальное содержание концепта «Бог» складывается из когнитивных единиц, возникших в сознании носителей различных культур.

3.5. Концепт «Кудай – Бог» в провербиально-религиозной картине мира

Цель настоящего параграфа – раскрыть ментально-языковое содержание понятия «Бог» в провербиально-религиозном сознании носителя кыргызского языка. В ней на материале провербиальных единиц языка мы попытаемся охарактеризовать обобщенные смыслы, реализуемые в звуковых и словесных вариантах *Куда/ Куда/ Куда/ Теңир/ Аллах/ Алда/ Алла*. «Пункты» ментального сознания, обобщенные в когнитивном представлении кыргызов о Боге, можно назвать когнитемами.

Когнитема – это разновидность концепта, обобщенно отражающая представления, знания людей о предметах и явлениях окружающего мира. В статье будут выделены и описаны только наиболее продуктивные провербиальные когнитемы концепта «Бог». Провербиальным пространством мы называем функционально-семантическое и когнитивно-ментальное поле языка, покрываемое сетью паремийно-фразеологических единиц языка.

Когнитема «Бог один, един» представлен в афоризмах и пословицах: *Айткын: Аллах жалгыз* «Скажи: Бог один» [74, С. 320-322]. Здесь сохранена орфография, принятая в переводе. В другом переводе: *Айткын: Ал – Алла бир* (тактап айтканда, Анын эч кандай шериги жок. Ал жеке жалгыз) «Скажи: Он Бог один (точнее говоря, у него нет никакого дублера, близнеца. Он один единственный)». Такой перевод читаем в книге: [5, С.535]. Ср. кыргызскую пословицу *Кудай бирөө, кезек экөө* «Один бог – две возможности (очереди)». Последнее употребляется, когда подчеркивается единственность создателя, который позволяет людям искать и находить пути решения повседневных проблем. В кыргызских афоризмах арабское название бога имеет двойное фонетическое оформление: *Алла* и *Аллах*.

Концепт «Бог - повелитель» содержится в многочисленных фразеологизмах, афоризмах и других паремийных изречениях. В кыргызской речи продуктивно употребляется фразеологическое сочетание *Куда кааласа* «если Бог пожелает, если Бог позволит». Фонетический вариант *куда* встречается только в этом фразеологизме, который преимущественно употреблялся в речи кыргызов-южан, а в настоящее время активно проникает в речь всей интеллигенции. По сравнению с этим фразеологизмом в речи чаще встречается слово *буюрса* «если позволит, прикажет». В его семантике идея Бога представлено имплицитно, неявно. Идея Бога в ней подразумевается, словесно не выражается. Нередко слово приобретает значение «вероятно, по всей вероятности, возможно». Это слово встречается и в пословицах: *Буюрса Букардан аш келет* «Если позволит (Бог), пища придет из Бухары». Слово *Букар* «Бухара» не в значении названия конкретного города, а в значении «издалека». Данное название подобрано для созвучия первых двух слов, повторяющееся начальное *бу* усиливает благозвучие фразы.

Названная когнитема реализована и в пословице *Кудайдын буйругусуз кумурсканын да бели сынбайт* «Без веления Бога даже у муравья спина не ломается». Общее проявляется в частном. *Муравей* – частица мира. Даже его

жизнь, существование зависит от Создателя, не говоря уже как о бытии в целом, так и о его фрагментах.

Концепт «Бог - создатель» также приобретает обобщенный смысл и нередко выступает в роли когнитемы как абстрактной смысловой формулы.

Очень часто данный концепт используется в скрытой форме. Название Бога нередко отсутствует в составе языковой единицы, а подразумевается. В пожеланиях типа *Узу-у-ун өмүр берсин!* «Пусть даст (Бог) тебе до-ол-гую жизнь!», *Жусунтай сулуулук берсин, Манастай улууулук берсин!* «Пусть даст (Бог) тебе красоту, как у (пророка) Иосифа, пусть даст тебе величие, как у Манаса!». В этих речевых формулах концепт «Бог» представлен не словесно, не имеет языковое выражение, но подразумевается как созидательная сила. У Токтогула есть строфа:

*Жаш карыбас болсочу,
Жакшы өлбөс болсочу.
Жаратканы чын болсо,
Жай-жайына койсочу,*

что содержит смысл «Если бы молодые не старели, если бы хорошие (люди) не умирали, если действительно **его создание**, то оставило бы (все) на своих местах». Мы здесь не разбираем перевод, смысл и художественное своеобразие стихотворения. Нам важно слово *жараткан-ы* «его создание: то, что (он) создал». *Жараткан* в данном контексте выступает как субстантивированное причастие. Оно имеет и значение «Бог»: *Жаратканга ыраазымын* «Я благодарен Богу». А в стихотворении концепт «Бог» представлен имплицитно и содержится не в основе *жараткан*, а в аффиксе принадлежности III лица: *-ы* имеет значение «Его», т.е. Бога.

Концепт «Бог - создатель» в той или иной форме выражается в пословицах:

1. *Буюмду адам жаратат, адамды кудай жаратат* «Вещи создает человек, человека создает Бог». Если вещь является продуктом человеческого труда, то человек – произведение божьей созидательной силы.

2. *Кудай кылайын десе куду баш кылат, ак падышаны кара кылат* «Бог, если пожелает, сделает раба главой, белый царь – виновным (букв. «черным»)». В паремии отмечается регулирующая воля Бога, он может сделать слабого сильным, подчиненного главным. И в то же время в ней неявно содержится мысль о том, что Бог может творить и негативные дела как бы руками земных властителей.

3. *Мал – байдыкы, жан – кудайдыкы* «Скот принадлежит богатому, душа - Богу». Бог дает жизнь человеку и отнимает ее по своему усмотрению, а богатый человек распоряжается своим добром сообразно своей потребности. В пословице проводится аналогия: творец (хозяин) сам распоряжается продуктом своего труда, творчества. Пословица используется в самых различных ситуациях, а слова *бай*, *Кудай* приобретает многообразные концепты «владелец, хозяин, автор, руководитель, начальник...» в соответствии с замыслом говорящего, с контекстом общения.

Когнитема «Бог – создатель, творец» выражается и в пословице *Өлбөстү кудай жасабайт, сынбасты уста жасабайт* «Бог не создает бессмертного, мастер не создает неломающегося (вечного)». В пословице говорится о невечности живого и предметного мира. В мире все меняется, находится в вечном движении и изменении, переходит из одного состояния в другое. Эти изменения происходят по воле творца. Мастер (т.е. плотник, токарь...) – маленький создатель, продукт его труда тоже не вечен и подчиняется воле Бога. В разных ситуациях общения семантика пословицы варьируется и приобретает различные смысловые оттенки. Двойное отрицание, содержащееся в структуре объекта и предиката, выражает утвердительное суждение. Иначе говоря, *жасабайт* «не создает, не делает» в контексте паремии имеет значение «создает, делает, творит».

Когнитема «Бог – заступник, спаситель» широко встречается в кыргызском провербиальном пространстве. В нашем пословичном фонде есть варьируемое выражение: *Сактанганды кудай сактайт. – Сактанганды сактайт*. В первом варианте есть название Бога, во втором он отсутствует и представлен скрыто. В силу широкой известности первого варианта реципиент во втором легко восполняет отсутствующий компонент фразы. Вероятно, данная пословица – калька с русской паремии *Береженого бог бережет*.

В следующей пословице спасительная сила Бога не так категорично выражена, а с некоторым сомнением: *Коогадан теңир сактаар* «От ссоры Бог, может быть, спасет». Для выражения модального значения возможности и вероятности использован варьируемый аффикс *-аар/-ар*. Значение реальности и уверенности содержится в пословице *Колдошконду кудайым колдойт* «Взаимно поддерживающих Бог поддержит», где аффикс взаимного залога *-и* в словоформе *колдошконду* соответствует значению «взаимно, друг друга».

Концепт «Бог - спаситель» явно выражен в пословице *Кудай сактаган токуну бөрү жебейт* «Волк не съест ярку, оберегаемую Богом», менее явно в пословице *Жалгыздын жары – Кудай* «Спутник одинокого - Бог». Первые два слова поддерживают друг друга общностью начального звукосочетания *жа*, повторения которого обеспечивает благозвучие паремии. Слово *жар* содержит в своей семантике смыслы «возлюбленный/возлюбленная, друг/подруга, спутник/спутница, приятель/приятельница, помощник/помощница, заступник/заступница...», поэтому данное речевое произведение имеет широкую сферу применения.

К этой когнитеме примыкает когнитема «Бог милосерден» («Кудай мээримдүү»). «Курани карим» китебинде «Фаатиха» сүрөөсү ушул сыпаттоо менен башталат: *Мээримдүү жана ырайымдуу Алланын ысмы менен* «С именем милосердного и добросердечного Бога» [5,С.7]. Данное определение Бога представлено в целом ряде киргизских паремий. *Кудай деген кур калбайт* «Кто говорит: «Кудай», тот всегда что-то имеет не окажется без ничего». Здесь содержится наставление: кто поклоняется Богу, признает его

добросердечность, совершает добрые поступки, он всегда обеспечен материально и имеет авторитет. Но Бог не всегда дает советы людям и поддерживает их: *Алладан акыл күтпө* «Не жди наставления от Бога».

Когнитивная тема «Бог справедлив» составляет ментальное содержание целого ряда афоризмов, пословично-поговорочных изречений. Кыргызцы говорят *Тең жегенди Теңирим сүйөт* «Бог любит того, кто ест, поровну делясь». В пословице прямо не говорится о справедливости Творца, а косвенно. В ней имплицитно содержится мысль о том, что справедливость высоко оценивается им. Справедливость создателя представлена в пословице опосредованно.

Это свойство Бога выражено и в пословице *Көзү жоктун Теңири бар* «У отсутствующего (букв.: У того, у кого нет глаз) есть Бог». В ней заложена идея о божьей справедливости и всеобщности, предполагается, что Бог всё и всех видит, ко всем одинаково относится. Игнорировать это нельзя. О человеке, умершем или отсутствующем в момент речи или во время распределения чего-либо, заботится создатель, поэтому говорить о нем нужно правду, обделывать его и не учитывать его интересы не следует.

К данному концепту примыкает смысл пословицы *Тон акысы – кудай акысы* «Плата за (овчинный) тулуп – плата за Бога», где в прямом значении подчеркивается справедливость платить за ношение или получение тулупа со ссылкой на создателя. «Тулуп» в различных ситуациях может употребляться в значениях «платье», «обувь», «автомобиль» и т.д. или заменяться словами *ат* «лошадь», *жол (акысы)* «плата за проезд» (букв. «дорога», «путь»), *суу (акысы)* «плата за воду» и т.д. В паремии *Кууган да кудай дейт, качкан да кудай дейт* «И преследователь говорит: «Бог», и бегущий говорит: «Бог» так же выражается дуализм и двойственность идеи Бога в сознании кыргыза.

В следующей пословице тот же концепт представлен дуалистически, допуская двоякое толкование и включая в себя и антонимический смысл: *Алганын бербегенди Кудайдын каары дейт* «Невозвращение долга называют гневом (яростью, проклятием, наказанием...) Бога» или «Того, кто не возвращает долг/взятое в долг, называют проклятым, негодяем». Иначе говоря, тот, который взял что-то в долг и не возвращает, совершает свой поступок по одобрению или велению Создателя, в этом случае тот, который одолжил нечто у кого-то, считается достойным наказания. В другом случае пословица употребляется и в том случае, когда осуждается невозврат взятого в долг и тот, который не возвращает долг, осуждается и называется недостойным, негодяем. В обоих случаях скрыто присутствует концепт «Бог справедлив».

Когнитивная тема «Бог щедр» также имеет место в кыргызском провербиальном пространстве. Среда ее распространения значительно уже. В дискурсе широко представлены утверждения типа *Кудай берет* «Бог даст», (*Баарын Кудай берет* «Все даст Бог», *Ага Кудай берет* «Бог даст ему (такой он благородный, добрый)») и т. д.), *Кудай сага узун өмүр берсин* «Пусть Бог даст тебе долгую жизнь» и т. п. В пословице *Бербеген кудайга чоң дооң барбы?* «Богу, не давшему тебе, есть у тебя претензия?» концепт щедрости

выражен имплицитно: Бог дает, но дает не всем, внимания и расположения Создателя надо заслужить. В ней подчеркивается недостойность адресата для божьей щедрости.

Более явно «щедрость Бога» подчеркивается в пословице *Кудай берейин десе, казынасы кенен* «Если Бог решит дать, то казна у него широка/богата». Для этого адресат должен быть достойным.

В ряде пословично-поговорных изречений содержится когнитивная тема «Не во всем надо надеяться на Бога». Данный концепт продуктивен, о чем свидетельствует наличие целого ряда примеров, характеризующих концепт с разных точек зрения. В пословице *Жалаң кудайга ишенген жөө калат* «Тот, который надеется только на бога, остается пешим». *Жөө калуу* «оставаться пешим» в контексте пословицы приобретает значения «лишаться транспорта», «лишаться богатства/средств», «медленно добиваться цели» и т.д. В паремии содержится призыв к активной жизнедеятельности (к труду, профессиональному росту, к карьере и т.д.).

В некоторых пословицах названная когнитивная тема варьируется, приобретая более резкие оттенки. Например, в паремии *Кудайга ишенген курсагы тойбойт* «Тот, кто верит в бога, не насытится» (буквально «его желудок не насытится») осуждается лень, тунеядство верующего. И в то же время в ней скрыто представлен смысл «Бог осуждает лень», хотя явно выступает атеистический концепт «Не верь в бога, его нет». Вероятно, пословица возникла и укоренилась в период господства коммунистической идеологии, считавшей религию «опиумом» для народа, но пользовалась отдельными людьми с учетом подтекстного, скрытого смысла.

Другая паремия имеет еще более строгий смысл: *Кудайга ишенген кур калат* «Тот, кто верит в бога, останется без ничего/ничего не получит/лишится всего» или «Верующий в бога ничего не получит...». Бог – создатель, он не кормит, не одевает человека, материально его не обеспечивает и не наделяет его достатком, богатством. Человек сам должен стремиться к благополучию, к самообеспечению и достатку. В этой пословице тоже содержится призыв к труду, к активным действиям для достижения блага и цели. Конечно, атеизм понимает смысл пословицы уже и одностороннее.

Слово *көк* в пословице *Көккө караба, көпкө кара* «Не смотри не небо/Бога, а смотри на большинство» имеет двойственную семантику. В нем заложены значения «небо» и «Бог». Можно говорить об омонимии, возникшей на основе полисемии и имеющей разные денотаты. Пословица – императив, содержащий призыв считаться с мнением народа, мудрых и опытных людей, действовать согласно обычаям, традициям, общепринятым правилам. Такой поступок всегда одобряется и поддерживается не только людьми, но и самим Творцом. Смысл «Бог дважды наказывает» характерен пословице *Кудай урганды Кудайберди коштон уруптур* «Того, кого наказывает Бог, Кудайберди (буквально «Бог дал» - антропоним), дескать, вместе побил». Паремия допускает соответствие внутренней формы имени

его этимологическому содержанию. Недостойного, (ничтожного, нечестного...) человека наказывают и бог, и богоугодные люди.

Есть паремии, в которых передается когнитивная тема «Бог не ошибается». Например, в пословице *Жаңылбас – бир гана Кудай, жазбас – кара жер* «Не ошибается только Бог, не спотыкается только (черная) земля» выражается мысль о недопустимости Создателем никакой ошибки. Следующая пословица является трансформой предыдущей: *Жерде жара жок, Кудайда ката жок* «На земле нет притеснения, у бога нет ошибки»

Неоднозначен смысл пословицы *Алдаганга кудай жакшы* «Для обмана Бог хорош/удобен». Слово *алдаганга* содержит в себе двойственное содержание, Бог может выступать как в качестве субъекта («обманщика»), так и в качестве объекта («обманутого»): 1) «Бог удобен для обмана другими»: 2) «Богу удобно обманывать других». Иначе говоря, одна и та же пословица может иметь богоудобное и богохульное значение и использоваться в различных ситуациях, подводимых под две противоположные типы. В данном случае мы имеем дело с фразовой энантиосемией, когда одно утверждение может употребляться в противоположных значениях.

В кыргызском проverbsиальном пространстве значительное место занимают пословично-поговорочные изречения, выражающие антонимические когнитивные темы «Бог дает» и «Бог забирает». Их мы взяли потому, что они нередко встречаются в пределах одной фразы. Например, *Берген да кудай, алган да кудай* «Бог и дает, и забирает». Аналогично содержание пословицы *Кудай берген бактыны кудай кыркты* «Счастье, которое было дано Богом, Бог же срезал». В паремиях содержится мысль о текучести и переменчивости счастья–несчастья, приобретения–потери, добра-зла и т.д.

Встречаются народные изречения, постулирующие щедрость создателя, алчность священнослужителей. Например: *Кудай бергенди молдо бербесин* «Пусть не дает мулла то, что дает Бог». Мулла не всегда исполняет волю Всевышнего. В пословице *Кудай берейин десе эки кулагын тең кесип берет* «Если Бог захочет дать, даст, отрезав оба уха». Здесь выражается мысль о том, что божий дар не всегда соответствует желанию человека, что Бог удовлетворяет человеческую потребность не в полном объеме и в чем-то ограничивает. В ней скрыта и ирония: человек часто не довольствуется тем, что имеет, и желает иметь больше того, что есть и приобретено им. Ирония и осуждение за недовольство еще сильнее звучат в паремии *Бербеген Кудайга чоң дооң барбы?* «Разве есть у тебя большая претензия на недающего Бога». Концептуальную основу паремии составляет идея о том, что Создатель сам распоряжается, кому что дать, а человек не может требовать больше того, что дано.

Когнитивная тема «Бог не поддерживает, не помогает» содержится в целом ряде паремий, в некоторых из них – эксплицитно, в других – имплицитно и иносказательно. В пословице *Жетим – Кудайга өгөй* «Сирота - Богу неродной» передается идея о том, что судьба человека определяется

создателем, который неодинаково относится к людям, что одних детей поддерживает, а других оставляет без родителей, опеки и присмотра.

В выражения *Жардымын десең, аласаң койбойт, жалгызмын десең, кудайың койбойт* «Если скажешь: «Я бедняк», не оставит твой долг (кредит), если скажешь «Я одинок», не оставит твой Бог» содержится как бы негативное мнение о Боге, но доминантой в нем является идея о его справедливости, о том, что долг должен быть возвращен, а одиночество (отсутствие сородичей, товарищей, спутников) не повод для ослабления и бездействия. Бедные и одинокие люди должны действовать активно, чтобы создавать себе условия для достойной жизни. Бог не щадит ленивых, пассивных своих «рабов». Иначе говоря, под явным негативным суждением скрывается позитив.

Иногда в пословицах Бог выступает как сдерживающий фактор. Люди не насыщаются жизнью, богатством. А он дает столько, сколько положено. В паремии *Жүз, жүзгө жеткенде кудайдан күдөрүңдү үз* «Сто лет, достиг ты столетия, (теперь) не надейся на Бога» высказано мысль о том, что человек может довольствоваться столетним возрастом, что его достигают не все. В паремии *Мен кыламын отуз, Кудайым кылат тогуз* «Я делаю тридцать, Бог - девять» числительные приводятся для рифмы и благозвучия (*отуз* «тридцать, много» - *тогуз* «девять, мало») и имеет обобщительное содержание. В ней подчеркивается стремление человека к обогащению, к достижению большего материального достатка, что не всегда получается и считается результатом воли Творца.

Народные изречения осуждают реальное действия служителей религии, не соответствующие назначению богослужения. В пословице *Кудайчынын куржуну толбойт* «У того, кто бесконечно говорит «Бог», не наполнится мешок/переметная сумка/саква» отмечается алчность, скажем, муллы и несоответствие его желаний и устремлений предполагаемым обязанностям. Такие люди поступают наперекор воле Бога, который как бы не одобряет их действия и не удовлетворяет их все растущую потребность в материальном благополучии.

Жадность священнослужителей ислама подчеркивается и в пословице *Кудай бербегенди молдо бербейт* «Мулла не даст того, что не даст Бог». В ней несколько концептов: 1. Мулла жаден, ничего не дает. 2. Он дает (вынужден давать) то, что предопределено Богом. 3. Бог дает тому, кто заслуживает получения. 4. Бог дает не через муллу. Эти микроконцепты, синтезированно представленные в содержании изречения, составляют его общий смысл. Смысловое содержание паремии *Кудай бербесе пайгамбарың да кылбастыр* «Если Бог не даст, то и твой пророк, вероятно, не сделает» близко к значению предыдущей пословицы. В ней только слова *молдо* «мулла» заменено словом *пайгамбар* «пророк» и имеется модальное значение условности и вероятности.

В пословице *Кудай берген кишиге кудай урган киши асылат* «К человеку, которому Бог дает, придирается человек, которого Бог наказывает» контрастируется два человека. Один из них пользуется расположением Бога,

а другой заслуживает его наказания. Поддерживая одного и наказывая другого, Бог как бы стоит на стороне, не вмешивается в их распрю, ссору. В народном представлении создатель придерживается нейтральной позиции, ибо и первый, и второй являются продуктами созидания Бога.

В кыргызском речевом этикете часто встречается выражение *Кудай жалгасын!* «Да поможет/благословит Бог!», используемое обычно пожилыми людьми в случаях помощи или соблюдения ритуалов со стороны молодых людей (если молодой человек поправит галоши и при надевании, подаст воду для умывания или поможет умыться, если невестка поклонится при встрече со свекровью и т.д.). Такое же назначение имеет *Теңир жалгасын!* «Да поможет/благословит Бог!». В следующей пословице это пожелание называется лучшим речевым произведением и сравнивается с пожеланием дехканину выращивать пшеницу: *Кептин жакшысы «Кудай жалгасын», дыйкандын жакшысы буудай айдасын* «Лучшее из речений – «Пусть поможет Бог!», пусть лучший из дехкан посеет пшеницу». Пожелание-императив *Кудай жалгасын!* входит в первую часть пословицы в качестве предиката суждения и сказуемого предложения. Вторую часть параллельного изречения составляет императивное образование. Иначе говоря, во второй части императив занимает предложение в целом. В данном случае мы можем говорить о разнохарактерности, функционально-семантической и конструктивной разнородности предложений, составляющих части парных изречений.

Иногда в ментальной семантике пословицы выражается сомнение в реальности Создателя или же недовольство его «несправедливостью». Говорящее лицо как бы переносит себя на позицию возмущающегося или же выражает свое возмущение и недовольство по поводу своих неурядиц, причиной которых якобы является невнимание Творца. Такое содержание имеет пословица *Кудайдын «ме» деген сөзү угулбайт, берген колу корунбойт* «Не слышно божье слово «на, держи», не видна дающая его рука». Данная пословица в разных ситуациях общения приобретает различные смысловые оттенки и вариации, однако во всех своих реализациях она сохраняет общее содержание.

В ряде паремийных изречений заключается концепт «Не все люди поклоняются Богу». Например, в пословице *Билбес кудайды билбейт* «Незнающий не знает Бога» имплицитно высказывается мысль о том, что люди, знающие и познающие мир, понимают, знают и признают Создателя, поклоняются ему, живут согласно с божьим законом, открыто утверждает, что люди, сообразительные, необразованные и не размышляющие над смыслом жизни, не признают Бога, совершают необдуманные поступки и аморальные действия, не соответствующие общечеловеческим, религиозным, национально-этническим и другим нормам и правилам нравственности.

И данный пример свидетельствует о том, что эффективность пословичного смысла заключена в обобщительности содержания и в

единстве эксплицитного и имплицитного концептов в их когнитивно-ментальной структуре.

В языке параллельно встречаются паремии *Коркпогондон корк* «Бойся бесстрашного/небоящегося» и *Кудайдан коркпогондон корк* «Бойся того, кто не боится Бога». В первой пословице объект боязни, страха обобщительный: им божеет быть любой смельчак, любой бесстрашный человек, нахал или наглец. В ней нет указания на Бога, но он подразумевается наряду с другими субъектами, вызывающими страх, уважение или почитание. Во втором случае такой субъект выражен явно – Бог. Есть люди, которые бога не боятся, и их нужно предостерегаться. Однако данная пословица иногда может употребляться и в тех ситуациях, когда концепт *Кудай*, удаляясь от первичного и основного значения, приобретает оттенки смыслов «власть», «могущество», «честь», «совесть», «стыд» и т. д.

В выражении *Кудайдын бергенин билбейт, урганын билет* «Не знает, что дает Бог, знает, как он наказывает» характеризуются люди, которые свое благополучие и успехи не связывают с Богом, а в своих неудачах и лишениях обвиняют его. Человек – субъект своих действий и поступков. Удача/неудача сопутствует его всю жизнь. Он создает свою судьбу сам. Бог объективен и одинаково относится к людям. Человек всегда должен помнить божью справедливость и балансирующе испытывать и оценивать свое благополучие/неблагополучие. Таково концептуальное содержание паремии. Человек-субъект не выражен словесно, на него указывает глагольный оффикс III лица –*т*. В трехчленном сочетании *Кудайдын бергенин..., урганын* субъект *Кудай*: исходные фразы *Кудай берген* «Бог дал», *Кудай урган* «Бог ударил/наказал», имея предикативное содержание «субъект+глагол в прошедшем времени», преобразуются в объектный комплекс, где субъект ставится в родительном падеже и предикат, субстантивируясь, – в винительном падеже. Этот комплекс передается на русском языке формами изъяснительных (дополнительных) придаточных предложений. Данный факт свидетельствует о том, что простое суждение в одном языке может передаваться на другой с помощью сложного суждения.

Следующая паремия по своему содержанию близка к охарактеризованной: *Кудайдын кээ бир күндөрүнөн кагылып кетейин, кээ бир күндөрүнө көтүнөн тебейин* «У бога некоторые дни милые, некоторые неприятные» (Букв: «Пусть бы чтобы я служил искупительной жертвой за некоторые божьи дни, пусть бы чтобы я пинал по заду некоторых (божьих) дней»). Естественно, она не употребляется при спокойной обстановке и интеллигентными людьми. Это народное изречение известно многим. Для его использования необходимы особые условия. Только при крайнем возмущении из-за накладываемых друг на друга неурядиц и в состоянии аффекта человек может произнести его, выражая этим свое недовольство судьбой, сложившимися жизненными условиями и божьей несправедливостью. В пословице сообщается о равномерности и чередуемости желательных (приятных) и нежелательных (неприятных) дней. И в то же время скрыто выражается идея об объективной одинаковости

отрезка времени в концепте «день», его универсальности и определяемости качества дня в пословице только субъективными факторами.

Воля Бога отражена в священной книге «Коран» в виде этических правил, установок, рекомендаций, запрещающих или разрешающих те или иное формы поведения. В ней суммарно представлены этикет и нормы поведения арабского этноса в период средневековья, отражающие выработанную на протяжении многих веков этику древней цивилизации. Их запоминать и соблюдать очень трудно. Это ситуация передается в паремии *Кудайдын буйругу кумдан (чачтан) көп, аны кылган адам жок* «Распоряжений у Бога больше, чем песок (волосы), нет человека, который бы их исполнял». Одни не исполняют их по неведению, другие - по нежеланию, третьи – по лени и т.д.

Имя Бога упоминается и при осуждении поступков пьяниц. Считается, что и добрые, и нежелательные действия совершаются по воле Создателя. В пословице *Ичип арактын көөнүн алган, кусуп Кудайдын көөнүн алат* «Тот, который выпивая угодит водке, блюя угодит Богу» выражается идея о том, и выпивка, и рвота как неприятные для общества, осуждаемые исламом действия, зависят от Бога. Бог как бы этим наказывает слабовольных и неумеющих воздерживаться от пьянства людей.

В ряде паремий подчеркивается идея «Бог связывает людей». В выражении *Кудай кошкон куда болот* «Те, кого связал Бог, станут сватьями». Вероятно, и слово *куда* «сват» восходит к иранскому названию божества. Аналогично построено выражения *Теңир кошкон теңтуш болот* «Те, кого связал Бог, станут ровесниками/друзьями». Часто эти два изречения используются параллельно как парное сложное пословичное образование: *Кудай кошкон куда болот, теңир кошкон теңтуш болот* «Те, кого связал Бог, станут сватьями, те, кого связал Бог, станут ровесниками». Созвучие его частей обеспечивается параллелизмом предложений, словесными повторами (*кошкон - кошкон, болот - болот*) и звуковыми повторами (*куда – куда, тең - тең*).

Идея о божественной природе и святости дружбы выражена в парном изречении *Курдаштын кудайы бар, теңтуштун теңири бар*, где обе части имеют синонимическое содержание. И в первой, и во второй части заключен смысл «У ровесника-друга есть Бог». Благозвучие паремии создается лексико-грамматическим параллелизмом, звуковыми повторами в строках (*ку – ку, тең – тең*) и повторением слова *бар* «есть, имеется». Пары *курдаш – теңтуш, кудай – теңир* состоят из синонимов. В пословице содержится призыв бережно относиться к друзьям, что соответствует воле Бога.

В этническом мышлении кыргыза и незванный гость приходит по воле Бога: *өзү келген мейман – кудай мейман* «Незванный гость - божий гость/гость от Бога», поэтому он заслуживает приема, угощения и переночевки.

Кыргызская ментальность предполагает уважительное отношение к пожилым членом семьи и общества. *Сен сыйласаң карыңды, кудай сыйлайт баарыңды* «Если ты уважаешь старых, Бог уважает всех вас». Данный

перевод условный, киргизское *сыйлоо* – это уважение, угощение, награда, вознаграждение, а слово *баарыңды* имеет значение «всех вас», «ваше наличие/существование на этом свете». Это говорит о большей семантической емкости и обобщенности киргизской поговорки, чем ее перевод на русский язык. И в то же время *карыңды* «твоих стариков» и *баарыңды* «всех вас» образуют рифму.

Все это свидетельствует о том, что концепт «Кудай» в киргизском ментальном сознании категоризируется весьма разносторонне и многопланово и получает разнохарактерное когнитивное содержание.

3. 6. Концепт «Бог» в русской поговорочной картине мира

В русской лингвоэтнокультуре важное место занимает концепт «Бог». В.В. Колесов писал: «Сила русской ментальности именно в том, что крайним авторитетом она признает идею Бога, ибо Бог, по определению, у каждого – свой, это личная совесть» [83, С. 519]. Этот концепт синтезирует представления этноса о Боге, что концентрированно отражено в русских поговорочно-поговорочных изречениях.

Для выявления когнитивных признаков концепта «Бог» в поговорочной картине мира нами было проанализировано 1250 поговорочных языковых единиц. Их анализ позволил определить те признаки концепта, которые рассматривались нами как существенные, важные, отличительные, как предмет осмысления. Прием количественных подсчетов дал возможность выявить наиболее продуктивные для вербализации концепта группы. Всего было выявлено 22 группы, в которых сконцентрированы 69 наиболее частотных (повторяющихся) когнитивов. См. таблицу №1.

БОГ - СОЗДАТЕЛЬ, ТВОРЕЦ (92 единицы)

Когнитив №1 **Бог управляет миром и человеком** (10 пословиц)

Примеры: *Один воин тысячи водит, а Бог и тысячи и война водит.*

Не конь везет, Бог несет.

Когнитив №2 **Бог создал мир, всё живое на земле** (41 пословица)

Примеры: *Над семью поясами небесными сам Бог, превыше его покров.*

Бог создал три зла: чёрта, бабу и козла.

Когнитив №3 **Бог один (един)** (3 пословицы)

Примеры: *Один Бог, один государь. Один, как Бог.*

Когнитив №4 **С Богом нельзя спорить** (9 пословиц)

Примеры: *С Богом не поспоришь. Спорь во всем, кроме власти Божьей.*

Когнитив №5 **Бог свят, а люди грешны** (16 пословиц)

Примеры: *Один Бог без греха. Кто Богу не грешен, кто бабке не внук?*

Когнитив №6 **Божьим именем клянутся** (13 пословиц)

Примеры: *(Да) убей (побей, накажи, разрази) (меня) Бог. Каюсь, как перед Богом. Как Бог свят!*

БОГ – ВЛАДЫКА (ПОВЕЛИТЕЛЬ) (208 единиц)

Когнитема №7 **Все осуществляется по воле Бога** (180 пословиц)

Примеры: *Подумаешь - горе; а раздумаешь - воля Господня. Под Богом ходишь, и власть Его (или: Божья и власть).*

Когнитема №8 **Душа человека отправляется к Богу** (2 пословицы)

Примеры: *Отдал Богу душу. Бог души не вынет, сама душа не выйдет. Без поры душа не выйдет. Кто вложил душу, тот и вынет.*

Когнитема №9 **Все будут отвечать перед Богом** (3 пословицы)

Примеры: *Не хитру, ни горазду, ни убогу, ни богату суда божьего не миновать*

Когнитема №10 **Бог всё видит** (2 пословицы)

Примеры: *От людей утаишь, а от бога не утаишь. Бога не обманешь, хоть и пораньше нашего встанешь.*

БОГ - ЗАСТУПНИК, СПАСИТЕЛЬ

Когнитема №11 **Бог мудр и справедлив** (4 пословицы)

Примеры: *Всякая мудрость от Бога. Видел Бог, что не дал свинье рог.*

Когнитема №12 **Бог на каждого возлагает по силе** (2 пословицы)

Примеры: *Бог по силе крест налагает. Чего Бог не найдет, того человек не понесет.*

Когнитема №13 **Бог благословляет** (3 пословицы)

Примеры: *Бог не допустит (не выдаст), свинья не съест. На Бога положишься, не обложишься.*

Когнитема №14 **Бог оберегает** (5 пословиц)

Примеры: *Кто правду хранит, того Бог наградит. Кто правды желает, тому Бог помогает.*

Когнитема №15 **Бог любит праведников** (3 пословицы)

Примеры: *Кто кого обидит, того Бог ненавидит. Бог виноватого найдет.*

Когнитема №16 **Бог наказывает неправедных** (3 пословицы)

Примеры: *Дай Бог кому детей родить, тому их и вскормить.*

Когнитема №17 **Бога просят благ** (6 пословиц)

Примеры: *Дай Бог счастливо день днвать и ночь ночевать.*

Когнитема №18 **Бога просят отвести беду** (8 пословиц)

Примеры: *Не дай Бог с дураком связаться. От пожара, от потопа и от злой жены, Боже сохрани!*

Когнитема №19 **Бог может помочь** (6 пословиц)

Примеры: *Не унывай, не Бога уповай (или: а Бога призывай).*

Когнитема №20 **Бог помогает в работе** (8 пословиц)

Примеры: *Пораньше просыпайся, да за Бога хватайся! Помогай Бог. Да поможет вам (тебе) Бог. Дай бог доброму часу!*

Когнитема №21 **Именем Божьим можно усовестить человека** (7 пословиц)

Примеры: *Побойся (побойтесь) Бога. Бог суди твои костыли (т. е. лукавство).*

Когнитема №22 **Бог бережет заботящихся о себе** (4 пословицы)

Примеры: *Береженого и Бог бережет. Кто себя стрежет, того и Бог бережет.*

Когнитема №23 **Кто живёт не с Богом, подвергает себя опасности** (5 пословиц)

Примеры: *От Бога отказаться - к сатане пристать. Удаляющие от Бога погибают.*

БОГ - НАДЕЖДА НА СПАСЕНИЕ (124 единицы)

Когнитема №24 **Смысл жизни - в служении Богу** (2 пословицы)

Примеры: *Жить - богу служить. Велики труды его к Богу (т. е. Богомол, великопостник).*

Когнитема №25 **Нужно жить по воле Божьей** (23 пословицы)

Примеры: *Не живи, как хочется, а живи, как Бог велел. Живи так, чтоб ни от Бога греха, ни от людей стыда.*

Когнитема №26 **Бог помогает тем, кто любит его** (8 пословиц)

Примеры: *Любящих и Бог любит. Кто любит Бога, добра получит много.*

Когнитема №27 **Бога нужно восхвалять, благодарить** (26 пословиц)

Примеры: *Дай Бог нашему Богу жить - все живы будем. Будь имя Господне благословенно отныне и до века!*

Когнитема №28 **Лучше восхвалять Бога чем просить у него подаяния** (2 пословицы)

Примеры: *Лучше слава Богу, нежели дай Бог. Дай Бог - хорошо, слава Богу - лучше.*

Когнитема №29 **Бога нужно бояться, его нельзя гневить** (25 пословиц)

Примеры: *Прости, Господи, мою душу грешную! Прости, Господи, прегрешения мои!*

Когнитема №30 **У Бога просят прощения за грехи** (5 пословиц)

Примеры: *Кто добро творит, того Бог благословит. Кто сирых напичает, тот Бога знает (или: того бог знает).*

Когнитема №31 **Бог воздает за добрые дела** (30 пословиц)

Примеры: *Кто все Бога призывает, все свой век проживает. На это плакаться - только Бога напрасно гневить.*

Когнитема №32 **Бога нельзя беспокоить по пустякам** (3 пословицы)

Примеры: *На это плакаться - только Бога напрасно гневить*

БОГ - ЛЮБОВЬ (146 единиц)

Когнитема №33 **Бог заботится о людях, он милосерден** (104 пословицы)

Примеры: *Бог - любовь. Где любовь, там и Бог. Даст Бог день, даст и пищу.*

Когнитема №34 **Бог помогает несчастным, обиженным, бедным и сиротам** (17 пословиц)

Примеры: *Бог - заступник сирым и вдовым. Сирый да вдовый плачут, а за сирого да вдового Бог на страже стоит.*

Когнитема №35 **Бог прощает** (20 пословиц)

Примеры: *Виноват да повинен - Богу непротивен. Бог простит, только вперед не каверзи.*

Когнитема №36 **Бог указывает нужный путь** (5 пословиц)

Примеры: *Добрým путём Бог правит. Бог пути кажет.*

БОГ БЫВАЕТ НЕСПРАВЕДЛИВ (62 единицы)

Когнитема №37 **Бог забывает, не милует, не всем помогает** (28 пословиц)

Примеры: *Бог с бедного последнее сдирает да богатого одевает.*

Плачься Богу, а слезы - вода.

Когнитема №38 **Бог не всем дает** («обижает», «убивает») (15 пословиц)

Примеры: *Бог умом его обделил. Дураки да нищие не родом ведутся, а кому Бог даст.*

Когнитема №39 **Интересы человека не соответствуют интересом Бога** (7 пословиц)

Примеры: *Человек предполагает, а Бог располагает. Человек по-своему, а Бог по-своему.*

Когнитема №40 **Бог находится слишком далеко** (3 пословицы)

Примеры: *До бога высоко до царя далеко. Бог на небе, царь на земле.*

Когнитема №41 **Бог награждает не по заслугам** (6 пословиц)

Примеры: *Бог дураков любит. Умный сам по себе, а дураку Бог на помощь.*

Когнитема №42 **Дела Бога непонятны людям** (5 пословиц)

Примеры: *Пути господни неисповедимы. Мудрено сотворено. Премудры дела твои, Господи.*

Когнитема №43 **Человек должен надеяться на себя** (28 пословиц)

Примеры: *Божьим именем сыт не будешь. Богу молись, а к берегу гребись.*

БОГ И ЧЁРТ (35 единиц)

Когнитема №44 **От бога - добро, от чёрта** (дьявола, сатаны, окаянного) - зло (25 пословиц)

Примеры: *Где Господь пшеницу сеет, там черт - плевелы. Бог с рожью, а черт с костром.*

Когнитема №45 **Нужно угождать и Богу и чёрту** (10 пословиц)

Примеры: *Бога зови, а черта не гневи! Богу угождай, а черту не перечь!*

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЁЗЫ (11 единиц)

Когнитема №46 **Бога упоминают, когда иронизируют над собой или над кем-либо** (11 пословиц)

Примеры: *Боже мой, Боже, всякий день то же: солнце встанет - хочется есть.*

Ох, мой Бог, болит мой бок девятый год, не знаю, которое место!

БОГ И ЦАРЬ (39 единиц)

Когнитема №47 **Бог и царь (государь) обладают властью** (39 пословиц)

Примеры: *У Бога да у царя всего много. Кто Богу не грешен, царю не виновен?*

БОГ И ДУРАК (22 единицы)

Когнитема №48 **Дураки рождаются по воле Бога** (5 пословиц)

Примеры: *Дураки да нищие не родом ведутся, а кому Бог даст. Дал Бог сыночка, дал и дубочка (дурака).*

Когнитема №49 **Бог дураков любит** (6 пословиц)

Примеры: *Бог дурака поваля кормит. Дураку счастье Бог даст.*

Когнитема №50 **Бог не волен над дураком** (10 пословиц)

Примеры: *В дураке и Бог не волен. На дураке и Бог не ищет.*

Когнитема №51 **Боги (при многобожии)** (9 пословиц)

Примеры: *Плохого Бога (т. е. идола) и телята лизнут. Всем богам по сапогам.*

Когнитема №52 **Деньги не Бог, а спасают** (6 пословиц)

Примеры: *Денежка не бог, а бережет (или: а милует). Денежка не Бог, а полбога есть.*

Когнитема №53 **Дела Бога бывают непонятны** (5 пословиц)

Примеры: *Бог - старый чудотворец. Пути господни неисповедимы.*

Когнитема №54 **Человек неблагодарен Богу** (5 пословиц)

Примеры: *В тревогу - и мы к Богу, а по тревоге - забыли о Боге. Не дал Бог ста рублей, а пятьдесят - не деньги.*

Когнитема №55 **Не всем Бог может угодить** (2 пословицы)

Примеры: *На весь мир и сам бог не угодит. Дал Бог здоровье, да денег нет.*

Когнитема №56 **«Свой» и «чужой» Бог** (5 пословиц)

Примеры: *У нас свой Бог, у никониян свой (или: иной). Какова вера, таков у ней и бог.*

Когнитема №57 **Бог и народ (люди)** (5 пословиц)

Примеры: *Глас народа - глас Божий. Где народ увидит, там и Бог услышит.*

Когнитема №58 **«Русский» бог велик и милосерден** (4 пословицы)

Примеры: *Русский Бог велик. Велик Бог русский и милосерд до нас.*

Когнитема №59 **Бог один для всех** (4 пословицы)

Примеры: *Все один Бог, что у нас, что у них (у иноверцев). Бог один, как ни призывай его.*

Когнитема №60 **Бог как образ (икона)** (4 пословицы)

Примеры: *Бог на стене, хлеб на столе. Бери зятя в дом, неси Бога вон! Зять в дом - все иконы вон.*

Когнитема №61 **Авось –русский Бог** (4 пословицы)

Примеры: *Русский Бог - авось, небось да как-нибудь. Авось не Бог, а полбога есть.*

Когнитема №62 **К Богу (Аллаху) посылают или упоминают его, когда имеют дело с неприятным человеком (или людьми)** (8 пословиц)

Примеры: *Иди ты к Аллаху! Иди ты богу в рай! Вот тебе Бог, а вот тебе порог (или: двери). Ступай домой - и Бог с тобой. Об полы руками, да и Бог с вами.*

Когнитема №63 **Неугодные Богу и людям** (22 пословицы)

Примеры: *Ни Богу свеча, ни черту ожег (кочерга). Стоит урод у Божьих ворот. Ему хоть плюй в глаза, а он говорит: Божья роса.*

Когнитема №64 . **Бог любит троицу** (2 пословицы)

Примеры: *Бог любит троицу. Святой счет, что троица. Три перста крест кладут.*

Итого: 125

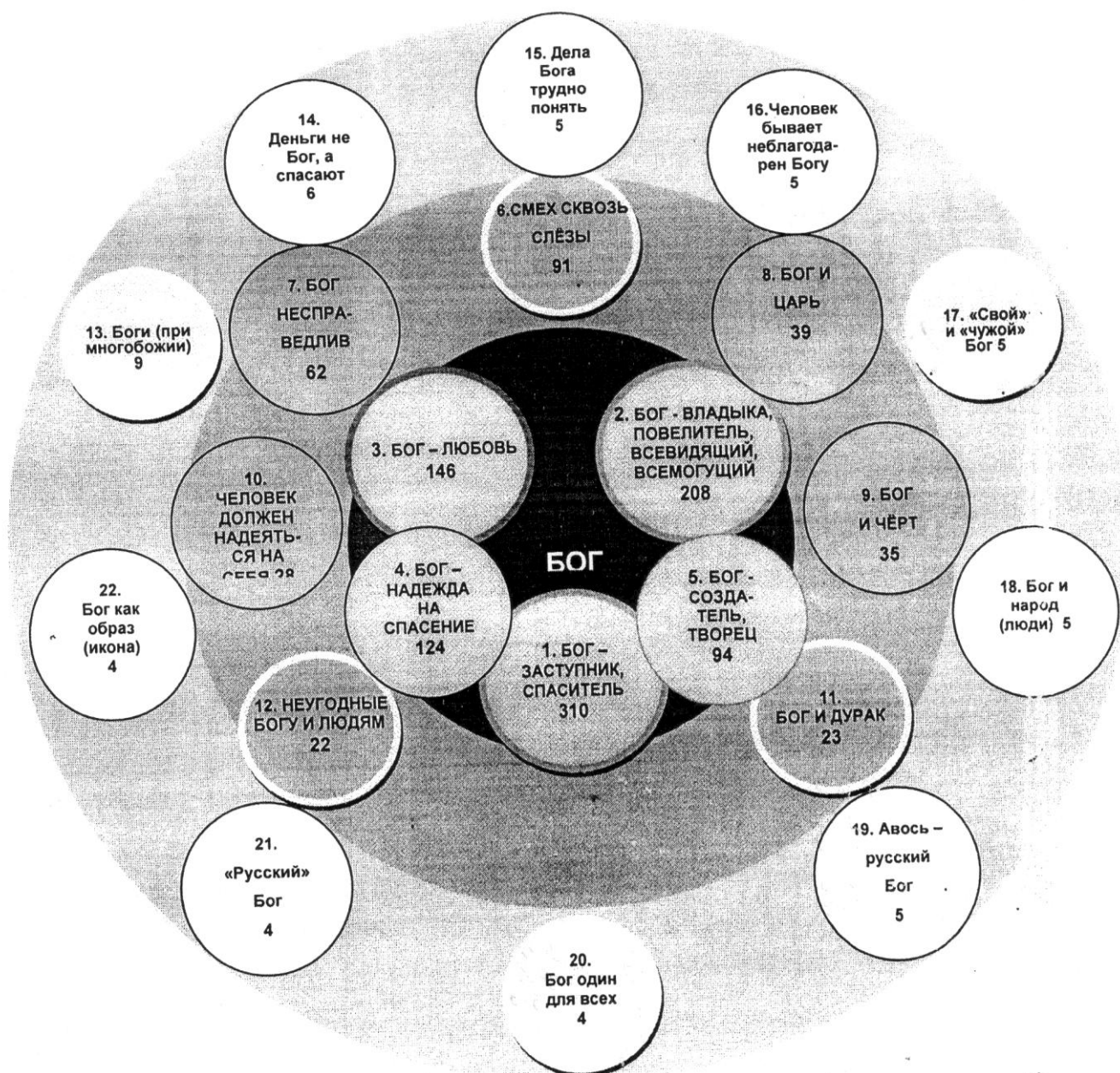
Таблица-рисунок №1

Анализ провербиальных единиц значительно расширил набор признаков и позволил сделать вывод, что объем концепта значительно превышает объем словарных статей слова-номинанта концепта. Пользуясь методикой моделирования концептуального поля, мы определили базовые составляющие ядерной зоны, представленные в виде пяти микрополей (слоёв):

1. *«Бог - Заступник, Спаситель».*
2. *«Бог - Владыка, Повелитель, Всевидящий, Всемогущий».*
3. *«Бог - любовь».*
4. *«Бог - надежда на спасение».*
5. *«Бог - Создатель, Творец».*

Значения, входящие в эти слои, выделены на основании тематической общности представленных значений в данном конкретном поле. Внутри слоя подобранные значения отмечены выступающим конституирующим признаком (характеристикой):

- первый слой «Бог - Заступник, Спаситель» - включает когнитемы, объединенные идеей *охраны, защиты человека, дающей внутренний покой и уверенность*. Данный слой включает наибольшее количество когнитем: *Бог мудр и справедлив; Бог на каждого возлагает по силе; Бог благословляет; Бог уберегает, Бог любит Праведников; Бог наказывает неправедных; У Бога просят благ; Бога просят отвести еду; Бог может помочь; Бог помогает в работе; Именем Божьим можно усовестить человека; Бог бережёт заботящихся о себе; Кто живёт не с Богом, подвергает себе опасности;*

- во втором слое «Бог - Владыка, Повелитель, Всевидящий, Всемогущий» объединяющая тема - абсолютная власть Бога над людьми. Выделяемые когнитемы: *Все осуществляется по воле Бога; Душа человека отправляется к Богу; Все будут отвечать перед Богом; Бог всё видит;*

- для третьего «Бог - любовь» общей темой когнитем является безграничная любовь к людям: *Бог заботится о людях, он милосерден; Бог помогает несчастным, обиженным, бедным и сиротам; Бог прощает; Бог указывает нужный путь;*

- в четвертом «Бог - надежда на спасение» выделяется общая тема надежды на спасение через безграничную веру и бескорыстное служение Богу. Определяющие когнитемы: *Смысл жизни - в служении Богу; Нужно жить по воле Божьей; Бог помогает тем,*

кто любит его; Бога нужно восхвалять, благодарить; Лучше восхвалять Бога, чем просить у него подаяния; Бога нужно бояться, его нельзя гневить, У Бога просят прощения за грехи; Бог воздаёт за добрые дела; Бога нельзя беспокоить по пустякам;

● слой с темой «Бог - Создатель, Творец», являющийся первым при определении структуры концепта по данным словарных значений, при анализе провербиального фонда по количеству единиц отодвигается на пятое место, но тем не менее содержит главное понятие, определяющее Бога: Создатель, Творец, высший разум и наивысший авторитет. Когнитивные отражают характеристики Творца: *Бог управляет миром и человеком; Бог создал мир, всё живое на земле; Бог один (един); С Богом нельзя спорить Бог свят, а люди грешны; Божьим именем клянутся.*

К ближней периферии нами отнесены такие концептуальные признаки, как: «Бога упоминают, когда иронизируют над собой или над кем либо», «Бог бывает несправедлив», «Бог и царь обладают властью», «Бог несёт добро, а чёрт - зло», «Человек должен надеяться на себя, а не в Бога».

Дальнюю периферию представили группы провербиальных единиц, отражающие такие темы, как «Бог и боги (при многобожии)», «Бог и дурак», «Бог и деньги», «Человек неблагодарен Богу», «Не всем Бог может угодить» «Бог и народ», «Русский Бог», «Свой и чужой бог», «Авось - русский Бог», «Бог как образ, икона, изображение» (отметим, что данный слой при начальном рассмотрении понятийной основы концепта находился в ядерной зоне; это свидетельствует о вытеснении данного понятия на периферию языка) и др.

После анализа всех групп провербиальных единиц мы выделили понятийный, образный и оценочный компоненты концепта «Бог»:

- понятийный аспект: Бог, Господь (Господи), Творец, Боже, Создатель Вселенной, всего сущего, высший разум, управляющий миром;

- образный аспект: Бог вершит все происходящее, обладает всемогуществом, абсолютным совершенством и абсолютным знанием; все осуществляется с его ведома и по Его воле; оберегает от беды; Бог благословляет людей, заботится об их благополучии; Бог, справедлив и милосерден, покровительствует бедным и обиженным, богатых не одобряет, наказывает лицемерных, злых; особую любовь проявляет к тем, кто живёт по Его воле; от Его воли зависит благополучие или жалкое существование человека, но Он не всегда справедливо распределяет земные блага между людьми (*Господь богатит и высит, убожит и смиряет; Подумаешь - горе; а раздумаешь - воля Господня; Всякая власть от Бога; Бог даёт власть кому хочет*), не всем помогает, обижает, награждает не по заслугам;

- аксиологический (оценочный) аспект: Бог - это истина, добро, мудрость, праведность; Бог дает людям надежду, являет любовь, милосердие и всепрощение, дает человеку внутренний покой и уверенность. Однако Бог бывает несправедлив, Его интересы не соответствуют интересам человека, Его дела непонятны людям.

Как видим, в поговорочном концепте по сравнению с общекультурным в *понятийной* составляющей не присутствуют понятия «бессмертный Дух», «в христианстве Бог троичен: Бог Отец (Саваоф), Бог Сын (Иисус Христос) и Бог Святой Дух». В поговорочном фонде слово *троица* встречается лишь в одной единице - *Бог любит троицу*, но ее значение уже не связано с христианским учением о троице, а имеет смысл: всё так или иначе происходит трижды. В двух единицах встречается слово *Христос* (*как у Бога (или у Христа) за пазухой; Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатыню прокланяем*), но в основном массиве поговорок преобладает понятие «Бог один» (Бог един). Но в целом понятийная составляющая поговорочного концепта совпадает с соответствующим компонентом общекультурного концепта.

Различия возникают на образном и аксиологическом уровнях. *Образная* составляющая в поговорочном пространстве представлена под другим углом зрения, нежели в общеязыковом употреблении: Всемогущий, Всевидящий и мудрый Бог бывает несправедлив. Вследствие такого образного представления Создателя в народном сознании на *аксиологическом (оценочном)* уровне эксплицитно проявляется не только положительная, но и негативная оценка действиям Бога.

3.7. Ассоциативный эксперимент как метод изучения концепта «Бог»

Чрезвычайно важно для концепта ассоциативное поле, с которым он связан, поэтому выявление ассоциативных комплексов является основной задачей описания концепта [133, С.191].

На основе ассоциативных норм исследуются семантические особенности слова, закономерности ассоциаций, их типология и т. п. Считается, что ответы, которые повторяются разными испытуемыми, отражают «объективно существующие в сознании испытуемых и в языке связи между словами» [106, С. 511]. Самые частотные реакции признаются заключающими в себе основное ассоциативное значение, имеющееся у слова в языке.

Каждое ассоциативное поле имеет ядро, центр и периферию, состоящие из иерархически, парадигматически и синтагматически соотнесенных ассоциатов. Ядро ассоциативного поля содержит наиболее значимые, неоднократно повторяющиеся ассоциации. Исследователи высказывают мнение, что хотя бы дважды повторенная ассоциация не случайна.

Менее частотные ассоциации относятся к периферийной зоне поля, Ценность даже единичных реакций не следует преуменьшать, так как большинство из них продолжает те направления ассоциирования, которые намечены ассоциациями центральной ассоциативной зоны, свидетельствуют о специфике ассоциативных структур языка. Поэтому необходим комплексный учет всех реакций.

Для конструирования фрагмента религиозной картины мира, воплощенной в концепте *Бог*, нами был проведен *ассоциативный эксперимент*, с помощью которого выявлялась специфика содержания концепта в восприятии студентов-филологов.

В эксперименте участвовали 170 испытуемых: 54 студента 2 курса и 116 студентов 4-5 курсов филологического факультета Жалал-Абадского государственного университета. Возраст испытуемых - 21-22 года.

Испытуемым предлагалось ответить на 2 вопроса:

1) Какие ассоциации вызывает у вас слово «Бог»? (записать 3-4 реакции (слова, словосочетания, предложения) на слово-стимул *Бог*)?

2) В каком образе Вы представляете Бога?

Получен 61 ассоциат. При обработке результатов эксперимента учитывались все ассоциаты, в том числе и единичные.

Результаты реакций студентов на слово-стимул *Бог* отражены в следующей таблице:

<i>АССОЦИАТЫ</i>	<i>К-во ответов</i>
1. Сверхъестественное существо	72
2. Владыка мира	28
3. Повелитель мира	18
4. Создатель мира и всего на земле	7
5. Единственный	2
6. Высший разум	37
7. Творец	6
8. Молитва	3
9. Защитник	27
10. Совершенство	8
11. Он не рождён и не рождается	4
12. Светлый человек с нимбом	2
13. Мудрец	13
14. Пожилой человек с белой бородой	5

15. Близкое существо	25
16. Старый человек, с бородой, длинными волосами, окруженный сиянием	43
17. День и ночь, времена года, дерево	1
18. Небо	14
19. Облако	15
20. Воздух	3
21. Природа	6
22. Это нечто большое и теплое	1
23. Это нечто возвышенное, необъятное, величавое	18
24. Каждый человек верит, что есть Бог	22
25. Он живёт в каждом сердце человека	18
26. Мы его не видим, но представляем	32
27. Он всё видит, всё знает	37
28. Только Бог знает, что с нами произойдёт в будущем	23
29. Он наблюдает за нами	10
30. Он забирает нас к себе после смерти	19
31. Ему нужно молиться	51
32. Всесильный и всемогущий	25
33. Самый великий	7
34. Священный	8
35. Совершенство	11
36. Его боится каждый человек	69
37. Свет	14
38. Добро	16
39. Спокойствие	3
40. Рай и ад	2
41. Конец света	4
42. Смерть	1
43. Любовь	18
44. Мудрость	12
45. Надежный, только ему можно довериться	24
46. Аллах, который подарил нам жизнь	29
47. Моя жизнь, моя вселенная	1
48. Благодаря Богу, мы живём, существуем	21
49. Благодаря Богу, мы познаём этот мир, различаем белое и чёрное	2
50. Бог может успокоить душу	11

51. Держит за руку и благословляет	12
52. Самый близкий, который всегда рядом, всегда выслушает	23
53. Он всегда в моем сердце	9
54. Справедливый	53
55. Это существо опасное, коварное, и надо внимательно изучить его повадки, чтобы как-нибудь не столкнуться с ним на узкой тропе	1
56. Бог никогда не помогает, лишь наказывает	14
57. Он помогает только в крупных делах и когда обстоятельно ему помолиться	1
58. Бог помогает независимо от молитв, когда сам сочтет нужным, но в основном по мелочам	2
59. Близкий друг, с которым можно душевно беседовать и который всегда согревает душу	36
60. Бог – это главный стержень, который помогал и помогает выживать народам	1
61. Сильный Бог нужен любому обществу так же, как сильная армия и полиция	1

Ядро ассоциативного поля составили такие ассоциации, как «Бог – сверхъестественное существо» (72); «Его боится каждый человек» (69); «Справедливый» (53); «Ему нужно молиться» (51); Бог в представлении информантов - «старый человек с бородой, длинными волосами, окруженный сиянием» (43); «Высший разум» (37); «Он всё видит; всё знает» (37); «Близкий друг, с которым можно душевно беседовать и который всегда согревает душу» (36); «Мы его не видим, но представляем» (32); «Аллах, который подарил нам жизнь» (29); Владыка мира (28); «Защитник» (27); «Всесильный и всемогущий» (25); «Близкое существо» (25); «Надежный, только ему можно довериться» (24); «Только Бог знает, что с нами произойдет в будущем» (23); «Самый близкий, который всегда рядом, всегда выслушает» (23); «Каждый человек верит, что есть Бог» (22); «Благодаря Богу, мы живём, существуем» (21); «Он забирает нас к себе после смерти» (19).

Менее частотные ассоциации отнесены к периферийной зоне поля.

Эксперимент показал, что Бог в понятии реципиентов ассоциируется:

1) с абстрактными явлениями, представлениям и, связанными с религиозным видением мироздания (сверхъестественное существо, Владыка мира, Повелитель мира, Создатель мира и всего на земле; Единственный; Совершенство; Священный; самый великий; он не рождён и не рождается; Высший разум, Творец; молитва);

2) с абстрактными понятиями (*свет, добро, спокойствие, рай и ад, конец света, смерть, любовь, мудрость, справедливость*);

2) с человеческим обликом (*светлый человек с нимбом; мудрец; близкий человек; пожилой человек с белой бородой; старый человек, с бородой, длинными волосами, окруженный сиянием*);

3) с природными явлениями (*природа, воздух, облака, день и ночь, времена года, дерево, небо*).

Представлены и неконкретные формулировки: *«это нечто большое и теплое», «это нечто возвышенное, необъятное, величавое», «мы его не видим, но представляем».*

В сознании опрошенных Бог предстает как Всевидящий и Всемогущий: *«он все видит, все знает», «только Бог знает, что с нами произойдет в будущем», «он наблюдает за нами».*

У многих испытуемых Бог вызывает страх, это подтверждают такие реакции: *«Рай и ад», «Конец света», «Смерть», «Его боится каждый человек», «Он забирает нас к себе после смерти».*

Для большинства реципиентов Бог представляет собой прежде всего доброе, справедливое начало. Он близок человеку, является его помощником и защитником. Это подтверждается экспериментально наличием таких речевых реакций: *«Моя жизнь, моя Вселенная», «Благодаря Богу, мы живём, существуем», «Благодаря Богу, мы познаём этот мир, различаем белое и чёрное», «Он всегда в моем сердце»* и т.п.

Представлен также негативный образ: *«Это существо опасное, коварное, и надо внимательно изучить его повадки, чтобы как-нибудь не столкнуться с ним на узкой тропе», «Бог никогда не помогает, лишь наказывает», «Он помогает только в крупных делах и когда обстоятельно ему помолиться».*

Следует отметить, что из 170 испытуемых 167 студентов являлись представителями кыргызской и узбекской национальности и только 3 - русской. Интересным является и тот факт, что негативные реакции, связанные со словом-стимулом *Бог*, представлены именно у студентов русской национальности. У студентов-кыргызов и узбеков преобладают реакции *«Его боится каждый человек», «Ему нужно молиться», «Бог - сверхъестественное существо».*

Результаты ассоциативного эксперимента подтвердили выделенные при исследовании лексикографических источников и провербиальных единиц компоненты концепта *Бог*. Понятийная, образная и аксиологическая (ценностная) составляющие выражаются в следующих когнитивных признаках:

- **понятийная** составляющая: верховная сущность, наделенная высоким разумом, абсолютным совершенством, всемогуществом, сотворившая мир и управляющая им; представление Бога как Всевышнего, сверхъестественного существа, Владыки и Повелителя мира, Священного, Единственного, Великого, Творца, Высший разум;

- **образная** составляющая: Бог представляет могущество, силу, абсолютную власть (Всесильный, Всемогущий), всеведение («Он всё видит, всё знает»), одновременно Он является «существом опасным, коварным», «помогает только в крупных делах» или вообще «никогда не помогает, лишь наказывает», поэтому его нужно бояться («Его боится каждый человек»).

- **ценностная** составляющая говорит о преобладании традиционного религиозного канона: Бог символизирует высшие человеческие ценности - добро, любовь, надежду, справедливость, высшее положительное начало; вера в Бога является важной стороной не только духовной жизни человека, но и общества. При выделении ценностной составляющей из провербиального фонда русского языка, и при выделении данного компонента концепта в результате эксперимента присутствует отрицательная оценка действиям Бога: Бог не всем и не всегда помогает, Бог наказывает, он бывает несправедлив. Интерес для ценностной составляющей представляют единичные ассоциаты «Бог - это главный стержень, который помогал и помогает выживать народам» и «Сильный Бог нужен любому обществу так же, как сильная армия и полиция». Здесь уже усматривается актуальный в наше беспокойное время мысль: Бог, а значит, и религия вносят высший вклад в укрепление духовных устоев общества. Следовательно, укрепление религиозности практически всегда усиливает общественную мораль, нравственность и, соответственно, правопорядок.

Как видим, в процессе функционирования концепт Бог подвергается видоизменениям прежде всего оценочной и образной составляющих. Объем понятийного компонента в целом остается неизменным.

Основные результаты исследования

В процессе изучения концепта «Бог - Кудай» в ментальной семантике кыргызского и русского языков нами получены следующие **результаты**:

- 1) обосновано положение о межкультурной и межэтническом характере концепта «Бог - Кудай»;
- 2) определена роль рассматриваемого концепта в формировании двуединой картины мира «Восток - Запад»;
- 3) выявлена организующая сущность концепта «Бог - Кудай» общетюркского, кыргызского и русского менталитетов;
- 4) продемонстрирован многослойный характер тюркского и кыргызского представления о Боге, обусловленный сосуществованием в сознании этноса единого и языческих богов и этнокультурными различиями сосуществующих наименований Бога; концепт имеет актуальный, этимологический и исторический слои;
- 5) установлена этимология параллельно употребляемых теологических названий в тюркских и кыргызском языках; отмечены контекстуальные,

коннотативные и эмоционально-экспрессивные различия вариантов теонимов (*Кудай/Куда/Кудаа/Кудай таала; Алда/Алла/Аллах, Ээ/Эге/Эгэ*) и др.;

6) определено общее количество пословично-поговорочных изречений с концептом «Бог» по данным наиболее полных сборников – 177 в кыргызском и 1250 в русском языке; количественная разница связана с различиями в богословском опыте и традициях этносов, наличием/отсутствием у них письменности и письменной культуры в прошлом, уровнем и масштабом изученности провербиальных единиц языка, а также массивом создавшего их этноса;

7) проанализированы все теонимы тюркских языков в сравнительном аспекте; отмечены ареалы их распространения и продуктивность/непродуктивность использования того или наименования в том или ином регионе;

8) выявлены и описаны основные когнитемы провербиально-религиозного сознания кыргызского и русского этносов с концептом «Бог - Кудай»: 1. Бог один. 2. Бог – создатель всего сущего. 3. Бог – повелитель. 4. Бог – заступник, спаситель. 5. Бог мисосерден и т.д.; когнитемы представлены в виде обобщенных формул, отражающих типичные, необходимые и существенные свойства Бога, представленные в ментальном сознании производителей соответствующих изречений;

9) выявлена статистика когнитем в языках; на материале кыргызских паремий отмечается наличие 13 когнитем, русских – 21 когнитемы;

10) на материале русских пословиц и поговорок в силу их многочисленности установлено полевое иерархическое устройство когнитемной семантики в провербиальном пространстве; наиболее продуктивные когнитемы образуют ядро поля, другие – периферию; периферия двухступенчата: она состоит из ближней и дальней зон;

11) показано, что «Бог» в представлении реципиентов ассоциируется с абстрактными явлениями, представлениями, связанными с религиозным видением мироздания, с абстрактными позитивными понятиями, с человеческим обликом и природными явлениями; что Бог предстает как создатель, всевышний или как негативный образ; что концепт «Бог» содержит в себе понятийную, образную и аксиологическую составляющие;

12) экспериментально установлены ментальные составляющие концепта «Бог» а) понятийная составляющая (верховная сущность, наделенная высшим разумом, абсолютным совершенством, всемогуществом); б) образная составляющая (всевидение, справедливость, милосердие); в) ценностная составляющая (символ добра, любви, надежды, образец высшего положительного начала).

Теологические концепты, как видно, является важным звеном в когнитивно-языковом сознании этноса. Их изучение многоаспектно и предполагает рассмотрение в религиозно-языковом, историко-культурологическом, когнитивно-психолингвистическом, этимологическом, социолингвистическом, экспрессивно-стилистическом и линвопаремиологическом планах.

Заключение

Материалы и результаты данного исследования позволят сделать некоторые общие выводы.

1. Когнитивная лингвистика отпочковалась от междисциплинарной когнитивной науки на рубеже XX-XXI веков и стала одной из ведущих отраслей языковедения. Объектом ее изучения выступают когнитивно-языковые механизмы приема, осмысления, обработки, хранения, преобразования и передачи информации.

2. Одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики является «картина мира». **Под картиной мира** обычно понимается совокупность сложившихся в человеческом сознании ощущений, представлений, знаний о мире, включающую в себя различные уровни понимания и типы восприятия человеком окружающей действительности. Картина мира не есть простое «зеркальное» отражение мира, а осмысленная субъектом когнитивная модель глобального, многообразного мира. Субъектом картины мира могут быть отдельный человек, отдельная группа людей, отдельный этнос и человечество в целом.

3. **Картина мира может быть когнитивной и языковой, непосредственной и опосредованной.** Когнитивная картина мира первична по отношению к языковой и значительно объемнее ее. Она может существовать вне языка (ср. миропонимание молотетних детей, глухонемых и т.д.). Языковая картина мира – это опыт, представление, знание людей о мире, облеченные в языковые знаки. Непосредственная картина мира формируется путем прямого отражения мира органами чувств и мышлением человека и в результате познания и изучения реальности социальным или индивидуальным сознанием. Опосредованная картина мира возникает в результате познания информации во вторичных знаковых системах – в языковых кодах, фотографиях, таблицах, в средствах массовой информации, в учебниках и т.д.

4. Языковая картина мира является результатом когнитивной деятельности человека, состоящей из сложных психофизических и мыслительных процессов. В ней отражаются опыт, мировидение и миропонимание отдельного человека, отдельной группы людей, отдельного этноса и всего человечества, облакаясь в языковые формы – в слова, фразеологизмы, пословицы и т. д. В языковой картине мира передаются когнитивные, культурные и социальные характеристики народа, его менталитет и ментальность.

5. **Менталитет** – это способ восприятия мира, мировидения и мировоззрения нации, обусловленного ее когнитивно-психическими и религиозно-этническими характеристиками и социально-историческими, культурно-образовательными и географическими условиями ее существования. С этим понятием связана **идея ментальности**, под которой подразумевается мировосприятие в категориях и формах родного языка, соединяющего интеллектуальные, волевые и духовные качества

национального характера в типичных его свойствах и проявлениях (В.В. Колесов).

6. В когнитивной лингвистике есть еще одно базовое понятие. Это концепт. Термин «концепт» выполняет важную когнитивную функцию. Все когнитивные исследования базируются на этом понятии. Несмотря на то, что в науке нет единого понимания его сущности (концепт называют явлением, единицей или категорией; считают его то лингвокогнитивным явлением, то психолингвистическим явлением, то культурным явлением, то лингвистическим явлением и т.д.), отметим, что когнитивное языкознание совершенно не обходится без этого термина. В самом общем виде **концептом называют когнитивно-семантическое образование, отражающее этнокультурное мировидение, являющееся кирпичиком в национально-языковой картине мира и отражающее знание индивида и этноса о мире.**

7. Концептосфера языка многослойна и многоступенчата. Она организована иерархически. В концептосфере языка можно **различать ядро и периферию**. Ядро поля образуют всеми используемые концепты. Они частотны и без них не может существовать язык как коммуникативное и когнитивное явление. Периферию образуют специальные, функционально ограниченные, используемые в определенных сферах общения концепты. Например, в концептосфере кыргызского языка ядерную позицию занимают бытовые концепты, ближнюю периферию – учебно-образовательные, служебные и другие концепты. А самую дальнюю позицию занимают космические, морские, геодезические и другие концепты.

Даже семантика одного концепта, например концепта *суу* «вода», внутри себя выделяет ядро и периферию. Наиболее типичные его семы образуют ядро, а семы в словах типа *замзам* «вода из святого источника в Мекке», *оор суу* «тяжелая вода» (химический состав тяжелой и дождевой воды резко отличается друг от друга) и *аквариум* (лат. *aquarium* «водоем») «резервуар (от застекленных ящиков и стеклянных банок до крупных бассейнов), приспособленный для содержания, разведения, изучения и демонстрации водных животных и растений», составляют периферию концепта. Однако пренебрегать периферией концепта нельзя. Ядерные и периферийные зоны концепта только вместе образуют его интерпретационно-смысловой слой.

8. Концепт – многослойное и многотипное образование. Его разновидностями являются образы, представления, фреймы, сценарии, схемы, гештальты, пропозиции и когнитемы. **Обобщенные концепты, облакаемые в определенные типовые формулы, называют когнитемами.**

9. Религиозная картина мира – фрагмент общей картины мира человека. Религия и язык тесно связаны друг с другом и на их стыке формируется **религиозно-языковая картина мира.**

Религиозно-языковую картину мира образует совокупность представлений и знаний человека о Творце Вселенной и всего многообразия мира, о высшей абсолютной силе, сотворившей пространство, время и все

сущее, о путях и способах преклонения перед Богом, о божьих законах и духовно-нравственных ценностях, основанных на религиозном учении, а также совокупность слов, выражений, фразеологизмов, афоризмов и других средств языка, используемых в религиозных учениях иудаизма, христианства, ислама, буддизма, даосизма, индуизма и других религий и концептуализирующих религиозное мировидение.

10. В период Советской власти на территории СССР религия определялась как «опиум» народа и подвергалась преследованию. Храмы, церкви, мечети разрушались, священнослужители уничтожались и преследовались. Религиозные обряды и правила соблюдались от случая к случаю. Конфессиональная лексика становилась пассивной. Господствовал атеизм как идеология социализма. В настоящее время атеизм отошел на задний план, проявляет себя скрыто и очень осторожно, увеличивается число мечетей, церквей, синагог и священнослужителей, **активизируется клерикальная лексика в языке.**

11. Специфические черты этнической ментальности хранятся в провербиальном фонде языка. К провербиальным единицам языка мы относим фразеологизмы, речевые формулы, пословицы, поговорки, приметы, проклятия, формулы благодарности, загадки и т.д., в которых глубоко отражаются и кристаллизуются миропонимание и образ мышления этноса. Концепт «провербиальной» вмещает в свою семантику такие когнитивные элементы, как древность, этнокультурная значимость, ценность, общеизвестность, общепринятость, универсальность, эмоциональность и экспрессивность.

Провербиальные средства языка разносторонне отражают этнический менталитет и ментальность, наиболее типичные, общепринятые и общеизвестные представления этноса о мироздании, о человеке и природе, о их Творце, содержат проверенные временем и установленные этносом и человечеством морально-этические ценности.

12. В провербиальном пространстве языка особую значимость имеет **когнитивная единица, представляющая собой обобщенную пропозициональную единицу знания.** Когнитивные единицы бывают разного характера и объема. Когнитивная единица как обобщенный элемент знания чаще всего формируются в составе пословицы, но иногда она по форме и смыслу становится тождественной провербиальной единице.

13. Центральный концепт религиозного мировоззрения – «Бог – Кудай». «Творческая всемогущая сила – Бог – стоит над природой и вне природы. Бытие Бога переживается человеком как откровение. Как откровение человеку дано знать, что душа его бессмертна, что за гробом его ждет вечная жизнь и встреча с Богом» (Философия. Учебник для высших учебных заведений. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 7). Это мнение автора главы проф. В.П. Яковлева, это его личный «концепт» о Боге. Но этот автор забыл, что настоящие представители веры общаются с Создателем непрерывно и совершают богоугодные дела, молитву и все другие обряды не к «встрече с

Богом» после смерти, а постоянно, веря в его бытие, в его созидательную силу, всемогущество, всевидение.

Концепт «Бог - Кудай» встречается в целом ряде провербиальных единиц – в идиомах, поговорках, пословицах, приметах и т.д. В провербиальном тексте концепт приобретают различные нередко противоречивые смыслы.

В работе подвергалось анализу **177 кыргызских и 1250 русских пословиц** с концептом «Бог - Кудай». Но мы не сопоставляем теологические паремийные изречения двух языков и выявляем в них только некоторые общие и специфические черты.

14. Множественность русских и ограниченность кыргызских изречений с концептом «Бог - Кудай» объясняется, во-видимому, следующими факторами:

- 1) многочисленностью/малочисленностью их создателей;
- 2) наличием/отсутствием письменности и письменных источников создания, хранения, распространения провербиальных единиц в прошлом;
- 3) длительностью/недлительностью процесса работы по сбору, регистрации, систематизации и обработке пословично-поговорочных изречений в языке;
- 4) широтой/узостью характера и направления контактов двух этносов с другими народами;
- 5) исторической продолжительностью/непродолжительностью использования провербиальных средств языка в системе образования;
- 6) изученностью/малоизученностью идиом и паремийных фраз в фольклорном, этнокультурологическом и лингвистическом планах;
- 7) человекоподобием/абсолютностью предмета концепта в сознании носителей двух культур (христианский Бог рождается, воскрещается, является троицей, т.е. триединым божеством: Бог-отец, Бог-сын, Бог-дух святой; мусульманский же Бог стоит над миром, вне Вселенной и вечен), ибо о более конкретных явлениях можно больше говорить и рассуждать, чем об абсолютно-идеальных явлениях.

Последнее различие является одной из составляющих социально-исторической и этнокультурной дихотомии «Восток - Запад».

15. В кыргызском теологическом сознании сосуществуют элементы и догматы ислама с реликтами тотемизма, шаманизма, зороастризма и буддизма, до сих пор сохранились культ предков, старых деревьев, пещер, поклонения Солнцу, Луне, огню, воде, ветру, признание духов-хозяев животных, т.е. дорелигиозные верования. Ср. начало афоризма: *койдун пири – Чолпон–Ата, жылкынын пири – Камбар–Ата...* «Бог овцы – Чолпон–Отец, Бог лошади – Камбар–Отец...», где слова *пир* и *ата* приобретают сакрально-теологический смысл.

16. В кыргызском сакраментальном сознании имеют место концепты-теонимы с различной степенью абсолютности, могущества распространённости и обобщённости, допускающие звуковое варьирование и синонимию в употреблении: 1) *Кудай/Кудайым/Кудая/Кудаа/Куда*; 2) *Алла/*

Алда/Аллах/Ылайым; 3) *Теңир*; 4) *Ээ/Эге/Эгэ/Эгеем*; 5) *Жараткан* (эпитет); 6) *көк* «небо, Бог»; 7) *Умай–Эне* «Женщина мать-покровительница», 8) *тир* «покровитель» и др.

Самым частотным наименованием Бога является слово *Кудай*. Наличие многочисленных названий Бога свидетельствует о неоднозначности теологических представлений у кыргызов, хотя в последнее время наблюдается тенденция к большей активизации теонима *Алла/Аллах* под влиянием обучения в медресе и требований арабских миссионеров и спонсоров.

17. В формировании кыргызского теологического сознания большую роль сыграли иранский (*Кудай/Кудайым/Кудая/Кудаа/Куда*), китайско-тюркский (*Теңир/Теңирим*), арабский (*Алла/Алда/Аллах/Иллах/Ылайым*) и собственно тюркский (*Эге/Эгэ/Эгем*) концепты. Почему-то арабское название не употребляется с притяжательным аффиксом первого лица и по отношению к богам других народов не используется (Ср.: *индустардын кудайы* «Бог индусов», но невозможно *индустардын Аллахы*), что говорит, вероятно, о позднем его проникновении в наш язык и меньшей обобщительности его семантики относительно иранского наименования.

Арабское *Алла(х)* встречается в тюркских языках, носители которых приняли ислам. А *Теңир* используется народами, которые в меньшей степени были подвержены исламизации (в казахском, башкирском, кыргызском, каракалпакском и других языках), встречается в теологическом значении в алтайском (*Теңери* – Бог, небо) и якутском (*Таңара* - Бог) языках.

Концепт «Бог» в сознании кыргызского этноса является многослойным и неоднозначным.

В проverbsиальных единицах кыргызского языка они представлены по-разному. Из 177 пословиц 151 пословица имеет в своем составе слово *Кудай*.

18. В кыргызском проverbsиальном пространстве мы обнаружили когнитемы: 1. Бог один, един. 2. Бог – повелитель. 3. Бог – создатель, творец. 4. Бог - заступник. 5. Бог милосерден. 6. Бог справедлив. 7. Бог щедр. 8. Бог не ошибается. 9. Бог дает и забирает. 10. Бог не поддерживает, не помогает. 11. Не все поклоняются Богу и др.

19. Когнитемы в русском проverbsиальном пространстве разнообразнее и богаче, чем в кыргызском. Нами выделены и кратко охарактеризованы когнитемы: 1. Бог управляет миром и человеком 2. Бог создал мир, все живое на земле (Бог - создатель). 3. Бог один, един. 4. С Богом нельзя спорить. 5. Бог свят, а люди грешны 6. Божьим именем клянутся. 7. Все осуществляется по воле Бога. 8. Душа человека отправляется к Богу. 9. Все будут отвечать перед Богом. 10. Бог все видит. 11. Бог мудр и справедлив. 12. Бог на каждого возлагает по силе. 13. Бог благословляет. 14. Бог уберегает. 15. Бог любит праведников. 16. Бог наказывает неправедных 17. У Бога просят благ. 18. Бога просят отвести беду и т.д. Всего определены 64 когнитемы, которые разгруппированы вокруг 21 общей когнитемы.

С учетом распространенности и продуктивности когнитивных в русских теологических пословицах мы определили:

1) ядерную зону, включающую когнитивы *Бог – заступник спаситель* (310 единиц), *Бог – владыка, повелитель всевидящий, всемогущий* (208 единиц), *Бог – любовь* (146 единиц), *Бог – надежда на спасение* (124 единиц) и *Бог – создатель, творец* (94 единицы);

2) ближнюю периферию, состоящую из когнитивов *Смех сквозь слезы* (91 единица), *Бог несправедлив* (62 единицы), *Бог и царь* (39 единиц), *Бог и черт* (35 единиц), *Человек должен надеяться на себя* (28 единиц), *Бог и дурак* (23 единицы), *неудобные Богу и людям* (22 единицы);

3) дальнюю периферию, образуемую когнитивами *Боги* (при язычестве – 9 единиц), *Деньги не Бог, а спасают* (6 единиц), *Дела бога трудно понять* (5 единиц), *Человек бывает неблагодарен Богу* (5 единиц), *«Свой» и «чужой» Бог* (5 единиц), *Бог и народ* (Люди – 5 единиц), *Авось – русский Бог* (5 единиц), *Бог один для всех* (4 единицы), *«Русский» Бог* (4 единицы), *Бог как образ* (икона – 4 единицы).

20. Нами был проведен ассоциативный эксперимент. В нем участвовали 170 студентов 4-5го курсов факультета русской филологии Жалал-Адабского государственного университета. Им предлагалось ответить на 2 вопроса: 1. Какие ассоциации вызывает у вас слово *Бог*? 2. В каком образе вы представляете Бога?

Результаты эксперимента подтвердили нашу гипотезу о полевоом строении когнитива с концептом «Бог». Наиболее частотными оказались ответы студентов, близкие к выделенным нами ядерным когнитивам, менее частотными – все остальные.

21. Концепт «Бог - Кудай» является центральным в кыргызской и русской религиозно-языковых картинах мира.

Список использованной литературы

1. Абдулатов, А. А. Паремияларды когнитивдик-педагогикалык максатта сыпаттоонун айрым проблемалары [Текст] /А.А.Абдулатов. – Ош: Б.и., - 2006. - 149 б.
2. Абдулатов, А.А. Кыргыз паремияларынын түрлөрү, түзүлүшү жана педагогикалык максатта колдонулушу [Текст] /А.А.Абдулатов, К.Зулпукаров, М.Малабаева // Эл агартуу. – 2002. - № 3-4. - 58-66 бб.
3. Абрамова, В.П. Семантические поля русского языка [Текст]: моногр. /В.П.Абрамова. - М.; Краснодар: Акад. пед. и соц. наук РФ, 2003.- 338 с.
4. Аверинцев, С.С. Христианство [Текст]: энцикл. словарь в 3 т. / С.С.Аверинцев; редкол.: А.Н. Мешков, Ю.Н. Попов. – М.: Большая Рос. энцикл., 1993 – 1995. - Т. 1.: А - К. - 1993. – 861с.; Т. 2: Л - С. - 1995. – 670 с.; Т. 3: Т - Я. - 1995. – 781с.
5. Алаудин Мансур. Курани карим: кыргызча котормосу жана мааниси [Текст] /Алаудин Мансур. – Бишкек: «Эркин - Тоо», 2001. - 535 б.
6. Акмолдоева, Ш.Б. Древнекыргызская модель мира (на материалах эпоса «Манас») [Текст] /Ш.Б.Акмолдоева. – Бишкек: Илим, 1996.- 220 с.
7. Апресян, Ю.Д. Избранные труды [Текст] /Ю.Д.Апресян; 2-е изд., испр. и доп. - М.: Языки рус. культуры, 1995. - Т.1: Лексическая семантика (синонимические средства языка). - 464 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой «картины мира») [Текст] /Н.Д.Арутюнова // Вопр. языкознания. – 1987. - № 3. – С. 3-11.
9. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Культурные концепты [Текст] /Н.Д.Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – 204 с.
10. Алексеев, Е. А. Способы выражения символических представлений в разные исторические периоды [Текст] /Е.А.Алексеев // Язык, познание, культура на современном этапе развития общества: Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. Европейскому году языков. – Саратов, 2001. - С.41-42.
11. Алещенко, Е.И. Этноязыковая картина мира в текстах русского фольклора (на материале народной сказки) [Текст] /Е.И.Алещенко. - Волгоград: Перемена, 2008. - 289 с.
12. Аничков, И. Е. Идиоматика и семантика (заметки, представленные А. Мейе, 1927) [Текст] /И.Е.Аничков // Вопр. языкознания. – 1992. - № 5. – С.140-150.
13. Антонов, Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка [Текст] /Н.К.Антонов. – Якутск: Якут. кн. изд., 1971. - 175 с.
14. Аскольдов, С. А. Концепт и слово [Текст] /С.А.Аскольдов // Рус. словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. - М., 1997. – С.267-279.
15. Ашукин, Н.С. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения [Текст] /Н.С.Ашукин, М.Г.Ашукина. – М.: Худож. лит., 1966. – 824 с.
16. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка [Текст] /А.П.Бабушкин. - Воронеж: Изд-во АГУ, 1996. - 104 с.

17. Бакиева, Г.А. Социальная память и современность [Текст] /Г.А.Бакиева. – Бишкек: Илим, 2000. – 231 с.
18. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной лингвистики [Текст] /А.Н.Баранов, Д.О.Добровольский // Изд. РАН. Сер. лит. и языка. - 1997. - Т. 56. - № 1.- С.27-34.
19. Баранов, А.Н. Аспекты теории фразеологии [Текст] / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
20. Барли, Н. Структурный подход к пословице и максиме [Текст] /Н.Барли // Паремнологические исследования. - М., 1984.- С.127-149.
21. Блок, М. Апология истории [Текст] /М.Блок. - М.: Наука, 1973. – 232 с.
22. Болдырев, Н.Н Когнитивная лингвистика [Текст] /Н.Н.Болдырев. - Тамбов: ТГУ, 2001. – 123 с.
23. Бондарко, А. В. Функциональная грамматика [Текст] /А.В.Бондарко. - Л.: Наука, 1984. – 136 с.
24. Большой англо-русский словарь [Текст]: в 2 т. /под общ. рук. И. Р. Гальперина. - М.: Ренессанс, 1992. - Т. 2. – 863 с.
25. Булыгина, Е. Ю. Религиозная лексика: лексикографическая интерпретация идеологической семантики [Текст] /Е.Ю.Булыгина,
26. Т.А.Трипольская //Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Тр. гуманитарного фак. НГУ. - Новосибирск, 2007. – Вып.10. – С. 122-134.
27. Бунеева, Н. Л. Прагматические аспекты пословиц английского языка [Текст]: дис. ... канд. филол. наук /Н.Л.Бунеева. – М., 2001. -229 с.
28. Бердяев, Н. А. Русская идея [Текст] /Н.А.Бердяев // О России и русской философской культуре. - М., 1990. – С. 44-45.
29. Беккер, Г. Современная социологическая теория в её преемственности и изменении [Текст] /Г.Беккер, А.Босков. - М.: Наука, 1961. - 896 с.
30. Валиханов, Ч.Ч. Тенкри (бог) [Текст] /Ч.Ч.Валиханов // Собр. соч. в 5 т. – Алма-Ата, 1984. –Т. 1. – С.208-215.
31. Валиханов, Ч.Ч. Следы шаманства у киргизов [Текст] /Ч.Ч.Валиханов // Собр. соч. в 5 т. – Алма-Ата, 1985. – Т.4. – С.48-50.
32. Васильев, Л. М. Теория семантических полей [Текст] /Л.М.Васильев //Вопр. языкознания. - 1971. - № 5. – С.105-113.
33. Вассоевич, А.Я. Духовный мир народов классического Востока [Текст] /А.Я.Вассоевич. – СПб, 1998. – 537 с.
34. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] /А. Вежбицкая. – М.: «Рус. сл.», 1997. – 416 с.
35. Воркачев, С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании [Текст] /С.Г.Воркачев //Коммуникативные исследования 2003: Современная антология. - Волгоград, 2003. – С.189-208.
36. Воробьев, В. В. К понятию поля в лингвокультурологии [Текст] /В.В.Воробьев. - М.: Наука, 2000. – 330 с.
37. Гадомский, А. К. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии [Текст] /А.К.Гадомский //Культура народов Причерноморья. - 2004. – Т.1. - № 49. – С. 164-167.

38. Гачев, Г. Д. «Космо-Психо-Логос» [Текст] /Г.Д.Гачев. - М.: Прогресс, 1995. – 480 с.
39. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира [Текст] /Г.Д.Гачев. – М.: Наука, 1988. - 445 с.
40. Гачев, Г.Д. Ментальность или национальный космопсихологос [Текст] /Г.Д.Гачев // Вопр. философии. - 1994. - № 1. – С.25-29.
41. Гак, Г. Этимолого-семантические поля в лексике [Текст] /Г.Гак //Филол. сб. (к 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова). - М. , 1995. – С. 107-118.
42. Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового образа существования [Текст] /Б.М.Гаспаров. - М.: Новое лит. обозрение, 1996. – 352 с.
43. Гетц, Г. В. Изучение ментальностей: взгляд из Германии [Текст] /Г.Гетц // Споры о главном: сб. ст. – М., 1993. – С.58-64.
44. Гнедаш, С. И. Провербиальные трансформанты в функциональном стиле прессы и публицистики: На материале немецкоязычной печати ФРГ [Текст] /С.И.Гнедаш . – М. : Наука, 2005. – 189 с.
45. Грозный, Б. Доисторические судьбы Передней Азии [Текст] /Б.Грозный //Вестн. древней истории. – М., 1940. - № 3/4. – С.24-45.
46. Гынгазова, Л. Г. Картина мира языковой личности диалектоносителя: наивная религия [Текст] /Л.Г.Гынгазова // Язык и общество в синхронии и диахронии. — Саратов, 2005. – С.158-165.
47. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры [Текст] /В.Гумбольдт. –М.: Прогресс, 1985. – 451с.
48. Гуревич, А.Я. Исторический синтез в школе "Анналов" [Текст] /А.Я.Гуревич. - М.: Индрик, 1993. – 328 с.
49. Дамбуева, П. П. Этнокультурная концептология и современные направления лингвистики [Текст] /П.П.Дамбуева. - Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008.- Ч.2. – 244 с.
50. Данилова, Л. В. Менталитет и политическое развитие России [Текст]/ Л. В. Данилова, В. П. Данилов //тез. докл. науч. конф. – М.: Ин-т Рос. истории РАН, 1996. – 150 с.
51. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4 т. /В.И.Даль. — М.: ТЕРРА, 1995. – Т.1. – 800 с.; Т.2. – 779 с.; Т.3. – 555 с.; Т.4. – 683 с.
52. Дербишева, З.К. Этноязыковое своеобразие концепта «движение» в русском, английском и киргизском языках [Текст] /З.К.Дербишева //Рус. яз. за рубежом. – 2009. - № 4. – С. 81-86.
53. Дербишева, З.К. Ключевые концепты киргизской лингвистики [Текст]: моногр. /З.К.Дербишева. – Бишкек: Б.и., 2012. – 176 с.
54. Дербишева, З.К. Кыргызский этнос в зеркале языка [Текст]: моногр. /З.К.Дербишева. - Бишкек: «Plus», 2012. - 404 с.
55. Дмитриева, О. С. Понятие цвета в языковой картине мира [Текст] /О.С.Дмитриева // Картина мира: модели, методы, концепты / под общ. ред. проф. З. И. Резановой. — Томск, 2002. - С.101-105.

56. Древнетюркский словарь. (ДТС) [Текст] /В.М. Надеяев, Д.М. Насилов, Э.Р.Тенишев и др. - Л.: Наука, 1969. - 544 с.
57. Дрофа, Л. И. Ключевые понятия когнитивной лингвистики [Текст] /Л.И.Дрофа. – Ош: Б.и., 2009. - 98 с.
58. Дубов, И. Г. Ментальность россиян [Текст] /И.Г.Дубов, А.В.Петровский. - М.: Имидж-Контакт, 1997. – 474 с.
59. Дубов, И. Г. Феномен менталитета: психологический анализ [Текст] /И.Г.Дубов // Вопр. психологии. – 1993. - № 4. - С.20-29.
60. Душенко, К.В. Словарь современных цитат: 4300 ходячих цитат и выражений XX века [Текст] /К.В.Душенко. – М.: Аграф, 1997. - 628 с.
61. Елисеева, О. В. «Когнитивный аспект символического компонента в структуре концептов БОГ и ДЬЯВОЛ в русской, французской и английской лингвокультурах» [Текст]: автореф. дис.... канд. филол. наук /О.В.Елисеева. – Саратов, 2008. – 24 с.
62. Жапанов, А. Афоризмдер [Текст]: 2 т. /А.Жапанов. – Бишкек: Турар, 2011. – 1-т. – 210 с.
63. Жуков, К.А. Языковое воплощение концепта «труд» в пословичной картине мира [Текст]: дис. ... канд. филол. наук /К.А.Жуков. - Великий Новгород, 2004. - 24 с.
64. Жуматаева, В.С. Религиозные представления кыргызов в эпосе «Манас» [Текст] /В.С.Жуматаева // Эпос "Манас" как историко-этнографический источник. Тезисы межд. Научн. симпозиума, посвященного 1000-летию эпоса "Манас". - Бишкек, 1995. - С. 177-178
65. Залевская, А. А. Концепт как достояние индивида [Текст] /А.А.Залевская // Психолингвистические исследования слова и текста: сб. науч. тр. – Тверь, 2002. – С.5-18.
66. Зубкова, Е. Ю.. Ментальное измерение истории: поиски метода (вместо введения) [Текст] /Е.Ю.Зубкова, А.И.Купрянов // Вопр. истории. – 1995. - № 7. – С.153-160.
67. Зулпукаров, К.К. О предмете лингвопаремиологии [Текст]: сб. науч. тр. фак. рус. филол. Ошск. гос. ун-та /К.К.Зулпукаров. – Ош: ДиПолиграфия. - 2011. - Вып. 3. С. 3-12.
68. Зулпукаров, К.З.. Паремиология жана негативдүү магиялык формулалардын паремикадагы орду [Текст] /К.З.Зулпукаров, А.А.Абдулатов, М.А.Малабаев // Эл агартуу. – 2002. - № 7/8. – С. 54-62.
69. Зулпукаров, К.З. Бата салтын үйрөнүүгө арзыйт. Паремиологиялык этюддардан [Текст] /К.З.Зулпукаров, А.А.Абдулатов, М.А.Малабаев //Эл агартуу. – 2002. - № 3/4. – С. 58-66.
70. Зулпукаров, К.З., Эргешова С.Б. Менталитет жана паремиялык дүйнө сүрөтү жөнүндө [Текст] /К.З.Зулпукаров, С.Б.Эргешова // Ош мамл. ун–тинин жарчысы. – Ош, 2009. - № 6. – С. 42-46.
71. Иванова, Е.В. Мир в русских и английских пословицах [Текст] /Е.В.Иванова. – СПб.: Изд-во с.-петерб. ун-та, 2006. – 280 с.
72. Ибрагимов, М. Кыргыз макал, лакап, учкул сөздөр [Текст] /М.Ибрагимов. – Бишкек: Б-сыз, 2008 - 640 б.

73. Ибрагимов, С. Лингвокультурология – тилдик маданият таануу [Текст] /С.Ибрагимов. – Бишкек: Б-сыз, 2004. – 118 б.
74. Ильин, И. А. Собрание сочинений [Текст]: 6 т. (в 3 кн.) /И.А.Ильин. - М.: Рус. кн., 1997. - Т. 2. - 672 с.
75. Исмаилов, А. Ыйык куран маанилеринин кыргызча котормосу [Текст] /А.Исмаилов, Д.Абдылдаев. – Бишкек: Б-сыз, 2006. - 604 б.
76. Исаков, Б. Диний ырлардын көркөмдүк табияты [Текст] /Б.Исаков. – Бишкек: Манастаануу жана көркөм маданияттын улуттук борбору, 2003. - 136 б.
77. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография [Текст] /Ю.Н.Караулов. - М.: Наука, 1976. – 355 с.
78. Карасик, В. И. Языковые концепты как измерения культуры (субкатегориальный кластер темпоральности) [Текст] /В.И.Карасик //Концепты. – Архангельск, 1997. – Вып. 2. – С. 154-171.
79. Карасаев, Х. Накыл сөздөр. Тил казынасынан [Текст] /Х.Карасаев. – Бишкек: Шам, 1995. – 500 б.
80. Касевич, В.Б. Буддизм: картина мира, язык [Текст] /В.Б.Касевич. – СПб. 1996. – 103 с.
81. Колесов, В. В. Философия русского слова [Текст] /В.В.Колесов. - СПб.: ЮНА, 2002. - 448 с.
82. Колесов, В. В. Ментальные характеристики русского слова в Короленко Р.А.Концепт GOD в современной англосаксонской культуре [Текст] /В.В.Колесов // «Россия и Запад: диалог культур». — М., 2004. — Вып. 12. — Ч. 1.- С. 314.
83. Колесов, В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции [Текст] /В.В.Колесов. - М. : Наука, 1995. - 136 с.
84. Колесов, В. В. Русская ментальность в языке и тексте [Текст] /В.В.Колесов. – СПб.: Петерб. Востоковедение, 2006. - 624 с.
85. Кондаков, И. В. Введение в историю русской культуры [Текст] /И.В.Кондаков. - М.: Аспект Пресс, 1997. - 559 с.
86. Короленко, Р.А. Концепт GOD в современной англосаксонской культуре [Текст] /Р.А.Короленко // «Россия и Запад: диалог культур». — М., 2004. — Вып. 12. — Ч. 1.- С. 307-314.
87. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов [Текст] /О.А.Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
88. Кравченко, А. В. Когнитивная лингвистика сегодня интеграционные процессы и проблема метода [Текст] /А.В.Кравченко // Вопр. когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1. – С.37-52.
89. Красавский, И. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах [Текст] /И.А.Красавский. - М.: Гнозис, 2008. – 318 с.
90. Красных, В.В. Строение языкового сознания: фрейм – структуры[Текст] /В.В.Красных // Когнитивная семантика. - Тамбов, 2003. - Ч.1. – С.53-55.
91. Крысин, Л.П. Толковый словарь иностранных слов [Текст] /Л.П.Крысин. - М.: Изд-во рус. яз., 2001. – 152 с.

92. Крысин, Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка [Текст] /Л.П.Крысин // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. – С.135-138.
93. Крюкова, Г. А. Ключевые концепты современной публицистики [Текст] /Г.А.Крюкова. - СПб., 2007. – 252 с.
94. Кубрякова, Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука [Текст] /Е.С.Кубрякова // Вопр. языкознания. – 1994. - № 4. – С.26-34.
95. Кубряков, Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике... [Текст] /Е.С.Кубряков // Изв. АН. - М., 1999. - Сер. лит. и яз. - Т. 58. - № 5/ 6.- С.3-12.
96. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов [КСКТ] [Текст] /Е.С.Кубрякова. - М: Изд-во МГУ, 1997. – 330 с.
97. Кубрякова, Е. С. Обеспечение внутренней деятельности и проблемы внутреннего лексикона. Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи [Текст] /Е.С.Кубрякова. - М.: Наука, 1991. – 239 с.
98. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] /Е.С.Кубрякова. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 560 с.
99. Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка [Текст] /А.В.Кунин. - М.: Междунар. отношения, 1972. - 251с.
100. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка [Текст] /С.А.Кузнецов. - М.: Изд. Норинт, 2002. - 533 с.
101. Кузнецова, Э. В «Язык в свете системного подхода» и другие её работы [Текст] /Э.В.Кузнецова. – Свердловск, 1983. - 96 с.
102. Кууси, П Антропологическая проблематика как центральная проблема в русской религиозной ... [Текст]/ П. Кууси. - М., 1972. - 35 с.
103. Кюрегян, А.П. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского провербиального кода [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук /А.П.Кюрегян. – Самара, 2008. - 22 с.
104. Лазариди, М.И. Психические состояния в полевого описании: номинативно-функциональный аспект [Текст]: моногр. /М.И.Лазариди. – Бишкек: Б.и., 2011. – 356 с.
105. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов [Текст] / Дж. Лакофф; пер. с англ. Р.И. Розиной // Новое в зарубежной лингвистике.- М., 1988.- Вып. 23. – С.5-11.
106. Левин, Ю.И. Провербиальное пространство [Текст] /Ю.И.Левин //Паремиологические исследования: сб. ст. - М., 1984. – С.108-126.
107. Леонтьев, А. Н. Лекции по общей психологии [Текст] /А.Н.Леонтьев; под ред. Д. А. Леонтьева, Е. Е. Соколовой. - М.: Смысл, 2001. – 511 с.
108. Лингвистический энциклопедический словарь [ЛЭС] [Текст] /под ред. В. Н. Ярцевой. - М.: Сов. энцикл., 1990.- 685 с.
109. Листрова-Правда, Ю.Т. Концепт Бог в языковом сознании русского народа [Текст] /Ю.Т.Листрова-Правда // Методологические проблемы когнитивной

- лингвистики: науч. изд. / под. ред. И.А.Стернина. – Воронеж, 2001. – С.93-102.
110. Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] /Д.С.Лихачев // Рус. словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. - М., 1997. – С.280-287.
111. Маркелова, Е. В. Когнитивно - семантическая структура имен деятельности (на материале русских пословиц о труде и лени) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук /Е.В.Маркелова. – Новосибирск, 2004. – 22 с.
112. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст] /В.А.Маслова. - М: Тетра Системс, 2002. – 256 с.
113. Мелетинский, Е.М. Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык сөздүгү [Текст] / отв. ред. Е.М.Мелетинский. – Бишкек, 2010. – 210 с.
114. Михайлова, Ю.Н. Об эволюции лексикографического представления концепта [Текст] /Ю.Н.Михайлова // Изв. Урал. гос. ун-та. - 2003. - № 28. – С.181-191.
115. Михайлова, Ю. Н. Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук /Ю.Н.Михайлова. - Екатеринбург, 2004. - 24 с.
116. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии [Текст] /М.И.Михельсон. - СПб., 1912. – 830 с.
117. Молдобаев, И.Б. Эпос «Манас» как источник изучения духовной культуры киргизского народа [Текст] /И.Б.Молдобаев. – Фрунзе: Илим, 1989.- 148 с.
118. Мукасов, М. Дин жана арман ырлары [Текст] /М.Мукасов. – Бишкек: Манастаануу жана көркөм маданияттын улуттук борбору, 2001.- 140 б.
119. Мусаев, К.М. Представление тюрков о небе и небесных явлениях [Текст] /К.М.Мусаев // Сравнительно-историческая грамматика тюрк. языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М., 2006. – С.12-41.
120. Мусаев, К.М. Проблемы перевода библейских имен Бога (на материале тюркских языков [Текст] /К.М.Мусаев //Перевод Библии: Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты. – М. , 1996. – С.157-182.
121. Никитина, С.Е. О концептуальном анализе в народной культуре [Текст] /С.Е.Никитина //Логический анализ языка. Культурные концепты / под ред. Н.Д. Арутюновой. - М., 1991.- С.117-123.
122. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст]: практ. справ. /С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. - М.: Изд-во "Рус. яз.", 2001.- 568 с.
123. Осипов, Г. В. Современный мир и религия [Текст] /Г.В.Осипов, Ж.Т.Тощенко //Вопр. философии. - 2007.- № 6. – С.3-16.
124. Осмонова, Ж. Кыргыз тилинин фразеологиясы [Текст] /Ж.Осмонова. - Каракол, 2007. – 178 б.
125. Павилёнис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка [Текст] /Р.И.Павилёнис. - М.: Мысль, 1986. – 392 с.
126. Палтин, И.К. Национальный менталитет и история России [Текст] /И.К.Палтин // Вопр. философии. - 1994. - № 1.- С.29-33.

127. Пермяков, Г. Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда [Текст] /Г.Л.Пермяков // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. - М.: Наука, 1975. – С.247-274.
128. Пекарский, Э.К. Словарь якутского языка [Текст]: в 3 т./Э.К.Пекарский. – Л.: АН СССР, 2008. - Т. 3: вып. 10-13. – 3858 с.
129. Петраков, А. А. Менталитет: благо или наказание? [Текст]/А.А.Петраков, А.А.Разин // Менталитет: широкий и узкий план рассмотрения. – Ижевск, 1994. – С.5-20.
130. Попова, З. Д. Язык и национальная картина мира [Текст] /З.Д.Попова, И.А.Стернин. - Воронеж: Истлей, 2003.- 259 с.
131. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика [Текст] /З.Д.Попова, И.А.Стернин. – М.:АСТ. Астрель, 2010. – 314 с.
132. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] /З.Д. Попова, И.А. Стернин. - Воронеж: ВГУ, 1999. – 296 с.
133. Попова, З. Д. Лексическая система языка [Текст]: коллективная моногр. воронежских ученых /З.Д.Попова, И.А.Стернин. - Воронеж: Наука, 2001. – 215 с.
134. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике [Текст] /З.Д.Попова, И.А.Стернин. - Воронеж: ВГУ, 2001. - 191с.
135. Попова, З. Д. Полевые структуры в системе языка [Текст] /З.Д.Попова, И.А.Стернин, Е.И.Беляева. – Воронеж: ВГУ, 1989. – 196 с.
136. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] /В.И.Постовалова //Человеческий фактор в языке: язык и картина мира. - М., 1988. – С.8-69.
137. Проскурин, С.Б. Очерки исторического мира индоевропейцев: Концептуальные структуры, коды и тексты [Текст] /С.Б.Проскурин. – Новосибирск.: Б.и., 1998. -135 с.
138. Просяник, О. П. Структура знака в концепции «нового» [Текст] /О.П.Просяник. - М, 2010. – 220 с.
139. Пушкарев, Л. Н. Что такое менталитет? Историографические заметки [Текст] /Л.Н.Пушкарев // Отечественная история. - М., 1995. - № 3. – С.158-166.
140. Пушкарев, Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории [Текст] /Л.Н.Пушкарев. - М.: Наука, 1996. – 282 с.
141. Ревель, Ж. История ментальностей: опыт обзора [Текст] /Ж.Ревель //Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг фр. шк. «Анналов». - М., 1993. – С.51-58.
142. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике [Текст] /П. Рикер. – М.: «Медиум», 2008. – 416 с.
143. Рудакова, А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика [Текст] /А.В.Рудакова. - Воронеж: Изд-во Алт. ун-та, , 2002. – 222 с.
144. Руднев, В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века [Текст] /В.П.Руднев. - М: Аграф, 2001. – 175 с.
145. Селиванова, Е. А. Когнитивная ономазиология [Текст]: моногр. /Е.А.Селиванова. – Киев: Фитосоциоцентр, 2000. – 248 с.

146. Сергеев, А. Е. Бог и человек в русском религиозно-философском дискурсе [Текст] /А.Е.Сергеев. - СПб.: Наука. Сага, 2002. – 188 с.
147. Скляревская, Г. Н. Словарь православной церковной культуры [Текст] /Г.Н.Скляревская. - СПб., 2000. – 280 с.
148. Скребцова, Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики [Текст] /Т.Г.Скребцова. – СПб: Анатолия, 2000. - 204 с.
149. Советский энциклопедический словарь [Текст] /под ред. А. М. Прохорова. – М.: Сов. энцикл., 1985. – 1113 с.
150. Солодуб, Ю. Н. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистического исследования [Текст] /Ю.Н.Солодуб // Филол. науки: НДВШ. – 1990. - № 6. – С.55-65.
151. Сорокин, П. А. Главные тенденции нашего времени [Текст] /П.А.Сорокин. – М.: Наука, 1997. - 234 с.
152. Степанов. Константы: словарь русской культуры [Текст] /Степанов. - М.: Академ. проект, 2001. – 990 с.
153. Степанов, Ю. С. В трёхмерном пространстве языка [Текст] /Ю.С.Степанов. - М.: Наука, 1985.- 335 с.
154. Тагаев, М. Дж. Когнитивные подходы к лингвистическому описанию русского словообразования в учебных целях [Текст] /Дж.М.Тагаев //Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты. – Бийск, 2004. - Т.2. – С. 113-121.
155. Тадинова Р.А., Эмба З.Н. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка [Текст] / Р.А. Тадинова, З.Н. Эмба – М: Наука, 2006. – 908 с.
156. Тайлор, Э. Первобытная культура [Текст] /Э.Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
157. Тарланов, З.К. Язык. Этнос. Время: Очерки по русскому и общему языкознанию [Текст] /З.К.Тарланов. - Петрозаводск: ПетрГУ, 1993. - 224с.
158. Татаринцев, Б.И. Этимологический словарь тувинского языка [Текст] /Б.И.Татаринцев. – Новосибирск: Наука, 2000. – Т. I: А – Б. – 440 с.
159. Телия, В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический, культурологический аспекты [Текст] /В.Н.Телия. - М.: Языки рус. культуры, 1996. - 288 с.
160. Тенишев, Э.Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка [Текст] /Э.Р.Тенишев, Г.Ф.Благова, И.Г.Добродомов и др. – М.: Наука, 2006. – 908 с.
161. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст]: учеб. пособие /С.Г.Тер-Минасова. - М.: Слово/ Слово, 2000. – 624 с.
162. Толковый словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. - М.: Рус. сл., 1995. – Т.1: А-К. - 844; Т.2: Л-О. – 523 с.; Т.3: П-Р. – 714 с.; Т.4: С-Я. – 754 с.
163. Топоров, В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ [Текст] /В.Н.Топоров. – М.: Прогресс-Культура, 1995. – 624 с.

164. Трир, Г. Антропологическое исследование явления реверсивности в специальном поле. 1931. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nauka-shop.com. Филология.
165. Турдуев, К. Т. Функционально-семантическое поле генетивности в русском и кыргызском языках [Текст] /К.Т.Турдуев. – Бишкек: Б.и., 2004. – 162 с.
166. Гаджиева, Н.З. Тюркские языки [Текст] /Н.З.Гаджиева //Лингвист. энцикл. сл. - М., 1990. – С.527-529.
167. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка [Текст] /А.А.Уфимцева. - М.: Наука, 1968. – 272 с.
168. Фесенко, Т. А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук /Т.А.Фесенко. – М., 1999. – 46 с.
169. Филд, Д. История менталитета в зарубежной исторической литературе [Текст] /Д.Филд // Менталитет и аграрное развитие России (19-20вв). - М., 1996. – С. 7-21.
170. Фрейд, З. Моисей и монотеизм [Текст] /З.Фрейд. - М.: Азбука-Классика, 2010. – 192 с.
171. Фрумкина, Р. М. Концепт, категория, прототип. Лингвистическая экстралингвистическая семантика [Текст] /Р.М.Фрумкина. - М.: Наука, 1992. – 95 с.
172. Фрумкина, Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога [Текст] /Р.М.Фрумкина // Науч.-техн. инфор. (НТИ). - 1992. Сер. 2. - № 3. – С.1-7.
173. Фрумкина, Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? [Текст] /Р.М.Фрумкина // Язык и наука конца XX века: сб. ст. - М., 1995. – С.74-117.
174. Фрумкина, Р. М. Лингвист как познающая личность [Текст] /Р.М.Фрумкина // Язык и когнитивная деятельность. - М., 1989. – С.38-46.
175. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук [Текст] /М.Фуко. - СПб., 1994. – 112 с.
176. Холодная, М. А. Интегральные структуры понятийного мышления [Текст] /М.А.Холодная. - Томск: ТГУ, 1983. - 190 с.
177. Цыпин, В. История Русской православной церкви. 1917-1990 [Текст]: учеб. для православных духовных семинарий /В.Цыпин. - М.: Изд. дом Хроника, 1994. – 252 с.
178. Цыпин, В. История Русской церкви. 1917-1997 [Текст] /В.Цыпин. - М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1999. – 697 с.
179. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст]: в 2 т. /П.Я.Черных. - М.: Рус. яз. , 1994. - Т. 1. – 623 с.; Т. 2. – 560 с.
180. Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. - М.: Просвещение. - 1967. – 192 с.
181. Шанский, Н.М. В мире слов [Текст] /Н.М.Шанский. - М.: Просвещение, 1985. – 254 с.

182. Шаховский, В. И. Национально-культурная специфика концепта «обман» во фразеологическом аспекте [Текст] /В.И.Шаховский, Н.Н.Панченко // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н.Телия. М., 1999. – С.283-288.
183. Шейман, Л.А. Пушкин и его современники: Восток – Запад [Текст] /А.Л.Шейман, Г.У.Соронкулов. – Бишкек: Б.и., 2000. – 415 с.
184. Щур, Г. С. Теория поля в лингвистике [Текст] /Г.С.Щур. - М.: Наука, 1974. - 256 с.
185. Элиаде, М. Шаманизм. Архаические техники экстаза [Текст] /М. Элиаде. – Киев: изд. София, 2000. – 480 с.
- 186.Эргешова, С.Б. «Паремияларда антонимдик концепттер аркылуу тилдик дүйнө сүрөтүнүн жана менталдык пропозициянын берилиши»[Текст]: автореф дис... канд. филол. наук /С.Б.Эргешова. – Бишкек, 2010. -19 б.
- 187.Эргешова, С.Б. Паремия жана анын белгилери [Текст]:сб. науч. тр.фак. рус. филол. Ошск. гос. ун-та /С.Б.Эргешова. – Ош, 2007. – Вып.1. – С. 33-37.
188. Юдахин, К.К. Киргизско-русский словарь [Текст] /К.К.Юдахин. - М.: Сов. энцикл., 1985. - 978 с.
- 189.Юнг, К.Г. Алхимия снов [Текст] /К.Г.Юнг. - СПб.: "Тимоти", 1997. – 352 с

ГЛОССАРИЙ

Антропологистика состоит из двух частей: anthropos(гр.) - человек и linguistique(фр.) < лат. Lingua - язык, т. е. языкознание) означает науку о человеческом языке, которая изучает развитие и функционирование языка в обществе; система, включающая в себя все знания о языке, связанные с особенностями психологической природы человека, его познавательной, коммуникативной и деятельностно-созидательной способностью.

Внутреннюю форму пословицы можно определить как буквальное значение пословицы, непосредственно выводимое из значений составляющих ее компонентов и связей между ними, в его соотношении со значением пословицы. В рамках когнитивного подхода **внутренняя форма** - это некий отрезок знания о мире, что позволяет говорить о когнитивном уровне внутренней формы пословицы.

Геишталты - «структуры, используемые в процессах - языковых, мыслительных, перцептуальных, моторных или других» [Лакофф Дж., 1981: 360]. **Геишталты** - уникальные структуры, с помощью которых организованы мысли, восприятия, эмоции, процессы познания, моторная деятельность и язык... [Караулов, 2007: 191].

Гипотеза «лингвистической относительности» - в основе данной гипотезы лежит убеждение в том, что люди видят мир по-разному – сквозь призму своего родного языка.

Гипероним – концепт, отражающий предельно обобщенные, генерализованные образы тех или иных предметов в результате огромного количества разновидностей отражаемого объекта.

Гипоним – концепт, отражающий более частное понятие, являющееся подвидом по отношению к более общему, родовому понятию.

Доминанта поля (языкового, семантического, концептуального) - основная господствующая идея, отражающая определенное смысловое содержание.

Инсайт – упакованная в слове информация о конструкции, внутреннем устройстве или функциональной предназначенности предмета.

Картина мира - в настоящее время это устоявшийся термин, принятый в гуманитарных науках для обозначения сложившихся представлений, ощущений, знаний, понимания и восприятия человеком всего глобального мира, Вселенной, в которой он (человек) существует, мир (пространство, время), с которым он взаимодействует.

Когнитивная деятельность - формирующаяся одновременно с развитием человеческого общества познавательно-аналитическая деятельность человека.

Когнитивная лингвистика - научное направление современного языкознания, рассматривающее язык «как когнитивный механизм, инструмент - систему знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании)

и в трансформировании информации» [КСКТ, 1997:53].

Когнитема – это разновидность концепта, обобщенно отражающая представления, знания людей о предметах и явлениях окружающего мира.

Концепт - ментальная единица, отражающая знания и опыт человека. Концепт может быть представлен словом, словосочетанием, предложением и другими формами.

«Концепт – это семантическое образование, отмеченное лингвокультурной спецификой и тем или иным образом характеризующее носителей определенной этнокультуры. Концепт, отражая этническое мировидение, маркирует этническую языковую картину мира и является кирпичиком для строительства «дома бытия» (по Хайдегеру). Но в то же время - это некий квант знания, отражающий содержание всей человеческой деятельности. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека (по Лихачёву). Он окружён эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом» [Маслова, 2004: 36].

Концепт-минимум включает минимальный набор признаков, необходимый для опознавания сущности и понимания значения слова, ее обозначающего [Фрумкина, 1989:43].

Концепт-максимум - это всё значение о сущности, доступное рядовому носителю языка, полное владение значением слова [Фрумкина, 1989: 43].

Концептуальное поле - понятийно-содержательное поле конкретного концепта на ментально-когнитивном уровне.

Лакуны - отсутствие каких-либо понятий в том или ином языке.

Менталитет - наивно-целостная картина мира в его ценностных ориентирах, существующая длительное время независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и воспитания и представляет собой часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования» [Колесов В. В., 2006: 11].

Ментальность - национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определенной обстановке [Колесов В. В., 2006: 12-13].

Мыслительная критика – более развернутый, конкретизированный образ.

Непосредственная картина мира - результат отражения мира органами чувств и мышлением человека окружающей действительности; результат познания и изучения мира общественным и индивидуальным сознанием.

Образы восприятия - наиболее типичные и чаще всего употребляющиеся элементы *промежуточного языка*, которые возникают как отражение в сознании реальных предметов, действий и событий.

Образ – представление – обобщенный чувственно-наглядный образ предмета или явления.

Опосредованная картина мира - результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материал изуют, «овнешняют» существующую в сознании непосредственную картину мира; материализованная знаковыми системами (языковым кодом), вербализованная картина мира.

Периферия концептуального поля - система смежных слов - понятий вторичной семантической функции, связанных с основными и реализующих семантику данного поля в контекстуальных условиях.

Провербальный – обозначение совокупности семантических отношений, реализованных пословицами.

Промежуточный язык - язык мысли, язык интеллекта. *Н. И. Жинкин* употреблял для обозначения промежуточного языка такие разные термины, как «смешанный код», внутренняя речь, *универсальный предметный код* (УПК), «язык внутренней речи», «внутренний, субъективный язык», «изобразительный язык внутренней речи». В работах других авторов, обращавшихся к этому предмету и ссылавшихся на идеи *Н. И. Жинкина*, встречаются такие трансформации термина: предметно-схемный, изобразительный код, УПК мышления, образный код, нейтральный язык, язык-посредник.

Пропозиция - универсальная единица памяти. **Пропозиции** - структурные пучки ассоциаций, связывающие элементарные представления или концепты [*Anderson, Bower, 1974. P. 3, 153*].

Пропозиция – это абстракция, которая передает фразу и похожа на нее. Но скорее, это мыслительная структура, связывающая идеи, понятия и даже образы.

Прототип – абстрактный образ, воплощающий множество сходных форм одного и того же паттерна, наиболее репрезентативный пример понятия, фиксирующий его типичные свойства.

Репрезентации - ментально-чувственные образы - представляют собой «следы» от всего, начиная от зрительных и акустических впечатлений до репрезентаций концептуального плана, которые образуются под воздействием предложения или прочитанного текста [*см. Бабушкин, 1996*].

Семантическое поле - совокупность единиц, объединенных общим содержанием и имеющих иерархическую структуру.

Сигнификат - содержание и объём понятия.

Скрипт (сценарий) – последовательность нескольких эпизодов во времени; это стереотипные эпизоды с признаком движения, развития.(н, посещение кино, поездка в другой город).

Субъекты картины мира: 1) отдельный человек, 2) отдельная группа людей, 3) отдельный народ, 4) человечество в целом.

Суперконцепт - глобальная семантическая категория, обобщающая значения всех слов определенного смыслового пространства [*Гумерова Н. Ж. Синонимич. средства развёртывания суперконцепта «видеть» в английском и*

русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. - Уфа, 2000: 7].

Сценарий - более сложная (по сравнению с фреймом) по организации когнитивная структура, как правило, предполагающая не статичность, а динамическое развитие ситуации, смену микроситуаций, например сценарии распорядка дня или посещения ресторана [*Cognition and categorization, 1978. P. 44*]. **Сценарий** — это упорядоченная во времени последовательность стереотипных ситуаций [*Герасимов, Петров 1988:7*]. **Сценарий** - процедурный способ представления знаний, формулируемый в терминах алгоритма или инструкции [*Баранов, Добровольский, 1997: 2*].

Схема – концепт, представленный некоторой обобщенной пространственно-графической или контурной схемой.(н, река – лента).

Фрейм - это структура данных, предназначенная для представления стереотипной ситуации [*Минский 1978: 254*].

Фрейм - является концептуальной структурой для декларативного (описательного) представления знаний о типизированной ситуации, содержащей **слоты**, связанные между собой определенными семантическими отношениями [*Баранов 2000: 16*].

Ядро концептуального поля - лексема-понятие или группа лексем-понятий, содержащих общее значение. **Ядерные конститuentы** наиболее специализированы для выполнения функций поля, систематически используются, выполняют функцию поля наиболее однозначно, наиболее частотны по сравнению с другими конститuentами и обязательны для поля.

Языковая картина мира - опосредованная языком (языковым кодом) Картина мира, запечатлевающая в единицах языка (лексике, фразеологии и т. д.) образы мира, представления о действительности, опытное знание народа, сформированное веками, и отражающая общественные процессы современности

Список условных сокращений использованных словарей

1. Древнетюркский словарь. (ДТС) [Текст] /В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р.Тенишев и др. - Л.: Наука, 1969. - 544 с.
2. КСКТ - Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. - М.: Изд-во МГУ, 1997.
- 3.ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь /Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Сов. энцикл., 1990.
- 4.ФЭС - Философский энциклопедический словарь. - М., 1983.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
Глава I. Общая характеристика состояния и принципов концептуальных исследований	
1.1 Об основной тенденции в современном языкознании.....	
1.2 Когнитивная лингвистика в системе антрополингвистики.....	
1.3 Типы картин мира.....	
1.4 Интерпретация понятий «менталитет» и «ментальность».....	
1.5 Современное состояние исследования концепта в когнитивной лингвистике.....	
1.6 Концепт и концептуальное поля в теории полей	
Выводы.....	
Глава II Взаимодействие языка и религии как объект лингвоэтнокультурного и когнитивно-лингвистического анализа (материал и методы исследования)	
2.1 Материал и объект исследования.....	
2.2 Язык и религия как составные части этнической культуры.....	
2.3 Трансформация концептуального содержания конфессиональной лексики и идиоматики.....	
2.4 Провербиальный фонд как исходная база изучения клерикальных фразеологизмов.....	
2.5 Языковой статус пословиц и поговорок.....	
2.6 Афоризмы и крылатые слова.....	
2.7 Идиомы – речевые формулы.....	
2.8 Когнитивный анализ провербиальных единиц.....	
2.8.1 Выделение групп с учетом когнитивных уровней значения и внутренней формы пословицы.....	
2.8.2 Понятие когнитемы.....	
2.8.3. Понятие когнитивной структуры.....	
2.9 Методики концептуального анализа.....	
Выводы.....	
Глава III. Теологические концептов в провербиально-ментальном пространстве и его основные результаты	
3.1. Менталитет: Восток и Запад.....	
3.2. Концепт «Кудай» и его реализация в языке.....	
3.3. Пратюркское название Бога в сравнительном освещении.....	
3.4. О нетюркских названиях Бога.....	
3.5. Концепт «Кудай – Бог» в провербиально-религиозной картине	

мира.....	
3.6 Концепт «Бог» в русской поговорочной картине мира.....	
3.7 Ассоциативный эксперимент как метод изучения концепта «Бог»	
Основные результаты исследования	
Заключение.....	
Список использованной литературы.....	